

ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Третьяков Дмитрий Геннадьевич

**Концептуализация проблем функциональности политических партий в
отечественной политологии**

Специальность 23.00.01. – Теория и философия политики, история и
методология политической науки.

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
доктор политических наук,
профессор А. А. Вилков

Саратов 2015

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Парадоксы практической электоральной функциональности российских политических партий в 3-4 электоральных циклах	
1.1 Нормативные аспекты функциональности и дисфункциональности политических партий в постсоветской России.....	25
1.2 Политико-технологические противоречия электоральной субъектности политических партий.....	50
Глава 2. Апологетические тенденции в концептуализации электорального опыта российских политических партий	
2.1. Ассоциирование отечественной методологии анализа политической функциональности партий с зарубежными «эталоном».....	72
2.2 «Партийность» научного и публицистического анализа электоральной функциональности партий.....	97
Глава 3. Критические направления концептуализации электорального опыта российских политических партий	
3.1. Анализ имитационного компонента участия политических партий в электоральных процедурах.....	123
3.2 Критика «технологизации» партийного участия в электоральных процессах.....	148
Заключение.....	172
Список использованных источников и литературы.....	180

Введение

Проблема функциональности политических партий в постсоветской России является одной из самых противоречивых и дискуссионных, а следовательно и одной из самых актуальных в отечественной политической науке. Обусловлено это тем, что данная функциональность неразрывно связана со сложной эволюцией политической и партийной системы в целом в данный период. Становление многопартийности обуславливалось, прежде всего, стремлением уйти от жесткой партийно-государственной системы, тотально контролирующей большую часть общественно-политических, социально-экономических и духовных процессов в советском обществе. Ключевой движущей силой становления российской многопартийности стали разнообразные оппозиционные силы, объединенные стремлением максимально ослабить существовавшую политическую систему и заменить ее на модель, апробированную в демократических странах.

Базовыми ориентирами нормативной и организационной институционализации партийной системы в постсоветской России стали классические демократические принципы многопартийности, которые были характерны для периода деятельности массовых и идеологизированных политических партий в западных странах. Соответственно в массовое сознание внедрялось представление о целесообразности формирования отечественных партий с классическим набором политических функций, отражающих их сущность как институтов гражданского общества, представляющих и защищающих в сфере политики интересы крупных социальных групп. Однако ситуация в западных странах давно изменилась и многие политические партии эволюционировали в реализации своих функций с учетом новой социальной стратификации и изменившихся мотивов голосования граждан в условиях перехода к так называемому «информационному обществу».

Данные нестыковки между идеально-типическими представлениями и изменившейся практикой партийного участия в политической жизни нашли свое отражение, прежде всего, в процессе альтернативных и конкурентных выборов, главными субъектами которых и стали российские политические партии и общественно-политические движения. Характер этого участия, формы и методы конкурентной борьбы политических объединений на выборах друг с другом привели к тому, что электоральная функциональность и классический набор функций политических партий вступили в противоречие друг с другом. Это привело к общепризнанному низкому уровню доверия российских граждан к данному политическому институту. Поэтому в научном сообществе не прекращаются дискуссии о том, какими должны быть современные российские партии, какой набор политических функций они должны реализовывать, чтобы стать эффективными демократическими институтами.

Теоретическая и практическая актуальность данной проблематики обусловлена также тем, что партийная и избирательная система России постоянно меняется, соответственно меняются и условия реализации функциональности политических партий. Сегодня представляется актуальным для политической практики понять, каковы реальные свойства той политической субъектности, какой обладают сегодня политические партии в модернизирующейся России. Иначе говоря, чего ждать от активности современных политических партий государству, обществу, как эта активность будет сказываться на динамике политико-культурных и иных процессов в пространстве российской политики. Недоверие российских граждан к активности политических партий проистекает как раз из непонимания гражданами того, насколько последствия функционирования партий могут быть конструктивными, либо деструктивными для состояния социально-политической системы.

Для политической науки представляется столь же актуальным достижение большей четкости в понимании того, насколько она, обладая наличным запасом знаний об опыте и теоретических основах функционирования партий в современном мире, способна концептуализировать эти новые состояния политической субъектности политических партий, их функциональности, прежде всего. Иначе говоря, насколько наука способна сегодня выйти за устоявшиеся границы теоретической либеральной апологетики политических партий как необходимейшего и практически основного института гражданского общества, надежнейшего критерия измерения «градуса демократичности» той или иной политики. Важно критически осмыслить и оценить бросающиеся в глаза противоречия между теоретическими, нормативными и фактическими основаниями функционирования партийных структур и партийных систем в современной политике.

Имеющуюся литературу по проблематике политической функциональности политико-партийных структур можно разделить на несколько блоков. Среди западных исследователей можно выделить работы Г. Алмонда, К. фон Бойме, К. Джанды, Т. Ремингтона¹, в которых партии рассматриваются как важнейшие институты демократии и гражданского общества. Многие работы классиков западной политологии переведены на русский язык², что позволило более подробно ознакомиться с

---

¹ *Almond G.A., Powell G.B., Jr. Interest Aggregation and Political Parties*//Almond G.A., Powell G.B., Jr. *Comparative Politics Today*. N.Y. 1996; *Boyte K. von. Political Parties in Western Democracies*. Aldershot, 1985; *Janda K. Political Parties: A Cross-National Survey*. New York, 1980; *Remington T. The Russian Parliament. Institutional Evolution in a Transitional Regime, 1989-1999*. New Haven & London, 2001;

² *Арон Р. Демократия и тоталитаризм*. . Перевод с французского Г.И. Семенова. М.: Текст. 1993; *Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны. О политических партиях США. (Свераясь с «классическими» оценками)* // Полис. 1993. №1; *Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция*. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010; *Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория* // Современная сравнительная политология. М., 1997; *Дюверже М. Политические партии*. Пер. с франц. М.: Академический проект. 2000.

теоретическими наработками в области взаимосвязи политических режимов и партийных систем и функциональности партиологии. Именно на эти представления о сути политической партии и ее функциональности в последние десятилетия пытаются опереться отечественные политологи. Чаще всего, опереться недостаточно критично. Во внимание не принимается тот факт, что концептуализация проблемы партийного строительства и функциональности партий в демократической системе на уровне идеально-типических моделей осуществлялась на фоне обозначившихся новых тенденций в мировой политической практике. Суть их состояла в диверсификации принципов и норм функционирования тех политических сил, которые по инерции, унаследованной от политической истории Европы, продолжали именовать себя партиями. В таких условиях обоснование теорий, стремящихся привести все многообразие функциональности политических партий к единому ряду принципов и форм, обозначило тот рубеж в развитии политической науки, на котором научное непонимание конкретной политической реальности достигло критической точки. Естественным видится выход концептуализации за очерченные «классикой» границы.

Отчасти такой выход демонстрируют отечественные исследования в данной области представленные в работах, посвященных различным аспектам партиологии. Особый интерес для нашего исследования представляют работы, авторы которых анализируют различные теоретические аспекты становления многопартийности в постсоветской России³. В той или иной степени функциональность политических партий

---

³ *Ашкеров А.Ю., Бударигин М.А., Гараджа Н.В., Данилов В.Н.* Основы теории политических партий. М.: Изд-во: Европа. 2007; *Каринцев О.И.* Проблема создания теории политической партии: история, современное состояние, перспективы // *Политическая социология.* М., 2008; *Коргунюк Ю., Заславский С.* Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности.- М., 2004; *Мусиенко К.* К вопросу о классификации политических партий (опыт применения западных политических концептов к анализу российской партийной системы) // *Власть.*

нашла свое отражение в работах по проблематике идеологии⁴ в постсоветской России. Чаще всего авторы делают акцент на факторах идеологического структурирования политического пространства, уделяя внимание, в том числе и роли идеологии в формировании и функционировании российских политических партий. В такого рода исследованиях в основе концептуализации проблемы функциональности политической партии лежит представление об определяющей роли идеологии. При таком подходе, однако, из поля зрения исследователя выпадает важная характерная черта политики, проводимой современными партиями во всем мире, включая Россию в постсоветский период, которая состоит в стремлении партийных структур максимально снять с себя диктат идеологических установок и даже манипулировать этими установками в интересах текущей политики. Возможность для идеологии определять функциональность политической партии не только в качестве фундамента партийного строительства, но и в качестве инструмента тактического лавирования в политике, на это, как представляется, современные исследователи не обращают должного внимания.

2008. №12; *Пляйс Я.А.* Партии и партийные системы в современной России (Обзор диссертаций современных российских политологов) // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М. – Ростов н/Д., 2004; *Шабров О.Ф.* Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. - 2006.- №1. С. 15-37.

⁴ *Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю.* Идеологическое структурирование российского партийного спектра // Политическая экспертиза. 2007. № 1. С. 48–63; *Бызов Л.Г.* Политические и мировоззренческие ценности Россиян и трансформация партийно-политической системы России // Мониторинг общественного мнения. 2008. №3(87); *Вилков А.А., Николаева А.А.* Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в политической жизни России. Саратов, 2009; *Карпенко О.М., Ламанов И.А.* Сравнительный анализ программных документов политических партий России. М., 2008; *Малинова О. Ю.* Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 97-106; *Митрахович С.П.* Локализация идеологической и ценностной игры «игры» российских политических партий // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. №1/09; *Тимофеева В.И.* Политические партии современной России как активный и профессиональный «носитель» и «производитель» политических идеологий: теоретические и практические аспекты // Вестник московского университета. Сер.12. Политические науки. - 2006. - №6. – С .46-47; *Шестов Н. И.* Политический миф теперь и прежде. Саратов. 2003.

В отдельную группу можно выделить работы, авторы которых особенности партийной системы и функциональность политических партий рассматривают в контексте эволюции избирательной системы постсоветской России через призму партийного участия в электоральных процессах различных уровней⁵. Однако в этом случае многие аспекты функционирования партий как институтов гражданского общества остаются за пределами исследовательского интереса. Хотя, именно в этом направлении имеется возможность интегрировать «классическую» традицию в современные концепции партогенеза и функционирования демократических политических систем. Появляется возможность использовать знание об электоральной функциональности партий для уточнения теоретических представлений об условиях и перспективах перехода современной российской социально-политической системы к существованию в режиме «гражданского общества». В какой – то мере этот недостаток компенсируется наличием самостоятельной группы исследований, которые посвящены анализу эволюции партийной системы в контексте становления гражданского общества в постсоветской России⁶. В рамках данного направления российские политические партии оцениваются не только как важнейшие субъекты политики и электоральных процессов, но и как институты

---

⁵ *Вилков А.А.* Трансформация многопартийности под воздействием избирательного процесса // Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006; *Заславский С.Е., Зотова З.М.* Организационно-правовые основы участия политических партий в выборах. М: РЦИОТ, 2007; *Зимин В.А.* Политические партии – важнейший элемент политической системы // Теория и практика общественного развития..Краснодар, 2012. № 12. С. 408–411 *Кынев А.В., Любарев А.Е.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволуция. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011; *Семенова М.А.* Проблемы формирования партийных стратегий избирательных кампаний в парламент Российской Федерации (1999, 2003, 2007 годы) // Социальная политика и социология. 2010. №2; *Яргомская Н.Б.* Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис. 1999. №4.

⁶ *Гудков Д.С.* Партийная система и гражданское общество // Обозреватель. 2011. №8; *Римский В.Л.* Гражданский запрос и политический ответ: общество, партии и власти после Болотной // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М.,2012; *Чижев Д.В.* Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008.

гражданского общества. Естественно, что в таких исследованиях доминирует апологетический подход к оценкам функциональности современных партий.

Еще одну группу работ представляют исследования партий и партийной системы как важнейших институтов демократии⁷. Чаще всего функциональность партий рассматривается в них в рамках становления правового государства на предмет соответствия функционирования партий конституционно-правовым нормам, правам и свободам российских граждан. Вместе с тем, в такого рода исследованиях, чаще всего, обходится стороной вопрос о тех ограничениях, которые естественным образом накладывает на функциональность политических партий их стремление строго следовать в русле стратегий формирования правового государства и в русле законодательной базы этого процесса. В то время как в современной политике укрепление сотрудничества партийных и государственных структур, которое в свое время категорически критиковали противники советской системы, со всей очевидностью набирает значимость и формируется некий особый стиль поведения «партий власти» и «партий при власти», который начинает многое определять в общем состоянии реальной функциональности партий как института политики.

Ряд исследователей акцент делают на анализе соответствия российских политических партий классическим характеристикам, представленным в зарубежных исследованиях⁸. Однако, у таких прямолинейных сравнений есть

---

⁷ Вилков А.А. Трансформация партий в регионах и перспективы укрепления демократии в современной России (на примере Саратовской области) // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 4 (25). С. 117-125; Заславский С.Е. Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003; Кисовская Н.К. Партии и перспективы демократизации в России // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001; Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. №2.

⁸ Галкин А.А. Партийные системы на Западе и в России: проблемы и перспективы. М., 2002; Кисовская Н. Г. Российские партии и западная модель // Полития. № 1(15). Весна 2000; Пиизова С.Н. От подражания к имитации: партийное строительство на постсоветском пространстве // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии, М. – Ростов н/Д., 2004. С.97-107.

методологический недостаток: формализованное соотнесение с западными моделями нередко побуждает исследователей гиперкритически оценивать состояние и потенциал функциональности отечественных политических партий и тем самым, фактически, ставить под вопрос саму возможность и необходимость концептуализации этого предмета, важность исследования перспектив такой функциональности.. не позволяет выявить специфику российского партийного строительства и объективно оценить тенденции развития функциональности данного института в современной России.

Большое количество исследований посвящено изучению трансформации партийной системы постсоветской России⁹. Их авторы делают акцент на выделении определенных этапов в формировании и развитии российской многопартийности, на тех объективных и субъективных факторах, которые определяли их специфику, в том числе и в отношении функциональности. При этом, однако, исследователи чаще всего не затрагивают важный для общей оценки динамики современной российской политической системы аспект: на разных этапах различия в функциональности партий, очевидные дисфункции являлись преимущественно следствием, или преимущественно причиной многократных в постсоветской истории перестроек партийных систем, в результате которых не сложилось устойчивой институциональной базы для прогресса гражданской активности.

Различные аспекты функциональности политических партий рассматриваются в работах, посвященных проблемам политической

---

⁹ Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // *Общественные науки и современность*. 2006. №1. С. 46-58; Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «ИНДЕМ», 2007; Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009; Пишцова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? // *Полис*. 1998. № 4; Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // *Политические институты на рубеже тысячелетий*. Дубна, 2001. С.64-65.

конкуренции в современной России¹⁰. Их авторы делают акцент на том, что отсутствие реальной цикличности в конкуренции политических партий на протяжении всего постсоветского периода является одной из главных причин низкого политического авторитета и эффективности данных институтов. С этим тезисом можно согласиться лишь отчасти, если принять во внимание то обстоятельство, что эта самая реальная цикличность совершенно не воспрепятствовала «вползанию» политических и социальных систем ведущих демократий современного мира в системный кризис, в результате которого центр политической функциональности переместился, в целом, от общественного пространства политики к государственному пространству. Эта цикличность не помешала современным правовым государствам в значительной мере поглотить пространство публичной политики.

В отдельный блок можно выделить исследования и практические пособия по избирательным технологиям¹¹, в которых функциональность политических партий рассматривается через призму их подчиненности главной электоральной задаче – обеспечения победы на выборах. Такой «технологический» подход представляется зауженным, особенно с учетом того, как, целом, сегодня проблематична роль электоральных кампаний в достижении стабильности социально-политических систем (в свете современной истории «цветных» революций) и насколько проблемна в свете политической реальности сама категория «победа на выборах».

---

¹⁰ Кулик А.Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.: ИНИОН РАН, 2009; Михалева Г. М. Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М., «КМК», 2010. С. 75-96; Щербак А. П. Коалиционная политика российских партий // Полис. 2002. №1.

¹¹ Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. М., 2002; Кудинов О.П. Большая книга выборов. М., 2003; Морозова Е. Г. Электоральный менеджмент. М., 2002; Серавин А.И. Поиски творчества: Избирательные и предвыборные технологии на территории бывшего СССР. СПб, 2007; Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб, 1999; Технологии избирательных кампаний. М.: ИКЦ МарТ. 2004;

Некоторые авторы акцент делают на анализе отдельных функций политических партий¹², рассматривая их либо в качестве одной из важнейших задач текущего политического момента, либо в качестве новой функции, которую необходимо включить в совокупность классических партийных задач, как ответ на вызовы времени и изменившиеся условия их деятельности. Особенно интересно исследование партий как механизма согласования социальных интересов¹³.

Проблемам партийного строительства посвящено достаточно большое количество кандидатских и докторских диссертаций¹⁴, в том числе, по материалам политического процесса в Саратовской области и других регионах Поволжья¹⁵.

Ряд важных сюжетов, выделенных нами на основе анализа научных публикаций, показывает, что тема многопартийности не закрыта и не

---

¹² Данилов М.В. Партии как агент политических инноваций // Политическая и правовая жизнь изменяющейся России. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007; Штоль В., Федорченко С. Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве // Обозреватель. 2013. №6. С.47-58.

¹³ См.: Жирнов А.Г., Санжаревский И.И. Политические механизмы согласования общественных интересов в политическом процессе современной России: монография Тамбов: изд-во «ООО «Юлис». 2008. 150 с.

¹⁴ Грызлов Б.В. Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика. Автореф.дисс....канд.полит.н. Спб, 2001; Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. Автореф.дисс....д-ра полит.н. М., 2009; Михалева Г.Н. Формирование российской многопартийности в контексте трансформационных процессов. Автореф.дисс.... д-ра полит.н. М., 2011; Толпыгина О.А. Идеологическое структурирование партийного спектра в современной России. Автореферат дисс....канд.полит.н. Пермь. 2012. Федоринов Е.В. Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма. Автореф. дисс.... д-ра полит.н. М., 2002

¹⁵ Головченко В.И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России. Автореф.дисс....д-ра полит.н. Саратов, 2009; Громов В. И. Политический центризм в партийном спектре современной России. Дисс. канд. полит.н. Саратов. 2005; Данилов М.В. Партии в политическом пространстве современной России. Автореф. дисс....канд.полит.н. Саратов, 2003; Жедь Б. А. Легитимные механизмы регулирования внутривнутриполитической конкуренции в постсоветской России. Автореф. дис. ... канд. полит. н. Саратов. 2013; Шугаев А.А. Развитие партийной системы на региональном уровне. Автореф. дисс.... канд.полит.н. Саратов, 2009

утратила своей научной и практической актуальности. Некоторые из обозначенных сюжетов стали предметом анализа в данной диссертации.

Поэтому **целью** данной работы является анализ состояния и взаимосвязанности основных теоретических и эмпирических научных подходов к анализу политической функциональности партий, определяющих сегодня направленность и логику партологических исследований.

В связи с обозначенной целью поставлены следующие научные задачи:

1. Выявление методологических оснований в научных трактовках нормативных аспектов функциональности и дисфункциональности политических партий.

2. Исследование политико-технологических противоречий функциональности российских политических партий, порожденных условиями их существования как институтов гражданского общества и субъектов электоральных процессов.

3. Изучение особенностей отечественной методологии анализа политической функциональности партий, ориентированной на поиск аналогий между отечественной и зарубежной теорией и практикой партогенеза, возведенной в «эталон».

4. Выявление значимости влияния на методологию изучения функциональности партий различных проявлений «партийности» научно-исследовательских позиций и публицистических дискурсов.

5. Анализ особенностей основных трактовок имитационного компонента участия политических партий в электоральных процедурах.

6. Осмысление критики в отечественной политической науке условий и последствий «технологизации» партийного участия в электоральных процессах

В соответствии с этим перечнем исследовательских задач **объектом** диссертационного исследования являются теоретические концепты

функциональности политических партий в условиях современной демократической политики.

Предметом исследования являются проблемы функциональности и дисфункциональности политических партий в том их виде, в котором они представлены в политологической литературе апологетической и критической направленности, проблемы научного объяснения природы и последствий этой функциональности и рисков дисфункциональности.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования основана на предположении, что современные научные дискуссии о природе, базовых характеристиках, практически-политической значимости и рисках функциональности политических партий и дисфункциях в их субъектности отражают реальный переход процесса политологической концептуализации этой проблематики от стадии реинтерпретаций «классических» моделей партогенеза и функционирования партийных систем, ориентированных на эталонизацию либерально-демократического опыта, к стадии поиска и апробации концептов, ориентированных на учет многообразия политического опыта и политических интересов разных гражданских сообществ и разных государственных систем.

Ориентиром для отечественной науки в этом переходе, вероятно, мог бы послужить накопленный за последние три десятка лет багаж эмпирических и теоретических исследований элитологов и специалистов по электоральным процессам. Это та фактура, которая может стать прочным основанием любого варианта концептуализации, даже если предположить, что он будет просто воспроизводить традиционные «классические» подходы, либо предлагать нечто совершенно оригинальное. Тем не менее, концептуализация сегодня больше ориентирована на поиск фатальных связей между функциональностью/дисфункциональностью партий и состоянием нормативно-правовой базы российской политической жизни. При нынешней динамике политической жизни ни один закон не успевает за новыми

свойствами политической субъектности партий и для исследователя возникает соблазн облегченного объяснения источника всех проблем современных партийных систем, включая российскую.

Возможно, именно этим объясняется устойчивое стремление современных теоретиков и политологов-прикладников убедить самих себя, что сегодня перед ними все тот же объект и предмет исследования, что был и перед классиками мировой партологии в прошлом столетии, что, в сущности, партии те же, функции, те же и проблемы функциональности легко объяснить несовершенством системы правового государства: будут «правильные законы» - будет и прирост функциональности политических партий. Простого наблюдения за фактурой российской политики достаточно, чтобы понять, что такая концептуализация имеет узкое основание, не учитывает общих тенденций, связанных с изменениями политических субъектностей граждан, социумов, государственных институтов. Возможно поэтому, вместо предложения оригинальных концептов партогенеза и интерпретаций условий и рисков функциональности/дисфункциональности партий, политология сегодня развивается в нашей стране по линии конкуренции апологетических и критических оценок и прогнозов. Если смотреть на эту ситуацию в общем политико-культурном контексте, то можно предположить, что это реакция науки, переживающей период общего разочарования от своей недавней увлеченности либерально-демократическим трендом и пытающейся найти разумное объяснение причинам такого разочарования.

Теоретико-методологическая база диссертации Научная методология исследования обусловлена проблематикой темы, совокупностью обозначенных цели и конкретных научных задач диссертации.

С помощью системного подхода российская многопартийность была проанализирована как целостная система, состоящая из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, функционирующих на основе определенных

принципов, норм и правил. Это позволило выделить определенные этапы становления российской партийной системы, рассмотреть основные факторы, обусловившие эволюцию функциональности политических партий на каждом этапе, проанализировать причинно-следственные связи избирательной и партийной систем.

Структурно-функциональный подход дал возможность соотнести содержательные характеристики отдельных элементов партийной системы и выполняемых ими функций с теми задачами, которые многопартийность реализует в политической системе и гражданском обществе в целом.

С помощью институционального подхода партийная система была рассмотрена как важнейший элемент политической системы, что позволило проанализировать его взаимосвязи с другими институтами (с избирательной системой, с властными институтами, с институтами гражданского общества, с механизмами рекрутирования элиты, и др.).

Нормативный подход дал возможность изучить совокупность международных и отечественных нормативно-правовых актов, регулирующих функционирование политических партий и механизмов их взаимодействия с властью, обществом и друг с другом.

Компаративный подход позволил выявить универсальные и специфические характеристики различных моделей многопартийности и функциональности политических партий и их конкретные проявления в условиях различных политических режимов и соотнести их с реальными характеристиками партийной системы в современной России.

Исторический подход обеспечил выделение основных этапов становления многопартийности в постсоветской России, изучение основных факторов, обуславливающих ее динамику и выявление основных тенденций эволюции функциональности российских партий.

Кроме того, в работе был использован качественный контент-анализ, объектом которого стали публикации научного и публицистического плана,

посвященные электоральной функциональности политических партий за период с 01 сентября по 31 декабря 2011 года, то есть увидевшие свет во время решающей фазы избирательной кампании в Государственную Думу. Данный метод позволил выяснить основные проявления принципиального различия между научным и публицистическим толкованием электоральной функциональности партий, а также влияние на позицию автора его политических пристрастий.

Источниковая база исследования. Выбор источников диссертации предопределен характером темы, научным объектом и предметом, сформулированными целью и задачами, а также методологией исследования.

Использован широкий круг разнообразных источников, которые условно можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это российские и международные нормативно-правовые акты, определяющие принципы и правила функционирования политических партий, обеспечивающие права и свободы граждан на участие в политической жизни (Конституция Российской Федерации, избирательное законодательство, закон «О политических партиях», и др.).

В соответствии с объектом и предметом диссертационного исследования в качестве ведущих источников были использованы труды ведущих зарубежных и отечественных партиологов, которые позволили рассмотреть основные концептуальные подходы к институту многопартийности и функциональности политических партий в постсоветской России, соотнести основные имеющиеся модели с политическими реалиями современной России и оценить эффективность сложившейся модели российской партийной системы.

Для решения поставленных задач использовались материалы аналитических докладов, среднесрочных и долгосрочных прогнозов ведущих научных центров, изучающих различные аспекты становления

многопартийности в постсоветской России, которые позволили обобщить накопленные статистические, электоральные и социологические материалы, характеризующие динамику партийного строительства и выделить основные тенденции эволюции функциональности российских политических партий.

Для анализа конкретных функций политических партий были использованы их программы и предвыборные материалы участия в выборах различного уровня и масштабов. Большое значение имели статистические данные, отражающие процессы партийного строительства в постсоветской России.

Для понимания функциональности политических партий важное значение имели материалы различных СМИ, которые отражали процессы взаимодействия партий друг с другом, обществом и властью, динамику структурирования партийно-идеологического пространства постсоветской России.

Широко использовались также материалы ведущих социологических центров современной России, отражающих результаты разнообразных социологических исследований по восприятию политических партий в массовом сознании, позволяющих оценить эффективность их функциональности в решении важнейших общественных проблем (ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ, РОМИР, и др.).

Были широко использованы также разнообразные интернет-ресурсы: официальные сайты государственных органов, политических партий, ведущих исследовательских центров, сайтов различных СМИ.

Новизна настоящего исследования состоит в том, что выявлены и объяснены базовые противоречия в современных процедурах концептуализации проблематики партийной функциональности, которые сегодня мешают отечественным специалистам придти к согласованным оценкам нынешнего состояния и перспектив российского партогенеза, и вследствие которых политическая наука продолжает в методологии

партологических исследований ориентироваться преимущественно на стратегию реинтерпретации классических концептов, нередко конфликтующих с реалиями российской политики.

Новым является авторский подход, позволяющий представить в системе всю разнообразную совокупность различных научных толкований природы и смысла партийной функциональности. То есть, в ходе исследования обнаружены существенные связи и противоречия между исследовательскими методологиями, которые являются признаками вступления современных исследований партийной функциональности в новую фазу, в которой логика дальнейших исследований будет подчинена конкуренции апологетических и критических подходов, конкуренции понимания функциональности партии как технологического феномена и как производного от общих свойств политической системы и динамики реальных политических процессов.

На основе проведенного исследования сформулированы следующие **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Сделан вывод о начале нового этапа в изучении политической субъектности и функциональности партий в современной России. Основным признаком можно считать гораздо большее, чем прежде внимание специалистов к тому, как соотносятся между собой фактическая функциональность партий в политическом процессе, нормативная сторона такого их участия, культурные детерминанты приверженности граждан партийному формату современной демократической политики, и те требования к такой функциональности, которые заложены в партийных стратегиях и тактиках, воплощаются в разного рода электоральных технологиях и идеологическом творчестве.

2. Тем не менее, во многих исследованиях отечественных специалистов срывает определенный момент инерции в представлениях о том, каковы должны быть методологические позиции научного анализа

реальной функциональности современных партий и возникающих дисфункций в их политической активности. По-прежнему для многих исследователей ключевым методологическим ориентиром служат классические, преимущественно зарубежные по происхождению, теории, которые рассматривают политическую партию в качестве субъекта, действующего в условиях нарастания гражданской активности, укрепления связей и взаимопонимания между элитой и рядовым электоратом, прогрессирования нормативных основ политики и наличия у этой политики четких и оптимистичных целей. Реалии современного глобализующегося мира побуждают к сомнениям относительно методологической рациональности такого оптимизма. При определении своих методологических приоритетов исследователи недостаточно внимательны к тем вызовам и рискам, которые сегодня обуславливают функционирование партий в социально-политических системах, которые втянуты в модернизационные процессы, вынуждены сверять свой многовековой политический опыт с вызовами глобализации.

3. Проведенное исследование выявило тенденцию к некоторому снижению влияния на позиции исследователей идеологических установок. Это проявляется в определенном равновесии критики и апологетики в исследованиях партийных систем. Закончилось доминирование апологетической тенденции, обусловленной определенной идеализацией принципов, форм и норм функциональности партии в либеральной системе в сравнении с ее функциональностью в системе советской. Сегодня преобладают более взвешенные исследовательские оценки, которые, на наш взгляд, являются симптомом движения партологических исследований к новому качеству. В целом, в современных политологических исследованиях отчетливее обнаруживается понимание исследователями того, что не идеальна не только политическая реальность, не идеальны и сами

политические теории в смысле свойств тех идеалов, партийной функциональности, в частности, которые они конструируют.

4. Вместе с тем, имеет место и другая тенденция. Снижение идеологичности исследований партийной функциональности нередко ведет к фактографичности исследовательских программ, к минимизации научной прогностичности этих исследований и усилению прогностичности публицистической, отталкивающейся от собственного, часто очень субъективного понимания исследователями «интересов строительства гражданского общества» и «интересов строительства правового государства»

5. Недостаточно осмысленным остается тот факт, что современные партийные идеологии по своему качеству и своей функциональности заметно смещаются из области рациональных мотиваций политического участия граждан в область манипулятивных технологий. Партийные технологии мобилизации также не предусматривают последовательной разъяснительной работы с принципиально недоверчивым и пассивным электоратом, а политическая наука продолжает рассматривать такую дистанцированность современных партий от реалий политической жизни как естественное состояние.

6. Новой тенденцией является сосредоточение внимания исследователей на анализе причин, смыслов и последствий имитационных стратегий и тактик партийного участия в политике. Это, как представляется, тоже, в какой-то мере, результат «прозрения» отечественной партологии относительно ключевых принципов либеральной политической системности и функциональности. Если в первые постсоветские годы исследователи часто списывали неудачи партийной функциональности на неразвитость гражданского самосознания российского электората, то сейчас исследователи больше внимания уделяют тому обстоятельству, что электорат во многих случаях вполне адекватно реагирует на попытки политических партий имитировать идеологическую активность, имитировать обновление рядов

партийной элиты, имитировать приоритетную заинтересованность этой элиты в продвижении в политику общественных ценностей и традиций.

7. В оценке практической активности современных партий наука сегодня проявляет больше стремления встать на сторону электората, чем на сторону партийных элит. Это, как представляется закономерная реакция исследовательского сообщества на нарастание значения имитационных стратегий и тактик в политике вообще, которое ставит перед обществом и исследователями принципиальный вопрос о смысле современной демократической политики, о продуктивности либеральных идей и ценностей как таковой. В этом смысле, указанное направление исследовательской работы по изучению не только партийной функциональности, а всей системы демократической политики, представляется важным и продуктивным.

Теоретическая и практическая значимость исследования

1. Осуществлен критический анализ общего состояния исследований по проблематике политической функциональности современных политических партий.
2. Выявлены «узловые точки» (проблема нормативного управления функциональностью партии, проблема технологизации партийных функций, проблема «партийности» исследовательских дискурсов) в политологических концептах, в которых происходит конфликтное пересечение различных аналитических программ и которые могут служить для исследователя современного состояния и перспективы развития политической науки ориентирами при вынесении оценок и построении прогнозов.
3. Обоснована теоретическая и прикладная политологическая перспективность дальнейших исследований функциональности политических партий в современных демократических системах и намечены возможные направления таких исследований, хорошо

подкрепленные накопленным на сегодняшний день фактическим материалом, но остающихся за пределами исследовательского внимания (функциональность партий и доминанты социальной и элитарной политической культуры, проблема функциональности партий и проблема критериев прогрессирования современных демократических политических систем, идентичности субъектов политического процесса как фактор стабилизации и дестабилизации функциональности партий).

4. Раскрыты особенности основных трактовок имитационного компонента участия политических партий в электоральных процедурах, вследствие которых современная политическая мысль колеблется от признания за партиями большого политического будущего, до прямого отрицания значимости их роли в современной реальной политике.

Апробация работы. С результатами диссертационного исследования автор выступал на следующих международных, всероссийских и региональных конференциях:

Международная научно-практическая конференция «Политико-правовые проблемы взаимодействия власти, общества и бизнеса: опыт России и зарубежных стран», 1-2 июля 2011 г., Саратов, СГУ (доклад «Особенности экономической составляющей партийных технологий на региональном уровне»); 1 международная научная конференция преподавателей, аспирантов, соискателей, студентов «Гуманитарные науки в современном обществе: цивилизационные ценности и глобальные вызовы», СГУ 23 марта 2012 (доклад: Синдром ритуальности в восприятии выборов в политической культуре россиян); VI Международная научно-практическая конференция: «Политико-правовые технологии разрешения конфликтных ситуаций между властью, общественными организациями и СМИ», Саратов, СГУ 1-2 июля 2013 года (Доклад: «Партийность» научного и

публицистического анализа электоральной функциональности партий»; V Международный Конституционный Форум, посвященный 20-летию принятия Конституции Российской Федерации «Конституция в эпоху глобализации», Саратов, СГУ, 17 декабря 2013 года (Доклад: «Конституционные основы электоральной функциональности политических партий в современной России»); VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». Москва, 22-24 ноября 2012 г. (доклад: «Перспективы последствий либерализации партийного законодательства в российских регионах»); Региональный КРУГЛЫЙ СТОЛ «Политические институты и процессы в современной России в региональном измерении», Саратов, СГУ 25 апреля 2013 года («Технологизация» партийного участия в электоральных процессах регионального уровня)

Кроме того, работа была обсуждена на заседании кафедры от 30 января 2015 г., протокол № 10.

Структура работы состоит из введения, трех глав и шести параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

1 Глава Парадоксы практической электоральной функциональности российских политических партий в 3-4 электоральных циклах

1.1 Нормативные аспекты функциональности и дисфункциональности политических партий в постсоветской России

Базовые принципы, определяющие место и роль политических партий в политической системе России и принципы их функционирования закреплены в 13 статье Конституции Российской Федерации. В соответствие с ней:

«1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.

4. Общественные объединения равны перед законом.

5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹⁶. Тем самым в Конституции были закреплены базовые принципы плюрализма, альтернативности, конкуренции, равенства всех общественных движений.

Политические партии не выделены в качестве главных субъектов политической жизни страны. Более того, глава 4 Конституции РФ,

---

¹⁶ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://constitution.kremlin.ru/> (Дата обращения 06.01. 2014 г.)

определяющая политический дизайн и ресурсы института Президента, характер его взаимоотношений с другими органами власти, ни слова не упоминает о его партийной принадлежности, либо партийной деятельности, как предварительного фильтра и условия, чтобы занять эту должность. То же самое характерно и для 5-й главы Конституции РФ, в которой прописаны prerogatives Федерального собрания. В ней нет ни слова о партийной принадлежности депутатов Государственной Думы и Совета Федерации и констатируется, что порядок формирования Совета Федерации и порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливаются федеральными законами¹⁷. Порядок формирования Правительства Российской Федерации и его функционирования (глава 6) также никак не связан в Конституции РФ с его партийной принадлежностью, или с партийными фракциями в парламенте.

Статья 30 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину «право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем»¹⁸.

Таким образом, анализ Конституции РФ позволяет констатировать, что акцент в ней сделан не на институционализации политической функциональности зарождающейся многопартийности, а на индивидуальных правах российских граждан участия в общественно-политической жизни страны. Скорее всего, законодатели рассчитывали на то, что обеспечив максимальные возможности гражданского участия, они тем самым обеспечат естественное формирование российских партий на основе социального

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://constitution.kremlin.ru/> (Дата обращения 06.01. 2014 г.)

движения снизу. Для того, чтобы не сковывать эти инициативы и не загонять процесс партийного строительства в конституционно ограниченное русло, роль самих партий в Конституции Российской Федерации оказалась не прописанной. Впоследствии она закреплялась на уровне федеральных законов (ФЗ 1995 года «Об общественных объединениях»)¹⁹, а также в рамках федерального избирательного законодательства²⁰. Однако фактически на протяжении 1990-х годов в отношении партий доминировал принцип «первые среди равных». Т.е. партии как субъекты политической жизни и электоральных процессов выступали фактически на равных с другими общественными объединениями.

В этой связи, на наш взгляд, вряд ли имеет под собой основание достаточно распространенная в отечественной политической науке точка зрения о ключевой роли российских политических партий и системы многопартийности в процессе становления и развития политического плюрализма в постсоветской России²¹. Скорее, можно говорить о том, что само существование российских партий и их робкое идеологическое творчество, другие, более явные аспекты их функциональности есть следствие устойчивого политического плюрализма в структурах массового сознания, сформировавшегося за три десятка лет демократических реформ и модернизации.

Для такого заключения находится немало оснований в исследованиях по истории становления российской многопартийности²². Большинство

¹⁹ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ "Об общественных объединениях" // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 2950.

²⁰ Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ" // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406; Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ "О выборах Президента РФ" // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1924; Федеральный закон от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398.

²¹ См.: Федоринов Е.В. Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма. Автореф. дисс.... д-ра полит.н. М., 2002. С.12-13.

²² См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006; Пишизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полис. 1998. № 4;

исследователей сходятся в том, что многие молодые российские партии не имели серьезных программ и соответственно социальной базы, что они были персонцентричны и ориентированы на проведение своих лидеров на те или иные выборные должности²³. Это сформировало особое понимание отечественной партийной элитой того, в чем, собственно, должна и может состоять функциональность политической партии, особое отношение к трудностям и противоречиям в этой функциональности. Базовое для «западных» партийных систем противоречие между статусом партии как института гражданского общества и, одновременно, элемента в системе политической власти в российских условиях не актуализировалось. Гораздо более актуальным в данных условиях становился вопрос о нормативном регулировании процесса политического участия и строительства партий, решение которого выглядело наиболее эффективным средством снятия всех внутренних противоречий в реальной политике, порожденных двойственностью статуса партий. Следует, правда, заметить, что сама по себе такая двойственность не рассматривалась классиками европейской политической теории ни как существенное препятствие к обретению партиями функциональности, ни как проблема, подлежащая решению преимущественно нормативными средствами.

Т. Парсонс, например, подчеркивал, что политические партии «связаны с процессом управления, но также и с разного рода ассоциированными группами интересов, большинство из которых представляют различные

Заславский С.Е. Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003. С. 96–97; *Коргунюк Ю., Заславский С.* Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности.- М., 2004; Кулик А.Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.:ИНИОН РАН, 2009

²³ См.: *Вилков А.А.* Трансформация партий в регионах и перспективы укрепления демократии в современной России (на примере Саратовской области) // Правовая политика и правовая жизнь.2006. № 4 (25). С. 117-125.

осуществляющие определенную деятельность коллективы»²⁴. Р.Арон, обосновывая фундаментальное значение многопартийности для становления демократии, одновременно указывал на то, что «партии продуцируют демагогию, вынуждают своих членов не выходить даже в мыслях за некие пределы, не выступать в защиту непартийных интересов»²⁵.

Важно иметь в виду, что изменение функциональности современных политических партий отражает общемировую тенденцию. Суть ее состоит в том, что уже в XX веке произошла значительная трансформация социальной стратификации ведущих демократических стран, которая вызвала соответствующие изменения правил взаимодействия власти и общества и участия партий в этом процессе.

Созданные в XIX веке массовые партии, ориентировались на классовые интересы, или интересы крупных социальных общностей по различным социетальным линиям размежевания (город – деревня, труд – капитал, мужчины – женщины, и другие). Функционально программное оформление данных интересов опиралось на возникшие в предшествующий период (и продолжавшие развиваться) идеологии (прежде всего метаидеологии: либерализма, консерватизма и социал-демократии), а деятельность партий была нацелена на максимальное вовлечение в ряды партий своих социально-классовых представителей. Однако в процессе постепенного усложнения социальной стратификации западноевропейских стран, такие партии перестали отвечать условиям успешной конкуренции на выборах. Многие избиратели, традиционно считавшиеся сторонниками конкретных партий, стали «перебежчиками», и перестали голосовать по классовому и социетальному признаку, ориентируясь на более сложную мотивацию

---

²⁴ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс. 1997. С. 42.

²⁵ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. . Перевод с французского Г.И. Семенова. М.: Текст. 1993. С. 281-282.

электорального выбора (религиозные ценности, конкретные проблемы, требующие первоочередного решения, харизматичность кандидатов, и др.).

Кроме того, сыграло свою роль и то обстоятельство, что в процессе конкурентной борьбы, многие западные партии постепенно конвергировали в своих программах базовые ценности и принципы других идеологий, что привело к существенному размыванию границ партийно-идеологического спектра. В результате партии перестали ориентироваться на выборах на какой-либо конкретный класс, или определенную социальную общность, и стали включать в программы требования различных социальных групп. Такая эклектичность не только сказалась на ослаблении идеологической мотивации работы с населением, но и к изменению и организационной и функциональной сущности партий. Многие из них стали превращаться в относительно небольшие кадровые, электоральные партии, ориентированные на концентрацию всех партийных ресурсов в ходе избирательной кампании для привлечения на свою сторону максимального количества голосов представителей самых различных электоральных сегментов.

В постсоветской России данные тенденции наложились на неизбежные «детские болезни» становления многопартийности – популизм, демагогию, пестроту и эклектичность формирующихся партий. Однако нормативное закрепление в российском законодательстве принципов функционирования и совокупности их функций произошло с ориентацией на теорию и практику классических массовых партий.

В настоящее время совокупность функциональности закреплена юридическим определением понятия политической партии, которое дано в статье 3 ФЗ «О политических партиях»: «политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов

граждан в органах государственной власти и в органах местного самоуправления»²⁶.

Данный закон четко прописывает, что основными целями политической партии являются: «формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти; выдвижение кандидатов (списков кандидатов) на выборах Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, выборных должностных лиц местного самоуправления и в представительные органы муниципальных образований, участие в указанных выборах, а также в работе избранных органов»²⁷.

Однако достаточно посмотреть на опросы общественного мнения ведущих социологических центров России последних двух десятилетий, чтобы увидеть, что данные цели, определяющие классическую функциональность политических партий, реализуются таким образом, что граждане отказывают данному институту в своем высоком доверии. Например, по данным ВЦИОМ²⁸ в январе 2013 г. в целом одобряли деятельность партий только 34% опрошенных, а не одобряли 43%.

Это противоречие, которое определяется нами как парадокс дисфункциональности, отражает, прежде всего, несовпадение публично

---

²⁶ Федеральный закон «О политических партиях» от 01.12.2012 N 211-ФЗ) // URL: Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133799> (Дата обращения 1.02. 2013)

²⁷ Там же.

²⁸ Официальный сайт ВЦИОМ. Рейтинги: Одобрение: Общественные институты. // <http://wciom.ru/> (Дата обращения 2.02. 2013)

декларируемых (к тому же нормативно закрепленных) целей партий и реально доминирующих функций в их деятельности.

Публично-правовой статус партии как института гражданского общества нормативно закрепляет нацеленность партийной деятельности на укрепление связей с конкретными социальными группами, на включение их требований по защите социальных интересов в программы и предвыборные платформы политических партий и партийных кандидатов и перенесение их в сферу политики. На этом делают акцент большинство российских партиологов²⁹.

Формально в политической жизни России этот вектор функциональности политических партий реализуется вполне успешно. Партии стремятся сегментировать электорат в соответствии с приоритетами представительства его интересов, апеллируют к интересам этих сегментов в предвыборных дебатах и агитационно-рекламных материалах, проводят публичные встречи с представителями данных электоральных групп. Логично предположить, что и мотивация своего голосования на выборах у каждого избирателя должна быть обусловлена, прежде всего, наибольшей убедительностью кандидатов от конкурирующих партий представлять личные и групповые интересы конкретного гражданина.

На такой подход нацеливают и большинство политехнологических пособий на тему «как победить на выборах»³⁰.

Но это не объясняет того парадокса, о котором было сказано выше – почему граждане, голосуя в массовом порядке за конкретные политические

---

²⁹ См., например,: *Чижов Д.В.* Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008.

³⁰ См: *Кудинов О.П.* Большая книга выборов. М., 2003; *Малкин Е., Сучков Е.* Основы избирательных технологий. М., 2002; *Сервин А.И.* Поиски творчества: Избирательные и предвыборные технологии на территории бывшего СССР. СПб, 2007; Технологии избирательных кампаний. М.: ИКЦ МарТ. 2004; Технологии политики. К 15-летию Центра политических технологий / Центр полит. технологий ; отв. ред. Б. И. Макаренко. - М. 2006;

партии, отказывают им же в доверии как институту, представляющему интересы российского общества.

Социологи для изучения данных противоречий используют различные виды замеров общественного мнения: рейтинги доверия, рейтинги поддержки, рейтинги голосования, рейтинги одобрения и т.д. Ранжированные таким образом материалы действительно помогают конкретизировать разницу между данными Центризбиркома о голосовании граждан за партии и реальными настроениями людей в отношении данных партий и их лидеров, но не могут объяснить причины существенных расхождений.

Примером могут служить материалы, полученные ФОМ накануне выборов депутатов Государственной Думы 2011 г., в которых наряду с традиционным мониторингом предвыборных предпочтений избирателей содержатся данные, которые показывают разницу между уровнем голосования за конкретные партии и уровнем доверия к ним (табл. 1).

*Таблица 1.*³¹

Есть ли среди существующих в России политических партий такая, которую вы считаете своей, о которой вы можете сказать: «Да, это Моя партия!» (Данные в % от групп)

	Да, есть такая партия	Нет, такой партии нет	Затрудняюсь ответить
Население в целом	20%	71%	9%
Электорат «Единой России» (41%)	25%	59%	16%

³¹ Таблица составлена по материалам опроса ФОМ 25 сентября 2011 г. ФОМнибус - репрезентативный опрос населения старше 18 лет. Респонденты - жители 100 городских и сельских населенных пунктов из 43 субъектов РФ. В опросе участвовали 1500 человек. Вопросы задавались в ходе интервью по месту жительства респондентов // URL: Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10210> (Дата обращения 29.02. 2012)

респондентов)			
Электорат КПРФ (12% респондентов)	38%	54%	8%
Электорат ЛДПР (11% респондентов)	30%	64%	6

Материалы таблицы показывают, что значительная часть тех респондентов, которые определились с голосованием за конкретную партию на предстоящих выборах, не считают ее «своей» партией. Даже среди сторонников КПРФ 62% опрошенных не назвали ее таковой. Только каждый четвертый сторонник «Единой России» и каждый третий сторонник ЛДПР назвали эти партии «своими».

Но главное, что 80% из 1500 опрошенных респондентов ни одну из действующих партий не идентифицировали в качестве «своей». Более того, когда им был задан вопрос о том, могут ли они представить себе партию, о которой сказали бы: «Да, это Моя партия!», то положительный ответ дали всего 8% опрошенных, 62% однозначно ответили, что не могут представить такую партию и 10% - затруднились с ответом³². Это очевидное свидетельство явного кризиса легитимности института политических партий в современной России.

О том, какой должна быть такая «идеальная» партия и как ранжируются основные требования к данной партии, дают определенное представление следующие материалы (табл. 2)

³² Материалы опроса ФОМ 25 сентября 2011 г. // URL: Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10210> (Дата обращения 29.02. 2012)

Таблица 2.³³

Подумайте, пожалуйста, о партии, о которой вы сказали бы – «Это Моя партия», независимо от того, реальная она или воображаемая. Отметьте на карточке позиции, которые имеют к вам отношение. (Вопросы задавались тем, кто сказал, что есть такая "Моя партия" или затруднился ответить - 28% респондентов)

	Население в целом	Имеющие свою партию и те, кто может её представить
Я могу сказать, интересы каких людей должна защищать Моя партия	24	88
Я могу сказать, какими наиболее острыми проблемами должна заниматься Моя партия	23	84
Я могу сказать, какие цели должна ставить перед собой Моя партия	23	82
Я могу сказать, какие идеи должна отстаивать Моя партия	21	74
Я могу сказать, какие главные положения должны быть в программе Моей партии	16	56
Если бы Моя партия обратилась ко мне за советом, тоя мог (-ла) бы его дать	15	55
Я могу сказать, с кем, с какими партиями должна сотрудничать Моя партия	11	41
Я могу сказать, с кем, с какими партиями не должна сотрудничать, Моя партия	11	41
Я знаю, как Моя партия должна вести избирательную кампанию	11	40

³³ Таблица составлена по материалам опроса ФОМ 25 сентября 2011 г. // URL: Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10210> (Дата обращения 29.02. 2012)

Анализ материалов данных таблиц позволяет заключить, что многие опрошенные, осознающие важность института выборов и своего участия в них, отдают предпочтение той, или иной партии-фавориту не потому, что она в максимальной степени соответствует представительству их интересов, а по принципу доктора Борменталья из повести М. Булгакова «Собачье сердце»: «Так других то нет». Но еще большую значимость и социальную опасность представляет тот факт, что 72% респондентов даже в принципе не могут себе представить такую «идеальную партию», полностью отвечающую их интересам.

Думается, что объяснить кризис легитимности данного института и многопартийности в целом можно только на основе выявления расхождений между нормативной и политологической сущностью политических партий.

Во многих учебниках политологии и трудах партиологов авторы продолжают включать, структурировать и подробно расписывать максимальную совокупность партийных функций, которая была характерна в свое время для массовых партий.

Классическим стало определение функций партий, предложенное Клаусом фон Бойме:

определение целей партийной борьбы и развития общества;
 аккумуляция и артикуляция социальных интересов;
 мобилизация и социализация граждан преимущественно в избирательных кампаниях;
 рекрутирование руководящей элиты и формирование правительственных структур³⁴.

В нестабильных, становящихся демократиях политические партии, кроме того, могут служить: снятию напряжения в обществе путем переноса политической борьбы с улицы в парламент; сглаживанию острых политических противоречий путем совместной работы в парламентах

³⁴ *Beume K. von. Political Parties in Western Democracies. Aldershot, 1985. P. 13.*

представителей разных политических сил; внедрению в общественное сознание демократических ценностей и норм; формированию цивилизованных традиций политической борьбы; приданию предвыборной борьбе стройности и структурированности; корректировке правительственного курса путем оказания давления на власть оппозиционными партиями³⁵.

Подобный или близкий к этому набор функций обусловлен, по мнению С.Н. Пшизовой тем, что «Демократия мыслилась (и продолжает мыслиться) только как многопартийная. Именно с политическими партиями ассоциируются фундаментальные функции, определяющие само существование либеральных демократий: структурирование электората, интеграция и мобилизация граждан, агрегирование различных интересов, рекрутирование лидеров на публичные должности и формулирование государственной политики»³⁶.

Формально именно такое понимание сути многопартийности и социальной роли политических партий лежит в основе современного российского законодательства, закрепляющего определенные требования к данным субъектам политики. В значительной степени нормативно заданные параметры определяют и особенности функционирования политических партий в современной России.

Требование к территориальному масштабу деятельности политических партий особенно жестко было представлено в российском законодательстве после принятия закона «О политических партиях» 2001 г. и с некоторыми корректировками действовало по 2012 г. В соответствии с данным требованием, политическая партия могла иметь только общероссийский

---

³⁵ См.: Теория политики: Учебное пособие. Под ред. Б. А. Исаева. СПб.: Питер, 2008. С. 216-217.

³⁶ Пшизова С.Н. От подражания к имитации: партийное строительство на постсоветском пространстве // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС. 2004. С. 98.

статус, не допускалась регистрация региональных, межрегиональных и местных политических партий. Направлено оно было, прежде всего, на стимулирование процессов кристаллизации партийной системы, и наличие общероссийского вектора интересов у всех зарегистрированных партий.

Требование к минимальной численности политических партий и ее региональных отделений также было направлено на укрупнение политических партий (за счет преобразования в общественные организации, за счет закрытия, слияния, или вливания мелких партий в более крупные).

Третье обязательное условие для регистрации политических партий – наличие программы, в которой гражданам должно быть предложено видение партией цели общественно-политического, социально-экономического и духовного развития и путей и способов их реализации.

Кроме того, закон предписывал партиям в обязательном порядке закрепить в своих уставах демократические нормы и принципы внутреннего функционирования (от правил по приему в члены партии и до ограничения срока полномочий руководящих органов партии, порядка и периодичности их избрания и работы).

Наконец, право политических партий и их кандидатов на участие в выборах, данным законом было закреплено на уровне их исключительного права на самостоятельное участие в федеральных и региональных выборах и одновременно интерпретировано, как требование об обязательном участии в таких выборах. Без выполнения данного требования партия не сможет закрепить свой партийный статус в политическом пространстве Российской Федерации.

Однако, из всей классической совокупности функций, на наш взгляд, наиболее результативно политические партии реализуют именно электоральные функции. Именно данный факт, по нашему представлению, выступает главной причиной дисфункциональности российских политических партий.

По мнению С. П. Митраховича, «при тех возможностях, которые дают современные средства коммуникации, в обществе со сложной системой индивидуальных и групповых идентификаций главным критерием отношения к политической действительности оказывается прагматизм, привязка к контексту, конкретным субъектам и способам их деятельности»³⁷. Говоря иначе, российские граждане оценивают деятельность партий не столько по учебным пособиям, не столько по тому, что их лидеры сами о себе говорят в ходе избирательных кампаний, сколько в результате оценки эффективности института партий в политической системе и политической жизни России в целом.

В результате законодательное закрепление функциональности политических партий, отражающее классическое их понимание, вступает в противоречие с политтехнологической практикой их реального участия в политической жизни России.

Рассмотрим их на примере нормативно закрепленных задач: формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти³⁸.

Анализ политической практики партийной деятельности дает нам основания выделить наличие следующих функциональных парадоксов и противоречий.

Все более широкое распространение информационно-коммуникационных технологий в постсоветской России приводит к появлению и укреплению тенденции театрализации выборов и превращения их в рекламное шоу (как отражение общемировой тенденции). Эти

---

³⁷ Митрахович С.П. Локализация идеологической и ценностной игры «игры» российских политических партий // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. №1/09. С. 86.

³⁸ пункт 4 статьи 3 Федерального закона «О политических партиях» ,

технологии хороши для реализации имиджевых задач партий, но плохо подходят для реализации партиями функций политического образования и воспитания граждан. Если реально в процессе избирательной кампании данная функция партиями и реализуется, то скорее в виде доминирования дисфункциональной составляющей, т.е. в форме выработки недоверия граждан к данному институту и институту выборов в целом.

Партийное воздействие на общественное мнение, подчиненное в ходе избирательной кампании конкурентной борьбе за депутатские мандаты, также не во всем соотносится с законодательно закрепленной функцией выражения мнений граждан по любым вопросам общественной жизни и доведения этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти. Противоречия функциональности и дисфункциональности партий в этой области отметил в свое время еще М. Дюверже в своей, ставшей мировой классикой работе «Политические партии». Он подчеркивал, что «Любая система партий представляет собой рамки, предписываемые общественному мнению, которые его формируют и одновременно деформируют. Обычно рассматривают существующую в стране систему партий как производное от структуры ее общественного мнения. Но с равным основанием можно утверждать и обратное: структура общественного мнения есть следствие системы партий – такой, как она сложилась в результате исторических обстоятельств, политического развития и все совокупности сложных факторов, в которой преобладающую роль играет избирательная система. Отношения между общественным мнением и партиями отнюдь не однонаправленные; они образуют некую ткань тесно переплетенных взаимных действий и реакций»³⁹.

С одной стороны, в данный период партии действительно максимально заинтересованы в выявлении, формулировании и агрегировании важнейших

---

³⁹ Дюверже М. Политические партии. Пер. с франц. М.: Академический проект. 2000. С. 450.

общественных проблем и предложении путей их решения. Без решения данной задачи трудно привлечь внимание к своей партии и лидерам и обеспечить их позитивное восприятие. С другой стороны, разведение функций во времени (т.е. функция политического образования и воспитания реализуются преимущественно между выборами, а электоральная функция в период выборов) также не дает высокой отдачи. Обусловлено это тем, что не доверяют партии как институту в целом в результате использования грязных приемов предвыборной борьбы, войны компроматов, демагогии и популизма.

Т.е. партии как субъекты политики – эффективные инструменты борьбы за власть, инструменты формирования органов власти, инструменты лоббирования и т.д. Но как эффективно действующие специфические институты гражданского общества, связывающие сферу интересов разнообразных социальных групп, интересов конкретных граждан со сферой политики, не воспринимались большинством российских граждан (ни в период либеральной многопартийности 1990-х гг., ни в период управляемой кристаллизации партийной системы в 2000-е гг.).

Определяющая ключевая причина партийной дисфункциональности состоит в том, что важнейшие классические функции политических партий не могут быть реализованы в силу их слабой роли в политической системе постсоветской России. Обусловлено это конституционно закрепленным гипертрофированным статусом Президента Российской Федерации, который дает основания некоторым политологам утверждать, что с 1993 г. в нашей стране установилась суперпрезидентская республика. Не вдаваясь в дискуссии по поводу определений, согласимся в том, что сформировался институциональный дизайн, в рамках которого политические партии не могут нести полноценной и всеобъемлющей ответственности за свои предвыборные обещания. Стратегию общественно-политического и социально-экономического развития страны, характер и способы ее

реализации определяет президент, выборы которого еще ни разу в постсоветской истории не определялись его партийной принадлежностью.

В соответствии с Конституцией 1993 г. политические партии даже через свои парламентские фракции не могут оказывать определяющее воздействие на формирование исполнительных органов власти, не обладают возможностями эффективного контроля за правительством, ограничены в своей законодательной деятельности прерогативами Совета Федерации, состав которого не избирается всенародно, а назначается.

С этим же связана и еще одна дисфункция политических партий - это отсутствие реального института конкуренции власти и оппозиции. Речь идет о том, что в постсоветской России ни разу не была осуществлена смена политического курса на основе прихода к власти политической партии (или блока партий), которая заявляла о себе как оппозиции к правящему режиму. Дело не только в том, что слаба и разрознена была оппозиция в своем партийно-идеологическом спектре, а в том, что конституционный политико-правовой дизайн изначально не был ориентирован на изменение курса в случае победы оппозиционной партии (партий). Стратегия и тактика общественного развития изначально были завязаны на статус, полномочия и функциональность Президента Российской Федерации, которые никак не были обусловлены его партийной принадлежностью. Напротив, российские президенты, чаще всего, акцентировали внимание на своей надпартийности, иногда доводя ситуацию до определенного абсурда: есть партия, которая заявляет, что она президентская и у нее есть лидер – президент, но при этом сам президент подчеркивает, что он вне данной партии.

В этой связи партии объективно не могут полноценно реализовать свою функциональность в той части, которая связана с формулированием, агрегированием и трансляцией во власть интересов и требований тех социальных групп, от имени которых они выступают на выборах в Государственную Думу. Даже сегодняшняя «партия власти», имеющая

думское большинство в составах последних трех созывов, по существу таковой не является. С момента создания партии, лидеры единороссов провозгласили, что выступают инструментом реализации стратегических замыслов президента В.В. Путина. Несмотря на некоторые изменения в риторике лидеров «Единой России» на современном этапе, обосновывающих самодостаточность ее стратегии, инструментальная суть ее, на наш взгляд, не изменилась.

Более того, даже в самой законодательной деятельности функциональность партийных фракций не всегда определяется уровнем ее поддержки избирателями на выборах. Например, С.Н. Царевский на основе использования индексных методов анализа констатирует, что «Уровень эффективности (успешности) партийного влияния на процесс принятия решений в парламенте слабо зависит от уровня влиятельности партии. Механизм корреляции данных показателей имеет сложный и многоаспектный характер»⁴⁰

Еще одна проблема, которая привела к дисфункциональности российских политических партий – это противоречие, обусловленное переходом от смешанной к пропорциональной избирательной системе на выборах депутатов Государственной Думы. Суть его состояла в том, что фактически произошло определенное ограничение конституционно закрепленного пассивного избирательного права для беспартийных российских граждан. На несоответствие последствий данного перехода российским конституционным нормам указывали и отечественные политологи⁴¹ и праведы⁴². Суть данного парадокса состояла в том, что

---

⁴⁰ Царевский С. Н. Сравнительный анализ влияния политических партий на процесс принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации I – V созывов. Автореф. дис. ... канд. полит. н. Нижний Новгород. 2010. С. 11.

⁴¹ См.: Вилков А.А. Конституционно-правовые основы и институциональные возможности участия граждан в оппозиции в современной России // Участие граждан в управлении делами государства: проблемы правового регулирования и реализации в условиях модернизации России. Матер. междунар. Конституционного Форума (10 дек.

закрепление за политическими партиями фактического статуса единственно полноценных коллективных участников избирательного процесса на выборах депутатов Государственной Думы, привело к противоречию двоякого рода.

С одной стороны, индивидуальное право каждого гражданина избирать и быть избранными в органы публичной власти, оказалось опосредовано в своей реализации необходимостью включения данного гражданина в список той или иной партии, имеющей право принимать участие в выборах. По справедливому мнению И.Ф. Фасеева, фактически, беспартийный гражданин терял «возможность непосредственно воспользоваться правом быть избранным в представительный орган власти в самом начале избирательной процедуры, так как не мог по собственному волеизъявлению быть зарегистрированным кандидатом в депутаты. То есть субъективное право беспартийного гражданина могло быть реализовано лишь опосредованно, через усмотрение и волю других субъектов - членов политической партии»⁴³, тогда как в Конституции Российской Федерации оно не обусловлено никакими подобными ограничениями.

С другой стороны, правоведы резонно отмечали, что возложение в соответствии с законом на политическую партию обязанности принимать в свой состав лиц вне зависимости от их убеждений и взглядов, а равно обязанности выдвигать любых лиц, желающих воспользоваться своим индивидуальным избирательным пассивным правом, в качестве кандидатов на выборах (соответственно включать их в партийные федеральные списки кандидатов) «создавало бы для таких лиц легальные возможности для

2010 г. Саратов) Выпуск 2. Сборник научных статей. Саратов: Изд-во «Саратовский источник». 2010. С. 43-50.

⁴² См.: Кузнецова О. Роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в реализации принципа равного пассивного избирательного права граждан России // *Власть*. 2012. № 2. С. 113-117.

⁴³ См.: Фасеев И.Ф. Конституционно-правовое значение непосредственного действия прав граждан избирать и быть избранными в представительные органы власти // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. №7. С. 33-41.

злоупотребления своим конституционным правом в ущерб избирательным и иным конституционным правам членов данной политической партии и поддерживающих ее избирателей»⁴⁴.

Однако, данный правовой казус, на практике чаще всего не проявлялся⁴⁵. Объясняется это тем, что у регионального и федерального руководства партии имелись разнообразные средства и реальные возможности обезопасить себя от подобного рода рисков «несанкционированной» политической активности беспартийных граждан. Чаще всего использовалась (и продолжает использоваться после возвращения к смешанной системе) целенаправленная селекция, ориентированная на отбор уже известных в какой либо неполитической сфере на региональном или федеральном уровне личностей, уже обладающих хорошим имиджевым ресурсом (или имеющих такой потенциальный ресурс) и определенным социальным капиталом. Чаще всего их находят в лице болельщиков, фанатов, поклонников, сослуживцев, сверстников, земляков, и т.п. групп последователей. Конечно, остается определенный риск, что такие беспартийные кандидаты, включенные в партийный список на основе неофициальной договоренности о соответствующей дисциплине, в случае прохождения в Государственную Думу, могут нарушить соглашение, но он минимален, т.к. политический потенциал дисциплинированных партийных фракций намного превышает возможности одного депутата.

Попытки ослабить обозначенную дисфункциональность политических партий имели место в стремлении использовать такие социально-политические институты, как «народные фронты». Наиболее наглядный пример – создание ОНФ на выборах 2011-2012 гг.

---

⁴⁴ Князев С. Конституционно-правовой баланс свободных выборов и свободы деятельности политических партий // Журнал о выборах. 2010. № 1. С. 11.

⁴⁵ Подтверждением тому служит, в том числе, и собственный опыт участия автора в качестве политтехнолога во многих избирательных кампаниях различного уровня.

Либерализация партийной системы России, которая началась в 2012 г. формально ничего не изменила с точки зрения нормативно закреплённой функциональности политических партий. Однако реально, значительное увеличение числа политических партий, имеющих право выступать субъектами электоральных процессов, создает для политических партий немало новых инструментально-технологических возможностей. Опыт участия таких восстановленных политических партий или вновь созданных в региональных выборах в 2012-2013 гг. показал, что значительная часть из них встраивается в сложную конфигурацию взаимодействия с партиями - политическими тяжеловесами.

Для некоторых мелких партий, выступающих своеобразными сателлитами партий-фаворитов, – главная задача на выборах – оттянуть голоса у политических оппонентов своих реальных хозяев. Соответственно и функциональность их политической деятельности подчинена определенной стратегии и тактике решения данной задачи. Это может быть стратегия имиджевого «клонирования» оппонента, целью которой является добиться максимальной похожести в названии, в программе, в лозунгах, обещаниях, в фамилиях лидеров, в агитационных материалах. и т.д. Главное – запутать избирателя, оттянуть на себя часть голосов и тем самым ослабить позицию оппонента и одновременно повысить шансы своей партии-хозяина. Это может быть стратегия выполнения «грязной работы» за своего хозяина, суть которой состоит в максимальном очернении оппонента, и формировании его антиимиджа. Главное заключается в том, что все эти разновидности функциональностей ничего общего не имеют с позиционируемым во всех учебниках классическим набором партийных функций. Декларативное следование данным функциям этими партиями в ходе реализации своих электоральных стратегий еще более дискредитирует институт партий и многопартийности в целом.

Среди предложений по совершенствованию функциональности существующей партийной и политической системы в целом, наиболее оригинальным представляется обоснование некоего по сути некоммунистического планетарного проекта. Его авторы, критикуя современную капиталистическую систему, как не способную разрешить накопившиеся противоречия, среди прочих рекомендаций предлагают непосредственную «включенность партийных функционеров (КПРФ, ЛДПР и др.) в этико-юридический процесс, предполагающий постоянное соперничество добра и зла в истории, процесс создания и знания правовых и юридических правил и процедур легитимации гражданских интересов и власти. Эта компонента партийной жизни предполагает созидание личных образцов морального поведения, условий для реализации возможностей как граждан, так и институтов и организаций государства»⁴⁶. Рекомендация очень хорошая, но напоминает поучения типа «лучше быть здоровым, чем больным, а счастливым, лучше чем несчастным». Остается без ответа вопрос, с помощью каких нормативных, институциональных и социокультурных новаций изменить существующую ситуацию с дисфункциональностью российской партийной системы.

Еще более дискуссионным, представляется «фундированное» обоснование гражданского неповиновения в современной России как особого социального института гражданского общества, имеющего такую же легитимность «наравне с другими институтами, как политические партии, профсоюзы, социальные группы, общественные организации, третий некоммерческий сектор, местное самоуправление и т.п. Среди всех этих институтов гражданское неповиновение, как важнейший институт гражданского общества, больше всех способствует деbüroкратизации и

---

⁴⁶ *Исаков А., Олейник А.* Оппозиция и власть // *Обозреватель-Observer*. 2009. № 11. С. 15-16.

децентрализации власти, приближенности ее к обществу»⁴⁷. Несмотря на все оговорки автора о правовом характере данного неповиновения остается очень много вопросов о том, каким образом предотвратить риски превращения такого массового движения в социальную базу для «цветной» революции в России. Ознакомление с данным трудом оставляет впечатление, что автора не только не заботит подобная перспектива, но, напротив, он подводит под нее «нормативно-правовое» и «идеологическое» обоснование.

Выявленные нами парадоксы практической политической функциональности современных политических партий, прежде всего российских, показывают, насколько сегодня структурно и качественно усложнились условия задач, которые призвана решать партология и вообще политическая наука. Это иные по свойствам задачи, нежели те, которые решались политической наукой еще полвека назад и результатом этого решения становились классические теории рождения и функционирования политических партий. Нынешние парадоксы формируют предметное поле политических исследований, которое уже лишь частично подпадает под прежнюю классическую, преимущественно западную методологию партийных исследований, и даже под нашу отечественную классику 90-х годов прошлого века и начала века нынешнего.

Выявленные парадоксы, это тот контекст, в котором становится понятной реальная необходимость и возможность изменения самой структуры научных представлений о партийной функциональности. В частности – выведение в современных научных исследованиях на первый план проблем технологизации партийной функциональности, идеологизации, нормативизации.

---

⁴⁷ *Деметрадзе М. Р.* Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения как способ обеспечения правовой ответственности государства перед обществом // URL: Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Demetr_pol-prav.pdf (Дата обращения 31.01. 2013)

О том, как современная исследовательская практика реагирует на эту потребность уточнения предметного поля исследований, речь пойдет в следующих разделах диссертации.

1.2 Политико-технологические противоречия электоральной субъектности политических партий

Принятие закона о политических партиях и эволюция электорального законодательства в России в 2000-е годы существенно повлияли на российскую политическую систему и функциональность её основных субъектов. В первую очередь это коснулось политических партий. Само становление российской многопартийности было специфичным, что не могло сказаться на функциональности политических партий. Огромное количество общественно-политических организаций, в той или иной степени претендующих на то, чтобы считаться политическими партиями, на самом деле в большинстве своем были протопартиями с ограниченным набором политических функций, которые существенно отличались от классических.

Суть классической функциональности партий хорошо представил известный российский партиолог А.Н. Кулик. По его мнению, там, где становится возможным выбирать управляющих, возникают политические партии, которые номинируют кандидатов на выборные должности, мобилизуют электорат в их поддержку и организуют избирательные кампании. Партии должны были становиться основным институтом политического участия граждан, который, создав механизмы согласования разнородных социальных интересов, снял бы противостояние между гражданским обществом и государством, легитимировал власть и обеспечил её ротацию⁴⁸. Однако реальная политическая практика 1990-х гг. показала, что значительная часть данных функций реализовывалась формально. Обусловлено это было не только молодостью многопартийной системы и отсутствием должных традиций, но и несовершенством законодательства

---

⁴⁸ Кулик А.Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.:ИНИОН РАН, 2009.

регулирующего избирательные процессы и деятельность общественно-политических организаций.

Условно можно выделить несколько этапов эволюции политической и электоральной функциональности политических партий в постсоветский период. Первый охватывает период становления с конца 1980-х гг. и по 1995 год. Важнейшими функциями партий и общественно-политических организаций, участвующих в политической жизни в это время были самоорганизация и взаимоотношения друг от друга. В данный период естественно-стихийного партогенеза в постсоветской России уже началось использование административного ресурса для целенаправленного использования партий в интересах властных структур. Однако партийное конструирование не было властной привилегией и часто приобретало хаотический характер, когда любой известный (и не очень известный) политик предпочитал создать свою «карманную» партию для того, чтобы использовать её ресурсы для своей победы на выборах по одномандатному округу в Государственную Думу (или на выборах в региональное законодательное собрание).

Характерной чертой данного периода был очень высокий уровень конкуренции, обусловленный огромным количеством формирующихся партий. Лидерские амбиции политиков различного идейно-мировоззренческого спектра институализировались в самые различные партии⁴⁹. Их создание не было ограничено сколько-нибудь серьезными формальными требованиями и особо никем не контролировалось. Считалось, что порядок в их структурировании будет наведен естественным образом в результате отсеивания в ходе участия в выборах различного

---

⁴⁹ См.: *Вилков А.А.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семенов (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. ред) и др. М.: ИМЭМО РАН. 2011. С. 157-162.

уровня и масштаба. Партийный плюрализм оценивался как важнейшее достижение и самодостаточный результат демократических постсоветских преобразований.

По мнению К.В. Киселева, «в период становления российской партийной системы идеологическое позиционирование было необходимым элементом любой политической конструкции. И это принципиальная особенность этого этапа конструирования партийной системы. Другое дело, что различия между партиями одного идеологического направления были часто неразличимыми»⁵⁰. На наш взгляд, идеологическая функция действительно занимала особое место в деятельности большинства партий, т.к. служила главным средством позиционирования в очень пестром партийно-политическом спектре. Однако, её вряд ли можно оценить как самодостаточную в связи с тем, что она была подчинена личностному позиционированию политиков, добивающихся максимальной известности и узнаваемости. В ряду данных задач идеологическая функция выполняла инструментальную роль, определяя своеобразную политико-пространственную систему координат, в рамках которой раскрывались лидерские имиджевые характеристики политиков.

Т.е. причины обязательного идеологического позиционирования были обусловлены, прежде всего, соображениями технологического, проектного характера. Дело в том, что избиратели в этот период были исключительно политизированы, а потому «конструируемые партии с неизбежностью должны были отвечать на предъявляемые им идеологические вопросы. Партия и движения необходимо было определиться по отношению к начавшимся реформам, которые коренным образом изменили жизнь в стране, затронув всех и каждого»⁵¹. Полярными точками отсчета в

---

⁵⁰ Киселев К.В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии. <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1627/495/> Просмотр от 22.03.11

⁵¹ Там же

позиционировании всех политических партий и общественно-политических организаций было отношение к коммунизму и либерализму. Такое фрагментированное и очень пестрое позиционирование по шкале коммунизм – либерализм сохраняло свою актуальность до выборов президента Российской Федерации в 1996 г., которые Б.Н. Ельцин проводил под лозунгами недопущения реставрации коммунизма.

По оценкам большинства исследователей, радикальное позиционирование и либеральная идентификация в рамках партийно-политического спектра не принесли в первой половине 1990-х гг. значительных успехов исполнительной власти⁵². «Фрагментированность либерального сектора, связанная с политическими амбициями отдельных политических деятелей, комплексом внутренних противоречий по вопросам экономического и политического развития и низким уровнем партийной дисциплины, серьезно ограничила электоральные возможности и мобилизационный потенциал проправительственных структур»⁵³.

Формально борьба за власть между партиями осуществлялась с помощью воздействия на общественное мнение на основе публичной апелляции к традициям, идеалам и ценностям различных социальных групп российского общества. Именно поэтому западные исследователи и российские либералы до сих пор оценивают данный период, как период расцвета свободы слова и реальной многопартийности. Формально в это время партии выполняли весь классический набор функций – артикулирование и оформление социально-политических программ, ориентированных на интересы конкретных социальных групп; формирование установок и массовых настроений; функцию политической

---

⁵² См.: Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. 2006. №1. С. 46-58.

⁵³ Ануфриева А.А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса России // Власть. 2010. №12. С. 33.

социализации, политического образования и воспитания; функцию рекрутирования и мобилизации; и др.

Реально, главная функция политических партий в данный период состояла в том, что они выступали средством борьбы за обладание властным ресурсом в центре и на местах. Этот ресурс был необходим отдельным соперничающим группам, ведущим ожесточенную борьбу за приватизацию бывшей общенародной собственности. Желая получить власть и влияние в местных и федеральных органах, эти группы делали ставку на ту либо иную политическую партию, с помощью которой они стремились провести своих представителей в выборные органы.

На втором этапе (1995-2001 гг.) главной задачей для президентской администрации стало сдерживание массовых оппозиционных настроений, вызванных недовольством людей результатами проводимых радикальных социально-экономических преобразований. Одним из механизмов стала целенаправленная «канализация» оппозиционного ресурса общества в русло поддержки специально сконструированных политических партий. Данный этап использования партийных механизмов для легитимации и идеологической поддержки правящего курса характеризуется активной деятельностью президентской администрации по формированию и реализации собственных партийных проектов. Соответственно существенно меняется и функциональность таких партий, обусловленная теми задачами, которые изначально перед ними ставили политтехнологи.

Главной целью такого проектируемого партстроительства было создание устойчивой политической системы на базе создания доминирующей партии власти и управляемой левой и правой партийной оппозиции. В рамках этого проекта, помимо доминирующей партии предполагалось и наличие партий «союзников», обеспечивающих солидарное голосование в законодательном органе, но при этом ориентированных на голоса оппозиционных власти избирателей. Такими партиями, по мнению К.В.

Киселева, можно считать ЛДПР, аккумулирующую протестные голоса, СПС (затем «Правое дело»), ориентированные на работу с молодежью, интеллигенцией и бизнесом, и др.; технологические партии, используемые для недопущения в легислатуры «нелояльной» оппозиции путем «растяжки» голосов и иными технологическими приемами; партии для сбора голосов по различным сегментам (Аграрная партия России, РЭП «Зеленые», Народная партия РФ, «Народная воля» и др.); партия контролируемой оппозиции (КПРФ)⁵⁴.

Такие технологии партийной инженерии обусловили иной формат позиционирования в рамках партийно-политического спектра и существенно уменьшили роль идеологической функции. За основу была взята центристская политическая ориентация, на базе которой на выборах в Государственную Думу 1995 г. были сформированы правоцентристский избирательный блок «Наш дом – Россия» и левоцентристский блок Ивана Рыбкина. На выборах в Государственную Думу 1999 г. роль «правого центра» политтехнологи отвели движению «Единство», а «левого центра» – объединению «Отечество – Вся Россия».

Доминирование позиций «центризма» привело к микшированию идеологических оснований партийных программ и к усилению технологической составляющей в борьбе за голоса избирателей. Информационно-коммуникационные и имиджевые технологии (в том числе и пресловутые «грязные» технологии) становятся доминирующими, существенно уменьшив и без того не очень значимую роль функций политического представительства интересов различных социальных групп, политической социализации, воспитания, предоставление возможностей для политического участия граждан и др. Соответственно отсутствовала и последовательная реализация внутрипартийных функций, нацеленных на расширение партийных рядов, формирование развернутой сети

---

⁵⁴ Киселев К.В. Указ. соч.

региональных партийных организаций⁵⁵, проведение партийных политических кампаний в периоды между выборами, осуществление работы с гражданами на местах и т.д.

Третий этап начался с принятия закона о политических партиях в 2001 году и продолжается по настоящее время. С одной стороны, законом было дано функциональное определение политической партии: - это «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»⁵⁶. Более того, все содержание закона подчинено такому функциональному пониманию места и роли партий в политической жизни современной России и нацелено на обязательное для партий следование данной трактовке. С другой стороны существенные изменения партийной и политической системы в целом в этот период вызывают неоднозначные, в том числе и крайне негативные оценки⁵⁷.

В контексте нашего исследования важно выделить следующие результаты преобразований, которые существенно повлияли на эволюцию функциональности политических партий. Одним из обязательных требований к политической партии закон определил её численность (не менее 50 тыс. членов партии до 2010 г.) и обязательное наличие достаточно крупных региональных отделений не менее, чем в половине субъектов

---

⁵⁵ Исключением была КПРФ, у которой была разветвленная сеть первичных организаций, доставшихся по наследству от КПСС.

⁵⁶ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. N 95-ФЗ "О политических партиях". Статья 3. Понятие политической партии и ее структура.

⁵⁷ См.: *Коргунюк Ю.Г.* Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.: ИНИОН, 2009; *Мелешкина Е.Ю.* Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 135-161.

Российской Федерации. Выполнение этого условия кардинально изменили отношение в внутривнутрипартийным функциям.

Каждая партия должна была заняться вплотную вопросами регионального партийного строительства и привлечением большого количества рядовых членов, разделяющих её программу и согласных жертвовать своим временем на проведение различных партийных мероприятий⁵⁸. Данное требование (в сочетании с необходимостью преодоления 7% барьера на выборах в Государственную Думу) привело к радикальной «кристаллизации» партийной системы в России и сведения до минимума зарегистрированных партий. Резкое уменьшение количества партий и отмена мажоритарной составляющей и одномандатных округов на выборах в Государственную Думу изменили возможности бизнес-элит в политическом продвижении и защите своих интересов. Партии-фавориты – стали главными инструментами в решении данных задач, как на федеральном, так и на региональном уровне.

В результате начался определенный процесс консолидации правящего слоя на основе презентации его социально-экономических интересов ведущими политическими партиями. По мнению А.А. Ануфриевой, в качестве базовых трендов этого периода можно выделить «последовательную тенденцию снижения уровня идеологического обеспечения деятельности «партий власти», устойчивый рост их мобилизационных возможностей и отказ от радикализма в партийно-политическом позиционировании. При этом высокие показатели электоральной поддержки «партии власти» напрямую являлись следствием технического формата позиционирования в партийно-

---

⁵⁸ Например, партия «Единая Россия» к ноябрю 2004 года насчитывала свыше 800 000 членов, а в 2010 году уже 2 055 602, среди которых почти 2 000 являлись депутатами всех уровней // Официальный сайт партии «Единая Россия», <http://www.edinros.ru/news>

политическом спектре и низкого уровня идеологического обеспечения партийного строительства»⁵⁹.

Такая оценка не является единичной. Например, К.В. Киселев утверждает, что «динамика развития партийной системы России в парадигме «идеологичность – проектность» смещалась от использования идеологии в конструировании партий в направлении создания безидеологичных проектов. И тем не менее, до сих пор большинство политиков уверены, что идеология – неотъемлемый элемент партийного «образования», атрибут, без которого создание партии невозможно, хотя история партийной системы России доказывает обратное»⁶⁰. На наш взгляд, с этим утверждением трудно согласиться. Как свидетельствует история, идеология большевистской партии стала весьма успешной основой для массовой мобилизации на свою сторону представителей самых различных слоев города и деревни России и масштабных и впечатляющих преобразований социалистического периода.

По мнению К.В. Киселева, любая попытка совмещения партийного проекта и идеологии «неизбежно приводит либо к краху идеологии, либо к разрушению проекта как такового. При этом «разрушение проекта» может проходить путем выхода его из-под контроля «конструкторов». И в этом практическая сложность «наделения» партий идеологиями. Идеологический каркас делает партийное образование «жестким», неповоротливым, лишает мобильности. В конкурентной ситуации идеократические партии имеют больше минусов, чем плюсов. Например, тяготеющее к типу идеократических партий «Яблоко» на выборах в региональные legislatures 11 марта 2007 г. ничего не могло противопоставить вполне проектной тактике СПС, который отказался от жесткого идеологического каркаса в пользу технологических изысков»⁶¹.

---

⁵⁹ Ануфриева А. А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса // Власть. - 2010 -№12.

⁶⁰ Киселев К.В. Указ. соч.

⁶¹ Там же.

Как представляется, апелляция к успешности деидеологизированных партийных проектов в постсоветской России не совсем обоснована, т.к. учитывает их эффективность как самодостаточный технологический результат (определенные итоги на выборах), без оценки их влияния на политическую систему в целом. Поэтому, признание технологической успешности конструирования политических партий в 2000-е годы вряд ли может быть распространено на стратегические оценки политической ситуации в целом. Кто сегодня осмелится утверждать, что существующая политическая система России характеризуется институциональной стабильностью и наличием прочной и осознанной поддержки большинства населения? Массовые протесты против результатов выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. еще раз показали наличие серьезных проблем в нашем общественном устройстве.

Процессы ослабления идеологического фактора партийной деятельности на Западе не могут для нас быть аргументом, т.к. происходят в условиях достаточно гомогенной и устойчивой политической культуры и наличия общественного консенсуса по важнейшим социальным ценностям. В России такого консенсуса в наличии нет. Как видится, его формирование и невозможно без выполнения партиями своих идеологических функций.

Не случайно именно в этот период доминирующая партия «Единая Россия» инициировала публичное обсуждение своего идеологического проекта «суверенной демократии», который вызвал самый широкий общественный резонанс. Несмотря на то, что официально он не был принят, сама процедура обсуждения, разнообразная аргументация «за» и «против» представителей различных политических сил, широко тиражируемая российскими СМИ, уже представляют собой значительную активизацию этой важнейшей идеологической функции в современной России.

Превращение ведущих российских партий в массовые организации определенным образом изменило и их электоральную функциональность.

Наличие региональных партийных отделений дает возможность не ограничиваться рекламно-пропагандистскими информационно-коммуникационными технологиями в СМИ, но использовать формы непосредственного воздействия на избирателей в ходе избирательных кампаний. Думается именно в этом заключается главный положительный результат проведенных преобразований. Партии постепенно становятся частью российского общества, связанные с ним тысячами своих членов и непосредственной агитационно-пропагандистской работой с населением. Эффективными политическими субъектами они могут стать в результате повышения уровня доверия со стороны населения ко всем другим институтам и механизмам политической системы и, прежде всего, к институту выборов.

Если резюмировать основные направления эволюции политической и электоральной функциональности партий в постсоветской России, то концентрированно их можно представить следующим образом (табл. 3.).

Таблица 3.

Функциональность политических партий в постсоветской России

Ключевые характеристики партийного функционирования	Период		
	1990-1995	1995-2001	2001-2012
Уровень конкурентности	Высокий. Отсутствие доминирующей партии.	Средний. Первые попытки конструирования «управляемой» многопартийной системы	Низкий. Формирование партийной системы на основе доминирующей роли «партии власти»
Доминирующие характеристики организационной структуры	Протопартийная аморфность	Организационное оформление электоральных партий	Организационное оформление массовых общероссийских

большинства партий			партий
Доминирующие функциональные характеристики партий	Продвижение и конкуренция интересов формирующейся бизнес-элиты	Конкурентное представительство интересов ведущих групп бизнес-элиты	Обеспечение доминирующих позиций ведущих групп бизнес-элиты
Роль идеологического позиционирования	Высокая	Средняя	Низкая
Доминирующие ресурсы электоральной мобилизации	Информационно-коммуникационные технологии; Популизм.	Информационно-коммуникационные технологии; административный ресурс.	Информационно-коммуникационные технологии; административный ресурс; партийно-организационный ресурс.

С возникновением «идеологического вакуума» в России после дискуссии вокруг концепции суверенной демократии и фактического отказа от неё, официальная власть не оставляла попыток поиска идеологической концепции, которая будет положительно воспринята всем российским обществом. Мировой финансовый кризис максимально обострил многие проблемы внутривнутриполитического и социально-экономического развития различных стран, в том числе и Россию. В качестве реакции на обозначившиеся противоречия президент Российской Федерации Д.А. Медведев обозначил в качестве стратегических приоритетов развития России программу её всесторонней модернизации.

Как представляется, её воплощение во многом зависит от того, насколько осознанно и глубоко она будет принята в качестве идеологических ориентиров большинством населения страны. В свою очередь очень важно

научно осмыслить, каким образом программа модернизации воспринимается как руководство к действию основными политическими силами страны. В рамках данной статьи остановимся на использовании идеологем модернизации в агитационных технологиях «Единой России».

Актуальность данной проблематики в современной России обусловлена несколькими обстоятельствами: во-первых, «Единая Россия» подтвердила свой статус ведущей политической партии страны⁶²; во-вторых, идеологическая составляющая электоральных кампаний имеет большое социальное значение, т.к. от её характера и содержания, во многом зависит и результативность партийной деятельности. Кроме того, на наш взгляд, данная проблематика недостаточно представлена в политологическом дискурсе современной России.

Идеологема чаще всего рассматривается в работах, интерпретирующих трактовки данного понятия⁶³ и лингвистическое и лексикографическое его содержание⁶⁴. Гораздо меньшее внимание исследователи уделяют политологическому ракурсу идеологем. Среди работ данного направления можно отметить статьи А.А. Вилкова⁶⁵, Ю.В. Ирхина⁶⁶, Е.В. Каблукова⁶⁷, в

---

⁶² Даже явные противники «Единой России», критикующие её за «массовые» нарушения на выборах в Государственную Думу в декабре 2012 г., еще до начала выборов и активной агитационной кампании признавали, что по результатам независимых социологических опросов партию поддерживали **не менее 40-45%** респондентов.

⁶³ См.: *Вепрева И. Т. Шадрин Т. А.* Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург. 2006. Вып. 3.

⁶⁴ *Гусейнов Г.* Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. 2003; *Журавлев С. А.* Идеологемы и их актуализация в русском лексикографическом дискурсе: автореф. Дисс. ... канд. филолог. н. Казань: Казанский госуниверситет, 2004; *Мальшева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).

⁶⁵ *Вилков А.А.* Аграрные идеологемы и мифологемы российских либерально-демократических партий и их интерпретация в регионах// Современное Поволжье. Региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья: Материалы междунар. науч. конф. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1999. С. 105-112.

⁶⁶ *Ирхин Ю. В.* Национальная идея России и идеологема «План Путина» // Россия и современный мир. 2008. № 2.

которых акцент делается на анализе конкретных идеологем и мифологем, таких как «Агрогулаг», «Суверенная демократия», «План Путина», «Модернизация». Однако, как представляется, обозначенная тема далеко не исчерпана, тем более, что политическая практика в современной России представляет все новые и новые материалы для анализа.

Одной из типичных лингвистических трактовок идеологемы является её понимание как «единицы коммуникативной стилистики», т.е. она понимается как «основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст». Объективизация идеологемы осуществляется преимущественно вербальными средствами, поскольку идеологема – «мировозренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой».⁶⁸

Для нас особую значимость имеет лексикологическая трактовка идеологем в контексте их использования в рамках политических технологий. Например, В. М. Амиров определяет идеологему как ключевой концепт агитационного предвыборного сверхтекста реализуемый словами, группой слов, связанных отношениями словообразования, синонимии или тематические общности и входящий в группу единиц, обеспечивающих смысловую целостность сверхтекста. Эти единицы отражают элементы предвыборной ситуации – её участники и их цели⁶⁹.

Важное методологическое значение для нашего исследования имеет соотнесение между идеологемой и мифологемой. Они различаются между собой «как два различных отношения общества и его институтов к

---

⁶⁷ Каблуков Е. В. Идеологемы «инновация» и «нано» в современном оссийском медиадискурсе <http://journ.usu.ru/index.php/component/content/article/420>

⁶⁸ Нахимова Е. А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. №2(36). С. 153.

⁶⁹ Амиров В. М. Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегия реализации. Дисс. канд. филолог. наук. Екатеринбург: Уральский Государственный Университет им. А. М. Горького. 2002. С. 49.

политическим ценностям. Идеология мифологична лишь постольку, поскольку миф выполняет функцию ее непосредственного источника (не теряющего своего значения даже при наличии среди источников идеологии научной доктрины), первичного строительного материала либо, напротив, функцию продукта распада некогда существовавшей идеологической системы»⁷⁰.

Если резюмировать основные характеристики идеологема, то её можно рассматривать как лингвополитологическую категорию, отражающую содержание какой-либо идеологии и выступающую элементом идеологической системы ценностей. При этом идеологема отражает не только рациональное понимание содержательных начал идеологии, но и их эмоциональное (мифологизированное) восприятие.

Одним из первых проектов, идеологема которого активно использовались «Единой Россией» для привлечения внимания населения к партии, стала концепция «суверенной демократии»⁷¹. Первоначально этот термин был использован в выступлении В. Ю. Суркова перед партийным активом Единой России, а затем аргументирован и разъяснен⁷² перед российской и зарубежной общественностью: «Мы строим открытое общество, не забывая о том, что мы свободны... Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне... Что касается основ возможной нарождающейся национальной идеологии, я думаю, она не будет, наверняка, по принципиальным моментам отличаться от общеевропейских ценностей и моделей... Конечно, российская версия европейской культуры специфична, но она не более специфична, чем германская, французская или

⁷⁰ Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. Саратов. 2003. С. 78.

⁷¹ Наша российская модель демократии называется "суверенной демократией" // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>

⁷² Сурков В. Параграфы про суверенную демократию // «Эксперт» № 43 (537) 20 ноября 2006.

британская версия... Россия считает себя частью Европы и европейцам надо будет привыкнуть к российской специфике»⁷³.

Несмотря на то, что данный проект вызвал серьезную критику⁷⁴, в том числе и внутри партии⁷⁵, агитационная цель концентрации внимания к «Единой России», как инициатору решения важнейших проблем страны была достигнута. Более того, дискуссия вокруг концепции «суверенной демократии» породила новые идеологические проекты. С.Ю. Наумов и Н.Н. Слонов, например, обосновывали, что термин «суверенная демократия» недостаточен для обозначения цивилизационного будущего России, с одной стороны, в силу достаточной узости («как характеристика именно политической стороны жизни общества»), а с другой – в силу разнородности ее конкретного содержания в разных странах и в разные исторические эпохи. Эту задачу возможно решить с помощью формулы «Россия - суверенная цивилизация» на основе решения триединой задачи: осмысления собственной цивилизационной идентичности, общественной консолидации цивилизационного сознания и разработке национального цивилизационного проекта⁷⁶.

Фактически, многие идеи «суверенной демократии» вошли в предвыборную программу партии в виде идеологемы «План Путина: достойное будущее великой страны». Претерпев ряд критических оценок, она просуществовала до 2009 года, когда на XI Съезде партии «Единая

⁷³ Наша российская модель демократии называется "суверенной демократией" // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>

⁷⁴ См.: Самарина А., Варшавчик С. Суверенную демократию – каждому. Эксперты считают использование идеологического новояза в партийных документах изобретением политического велосипеда // Независимая газета. 2006. 31 авг.; Бычков С. В России построят суверенную теократию // Московский комсомолец. 2007. 12 сентября.

⁷⁵ Примечательно, что Д.А. Медведев также выступил с критикой данного термина, заявив, что «Если же к слову „демократия“ приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии» (В среду политическая элита договорилась разговаривать на одном языке // «Известия». 2006. 31 августа.)

⁷⁶ Наумов С.Ю., Слонов Н.Н. Россия – суверенная цивилизация. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина. 2008. С. 124.

Россия» была принята новая программа «Россия: сохраним и преумножим!». В соответствии с материалами съезда официальной идеологией «Единой России» стал русский консерватизм. Её идеи нашли отражение также в программе «Стратегия 2020» и других проектах партии⁷⁷. В 2009 году выходит статья Дмитрия Медведева «Россия, вперед!»⁷⁸, в которой в качестве стратегической основы развития России была сформулирована идея масштабной и всеобъемлющей модернизации страны. Идеи, изложенные в данной статье, Дмитрий Медведев отразил и в послании Президента РФ Федеральному собранию 2009 года⁷⁹.

Суть модернизации была обоснована очень четко: «современным может считаться только общество, настроенное на непрерывное обновление, на постоянные эволюционные преобразования социальных практик, демократических институтов, представлений о будущем, оценок настоящего, на постепенные, но необратимые перемены в технологической, экономической, культурной областях, на неуклонное повышение качества жизни»⁸⁰.

Анализ содержания данных документов позволяет выделить несколько характеристик, раскрывающих имиджевую направленность и агитационную результативность индоктринации идей модернизации.

Во-первых, важнейшей целью идеологемы модернизации был определенный посыл к мировому сообществу со стороны Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, имидж которого воспринимался, как более либеральный, чем у В.В. Путина. Несмотря на различные трактовки понятия модернизации, общим её свойством большинство исследователей и

⁷⁷ Единая Россия. Партийные проекты. <http://er.ru/party/projects/>

⁷⁸ Медведев Д. Россия, вперед!
http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

⁷⁹ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. // <http://kremlin.ru/transcripts/5979>. Просмотр 13 ноября 2009.

⁸⁰ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. // <http://kremlin.ru/transcripts/5979>. Просмотр 13 ноября 2009.

политиков считали неизбежность той или иной модели продвижения страны по либерально-демократическому пути развития. Внутри страны демократическое значение данного посыла было меньшим, в силу слабости социальной базы либерально ориентированных политических сил. Тем не менее, идеологема модернизации должна была ослабить оппозиционную аргументацию правового спектра партий и соответственно их ресурсную базу.

Во-вторых, если сравнить предлагаемую идеологему российского варианта модернизации с предшествующими партийными документами «Единой России», то можно вполне увидеть их преемственность и последовательное развитие.

Например, «План Путина: достойное будущее великой страны» предполагал оптимизацию численности государственных служащих; развитие сферы гражданского контроля; развитие многопартийной системы; укрепление самостоятельности субъектов Федерации и муниципальных образований; активность местных сообществ в решении общегосударственных задач; информационную открытость власти; и др.

Идеологема модернизации также критически оценивает политическую ситуацию в современной России «проблемы в организации выборов, низкий уровень политической культуры, дефицит глубоко проработанных альтернативных предложений по конкретным вопросам социально-экономического развития» и включает обоснование необходимости «продолжить совместную работу по улучшению качества народного представительства и созданию дополнительных условий для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции между партиями»⁸¹, а также укрепление демократических инициатив на региональном уровне; упрощение процедуры регистрации политических партий; и др.

---

⁸¹ *Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. // <http://kremlin.ru/transcripts/5979>. Просмотр 13 ноября 2009.

Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации 2011 года также содержит громкие заявления по преобразованию политической сферы. Выдвинуты такие серьезные предложения как: выборность глав субъектов Федерации; внесение пакетов законопроектов о децентрализации власти; перераспределение бюджетных средств в пользу регионов и муниципалитетов; введение контроля за расходами лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации и некоторые должности федеральной государственной службы, в тех случаях, когда расходы этих лиц явно не соответствуют их доходам, введение ограничений на совершение сделок между государственными структурами и коммерческими организациями, в которых крупными акционерами или руководящими работниками являются близкие родственники руководителей соответствующих государственных органов и компаний; продолжение работы по созданию открытого правительства, объединяющего для решения стратегических и оперативных задач все уровни и ветви власти, общественных деятелей, экспертов, всех, кто готов участвовать в процессах реального управления государством, в выработке и экспертизе важнейших решений и программ⁸².

Фактически данные направления политической модернизации представляют собой более радикальные предложения реформирования политической системы, но в рамках одного и того же заявленного стратегического курса развития страны. Более конкретный характер изменений можно объяснить как ответ на реакцию части российского общества на итоги выборов 2011 года, когда прошли массовые митинги оппозиции с лозунгами в поддержку честных выборов. Однако прагматизм политического управления (обозначенный в качестве ключевого приоритета еще в концепции «суверенной демократии») как раз и заключается в умении

---

⁸² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=123798>

адекватно реагировать на импульсы общественных настроений, в том числе и самые критические. Поэтому вряд ли справедливо жестко критически оценивать программу по демократизации российской политической системы, как «запоздавшие» предложения, как противоречащие сути авторитарного режима, сформировавшегося в России в 2000-е гг.

Как представляется, идеологема модернизации, активно внедряемая в массовое сознание с момента обсуждения концепции «суверенной демократии», продолжает активно использоваться в политической жизни современной России. Она играет значимую роль не только в качестве стержня агитационно-пропагандистской деятельности на выборах Президента Российской Федерации, но и в качестве тех критериев, на основании которых оценивается деятельность фракции «Единой России» в Государственной Думе и возможно, будет оцениваться политика вновь избранного Президента в марте 2012 г.

На наш взгляд, само наличие официально и публично продекларированных направлений модернизационного развития является важнейшим стимулом общественного развития современной России. Обусловлено это тем, что в данной идеологеме сконцентрированы те положения, которые не только отражают объективные потребности всего российского общества, но и потому, что многие из них совпадают с ключевыми позициями основных оппозиционных партий в современной России. Думается, именно в этом заключена необратимость их реализации для российского общества в том или ином варианте, в тех, или иных формах, в те, или иные конкретные сроки.

В целом, из сказанного можно сделать вывод, что основные тенденции эволюции электоральной функциональности политических партий в постсоветской России проявляются в постепенном переходе от использования партий, как фантомных организаций для достижения конкретных текущих целей на выборах в крупные и стабильные

политические институты, ориентированные на стратегические ориентиры общественного развития. Происходит смена приоритетов с сиюминутных электоральных целей и задач в период ограниченной по времени избирательной кампании на постоянную и последовательную работу с населением для завоевания доверия и привлечения на свою сторону. Тем самым объективно ограничивается манипуляционная составляющая предвыборных партийных избирательных технологий. Проблем, связанных, прежде всего, с повсеместным использованием административного ресурса партией власти остается достаточно много, но шансы на их ограничение и решение с помощью имеющейся нормативно-правовой и институциональной базы в результате повышения активности гражданского общества в современной России достаточно велики.

Эти новые тенденции в процессе технологизации партийной функциональности осмысливаются отечественными исследователями преимущественно в русле устоявшихся в предшествующие десятилетия представлений о смысле электоральных кампаний, избирательных технологий, идеологических мотиваций и реакций массового сознания на применяемые политические технологии. Неотрефлексированным исследователями остается тот факт, что партийные идеологии, например, сегодня по своему качеству заметно смещаются из области рациональных мотиваций политического участия в область манипулятивных технологий, а, значит, они становятся для политической науки совсем иным предметом, для изучения которого нужны иные, чем прежде, теоретические подходы. Само электоральное участие становится другим, в нем на первый план выходят мотивы гражданских сомнений и недоверия массового сознания к тем целям и средствам политики, на которые по традиции сориентирована партийная идеология, формы и средства мобилизации партиями своего электората. Партийные технологии мобилизации не предусматривают работы с принципиально недоверчивым и пассивным электоратом, а политическая

наука продолжает рассматривать такую дистанцированность современных партий от реалий политической жизни как естественное состояние. Все это новое и быстро расширяющееся предметное поле для политических исследований.

Глава 2. Апологетические тенденции в концептуализации электорального опыта российских политических партий

2.1. Ассоциирование отечественной методологии анализа политической функциональности партий с зарубежными «эталоном»

Исследование политических партий в российской политологии, вообще, и их электоральной функциональности, в частности, подвержено достаточно сильному апологетическому влиянию различных методологических и мировоззренческих подходов. Рассмотрению специфики подобного догматизма в работах отечественных политологов посвящена данная глава. На наш взгляд, большинство вопросов, связанных с апологетическими тенденциями в концептуализации электорального опыта российских политических партий связаны с проблемой эквивалентности понятий в общественных науках. Речь идет о ситуации, при которой один и тот же термин, одна и та же категория используется для обозначения объектов, имеющих различную сущность в условиях конкретных политических систем. Показательным примером в этом плане может служить партийная тематика. Известный российский исследователь многопартийности А.Н. Кулик эту проблему сформулировал следующим образом: «всегда ли наблюдаемые схожие факты, относящиеся к жизнедеятельности партий, означают то же самое в обществах, значительно отличающихся по своей политической культуре? Применительно к отечественной партологии эта проблема конкретизируется следующим образом: станут ли работать модели партии, созданные в реалиях стабильных западных демократий, будучи перенесены на почву российской

политической культуры, сформированной ее историческим имперским и недавним тоталитарно-коммунистическим прошлым?»⁸³

Становление отечественной школы партологии и формирование у нее собственной методологии без преувеличения можно назвать драматичным. Связано это с рядом политико-исторических обстоятельств. Дореволюционные политические исследования в России вполне вписывались в общемировой контекст, по крайней мере, в части партийной проблематики. Работы А.И. Стронина, Б.Н. Чичерина, М.Я. Острогорского вполне корреспондировались с зарубежным опытом⁸⁴. Уникальная школа изучения партий была создана в марксистской традиции. Методологическая и идеологическая конкуренция с либеральными трактовками позволяли теоретически совершенствоваться и сторонникам, и противникам марксизма. Однако эта, на наш взгляд, позитивная соревновательность прекратила свое существование с утверждением марксизма как единственно верного политического учения.

Советская обществоведческая мысль, находившаяся в жестких тисках марксизма, имела свой собственный взгляд на все явления и процессы, в том числе и на партии. Это было обусловлено и объективными причинами: коммунистическая партия Советского Союза не имела ничего общего с

---

⁸³ Кулик А. Посттоталитарные партии в политическом процессе: методология исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1994. №2. С.30.

⁸⁴ А. И. Стронин писал: «Выражением политических инстинктов служат политические партии. Элементарных, неразложимых более общественных инстинктов только два; отсюда и две коренные партии: прогрессисты и регрессисты» (*Стронин А. И. Политика // Антология мировой политической мысли: В 5 т. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX-XX вв. М., 1997. Т. IV. С. 119.*). Б. Н. Чичерин отмечал, что «партии возникают на почве общественного мнения. Необходимость дисциплины и организации для совокупного действия превращает неустроенную массу свободных и случайных мыслей в более или менее крепкие и прочные силы, способные быть политическими деятелями. При организованных партиях есть возможность рассчитывать, действовать, направлять разрозненные стремления к общей цели» (*Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М., 1904. С. 78.*). М. Я. Острогорский связывал само возникновение политических партий с расширением избирательного права (*Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 81-90.*).

западными партиями, а потому, естественно, не могла быть проанализирована с помощью зарубежных подходов и концепций. Как пишут в своем масштабном исследовании отечественного обществознания В.М. Долгов и Г.Н. Долгова: «Государство и КПСС использовали их (общественные науки -) как средство общественно-политического образования, просвещения и воспитания населения, как инструмент идеологической работы внутри страны и борьбы с зарубежными оппонентами»⁸⁵. Аналогичной позиции придерживается и другой авторитетный российский политолог, один из основных аналитиков процесса становления политической науки в России Я.А. Пляйс: «общественные науки виделись партийному руководству как идеологические служанки партии, не имеющие права не то что критиковать или отвергать, но даже ставить под сомнение истинность марксизма-ленинизма»⁸⁶.

За годы советской власти методологический разрыв в отечественных и зарубежных политических исследованиях постоянно увеличивался. Это привело к тому, что после крушения советской системы, либерализации обществоведения, появления самостоятельной политической науки не нашлось адекватных отечественных принципов исследования новых политических институтов. Поэтому, вполне понятным и закономерным выглядит признание в начале – середине 1990-х годов западной либеральной методологии как эталонной. Как верно, на наш взгляд, замечает В.М. Юрьев: «В горячие перестроечные годы казалось достаточно усвоить испытанные мировой наукой инструменты познания политики, и она будет познана, достаточно проявить западный политический опыт, и он приживется»⁸⁷. И лишь нарастание несоответствия между стремлением дать более-менее

---

⁸⁵ Долгов В.М., Долгова Г.Н. Полтора века российского обществознания (Середина XIX- начало XXI века). Саратов, 2011. С.165.

⁸⁶ Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009. С 24.

⁸⁷ Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. №2. С. 18.

качественное объяснение происходящим событиям и невозможностью это сделать с помощью имеющегося инструментария заставили отказаться от апологетического взгляда на западные институты как эталон⁸⁸.

Процесс освоения немарксистской методологии исследования политических партий в 1990-е годы предполагал изучение трудов ведущих ученых прошлого и настоящего. Появилось большое количество публикаций, в которых авторы заново открывали для себя и своих читателей М.Я. Острогорского, Р.Михельса, М.Вебера, М.Дюверже и других классиков политической мысли⁸⁹. Активно изучалось творчество нового поколения зарубежных исследователей: О.Кирхаймера, К.фон Бойме, А.Каца, П.Маира, А.Панебьянко, Р.Роуза, Я.Макалистера, К.Джанды и др. Можно сказать, что в ряде случаев к подходам этих политологов относились излишне ревностно, требуя от них точного ответа на российские вопросы и разочаровываясь, когда вопросы оставались без ответов⁹⁰. В этом отношении следует признать правоту Я.А. Пляйса, который заметил, что теоретические аспекты современного российского партийного строительства анализируются недостаточно. Особенно это касается особенностей и отличия партий в

---

⁸⁸ О.Ю. Малинова, например, продемонстрировала это несоответствие на достаточно частном, но ярком примере партийных идеологий: «В России формирование партий подчиняется другой, внешней логике, обгоняя процессы социального структурирования. Предлагаемые российскими партиями программы не справляются с идеологической функцией и институционализацией общественных конфликтов. Идеологические конструкты, обладающие, казалось бы, достаточным мобилизационным потенциалом, не преобразуются в реальные ориентации тех или иных групп. На смену идеологии пришли политтехнологии. На смену идеологам – политтехнологи. Идеология лишена значения главного орудия политической мобилизации и превратилась в бесполезный антураж. Партийные программы пишутся и уточняются «специалистами», работающими на заказ» (Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России // Полис. 2001. № 5. С. 97-106).

⁸⁹ См., например: Степанюк С.И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М.Я. Острогорского. Автореф.дисс....канд.полит.н. Спб, 2003.

⁹⁰ Так, например, С.А. Попов писал, что «постмодернистская теория картельных партий Р.Каца и П.Маира имеет ряд существенных недостатков. Важнейшим из них является упрощение современного партийно-политического ландшафта». (Попов С.А. Партии в современном политическом процессе: тенденции и потенциал развития (сравнительный анализ). Автореф.дисс....канд.полит.н. М., 2001. С.7)

России от других переходных стран⁹¹. Достаточно фундаментальная монография «Феномен многопартийности в российском обществе»⁹², ставшая результатом работы коллектива авторов, открывается разделом «Формирование теории политических партий». В нем дается обстоятельный и качественный анализ становления различных партологических концепций. Уделено внимание работам многочисленных зарубежных ученых. Отечественные авторы так же упоминаются. Однако речь идет о той или иной степени их критичности в освоении западных концепций, более или менее успешном приложении ими методов западных ученых к российским реалиям. В целом, теория политических партий представляется как продукт развития либеральной политической мысли. Отход от этой традиции сделан лишь при упоминании марксистского взгляда на партии. По нашему мнению, такая картина свидетельствует не о не внимании к каким-либо фундаментальным отечественным теориям, а отражает вполне объективную ситуацию их отсутствия.

Схожую картину рисует в своей работе «Проблема создания теории политических партий: история, современное состояние, перспективы» О.И. Каринцев. Анализируя различные исторические этапы становления теории в партологии, автор выделяет институциональный (1902-1951), бихевиоральный (1951-1967), постбихевиоральный (после 1967) периоды. Подобная периодизация связана с выходом в свет основных работ зарубежных, прежде всего американских политологов. О каких-либо иных точках зрения, альтернативных концепциях не упоминается вовсе, а «вклад российских ученых В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, Ю.Г. Коргунюка, А.Н. Кулика, В.П. Любина, Е.Ю. Мелешкиной и др. способствует адаптации традиционных концепций к новым теоретико-методологическим и

---

⁹¹ См.: Пляйс Я.А. Партии и партийные системы в современной России (Обзор диссертаций современных российских политологов) // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М. – Ростов н/Д., 2004. С.45.

⁹² См.: Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006.

практическим условиям»⁹³. Как видим, им отведена достаточно скромная роль адаптаторов и приспособливателей. Вероятно, такое положение дел вполне объяснимо и обусловлено историческими перипетиями политологии в России. Большое количество работ, в которых подробно рассматривается эволюция представлений о партиях, по нашему мнению, преодолевали своего рода «комплекс неполноценности» отечественной политологии. При этом особой новизны и значительных отличий от более ранних, данные рассуждения не имели, они выполняли скорее «ритуальную» функцию, которая состояла в том, что бы доказать читателю квалификацию автора, то, что он знаком с западной, «эталонной» теорией политических партий.

Отечественные партийные исследования оказались «привязанными» к западным методологическим «эталонам» практически по всем направлениям. Анализируя состояние российской партологии на рубеже 1990-х – 2000-х годов, М.В. Данилов отмечал, что наиболее сильной была зависимость отечественных ученых от ряда теоретических схем. К ним можно отнести системный, структурно-функциональный, сравнительный подходы⁹⁴. В целом, достаточно отчетливо выделяются две традиции западной науки, активно воспроизводимых нашими соотечественниками. Согласно первой, партии представляются фундаментальным политическим институтом демократического общества. В ее рамках предпринимаются попытки дать максимально полную характеристику различных аспектов их деятельности с точки зрения функционирования всей политической системы. В рамках второй традиции акцентируется внимание на отдельных, наиболее значимых аспектах партийной функциональности, прежде всего электоральной. Российские ученые в равной степени оказались в силу естественных причин зависимыми и от первой, и от второй традиций. При этом в основной массе

---

⁹³ Каринцев О.И. Проблема создания теории политической партии: история, современное состояние, перспективы // Политическая социология. М., 2008. С.62-63.

⁹⁴ См.: Данилов М.В. Партии в политическом пространстве современной России. Дисс....канд.полит.н. Саратов, 2003. С.

работ российских политологов партийная функциональность оценивается достаточно нормативистки, а иногда и догматически. Под этим мы понимаем следующее. Политолог, анализируя деятельность партий, исходит из сложившегося у него, главным образом под влиянием западной литературы, идеального, нормативного образа партий. Он представляет себе партию не такой, какая она есть, а такой, какая она должна или могла бы быть. После этого следует естественная и понятная критика партий за их дисфункциональность, неспособность исполнить предписанные им задачи. Для доказательства этого нашего предположения мы будем обращаться к наиболее репрезентативному корпусу источников по данному вопросу – сборникам тезисов Всероссийских конгрессов политологов, которые с периодичностью один раз в три года проводятся Российской ассоциацией политической науки и собирают сотни исследователей со всей страны.

Начало первому подходу положено фундаментальной работой М.Дюверже «Политические партии»⁹⁵. В ней рассматривался чрезвычайно широкий круг вопросов, который касался и происхождения партий, и их организационного строения, и других аспектов партийной жизни. М.Дюверже уделил внимание не только партиям, существовавшим в условиях политической конкуренции, но и ведущим свою работу в ситуации политической монополии. Другой пример одного из самых масштабных исследований политических партий в мировой партологии связан с работой К.Джанды и его коллег. К.Джанда поставил задачу проверить основные концептуальные предположения о феномене партии на огромном эмпирическом материале, охватывающем образование и жизнедеятельность 158 партий, представляющих 10 культурно-географических регионов мира, на временном промежутке 1950-1978 гг.⁹⁶. Другим вариантом широкого

---

⁹⁵ См.: *Дюверже М. Политические партии*. М., 2000.

⁹⁶ См.: *Janda K. Political Parties: A Cross-National Survey*. New York, 1980; *Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология. Хрестоматия*. М., 1997.

определения партии является подход Д.Лаполамбары и М.Вейнера, изложенный ими в книге «Политические партии и политическое развитие». Они выделили ряд признаков партии: стремление овладеть властью; наличие претензий на роль выразителя интересов широких масс; обладание четкой организационной структурой⁹⁷. Перед нами не стоит задача анализа данных работ. Это уже многократно сделано нашими предшественниками. Для нас принципиальное значение имеет сам подход, при котором партии рассматриваются как фундаментальный институт политической системы, имеющий множество измерений и характеристик.

Эти характеристики чаще всего проявляют себя в совокупности тех функций, которые должны партиями выполняться, чтобы считаться таковыми и методологическое влияние западных «широких» определений прослеживается как раз в приписывании российским политическим партиям определенных функций, заимствованных из западных концепций. При этом априорно предполагается, что партии выполняют фундаментальную демократизаторскую роль. Так, В.Е. Федоринов в своей докторской диссертации выдвинул положение о ключевой роли политических партий, системы многопартийности в процессе становления и развития политического плюрализма, их возможности существенным образом повлиять на ход общественно-политического развития, состояние политической и социальной стабильности»⁹⁸. На наш взгляд, несколько преувеличенной выглядит заявленная роль партий как некой независимой переменной, определяющей развитие всего политического режима. Представляется, что скорее сами партии являются производными от конкретных состояний политической системы.

---

⁹⁷ См.: там же. С.4.

⁹⁸ Федоринов В.Е. Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма. Автореф.дисс....д-ра полит.н. М., 2002. С.12-13.

Наиболее ярко апологетическое следование западным «эталонам» проявилось на примере исследования функций артикуляции и агрегации социальных интересов, а также политического представительства и рекрутирования правящей элиты. Так, бывший председатель Государственной думы Б.В. Грызлов в своей диссертации констатировал, что «российские политические партии слабы и неэффективны, партийная система фрагментирована, и партии, в целом, не справляются с ролью «посредника» между обществом и политической властью и не способны пока преодолеть их взаимного отчуждения»⁹⁹. Воспроизведение исходной презумпции, согласно которой партии – это обязательный институт-медиатор в демократической политической системе, является прямым следствием неразработанности отечественных концепций и попыткой постоянно «сверять часы» с зарубежными авторитетами. К сожалению, достаточно часто такая «сверка часов» приводила не к активизации поиска причин неадекватности теории относительно практики, а к неутешительному выводу о полной дисфункциональности российской партийной системы: наши партии не справлялись с агрегацией и артикуляцией социальных интересов, были неэффективны в осуществлении политического представительства, партии плохо формировали коллективные ценности и цели социума, участие партий в рекрутировании элит оставалось на неудовлетворительном уровне.

Доклады, представленные на Всероссийских конгрессах политологов, так же изобиловали подобными подходами. В одних из них, в который уже раз, делалась попытка пересказать традиционные и уже хорошо отработанные западные подходы к политическим партиям, отыскать в них что-то инновационное, что можно было бы приложить к российским реалиям¹⁰⁰. Естественно, что сделать это достаточно трудно ввиду разницы

---

⁹⁹ Грызлов Б.В. Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика. Автореф. дисс.... канд. полит. н. Спб, 2001. С.4

¹⁰⁰ См., например: Андреев И.В. Возникновение партологии: проблема приоритета // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.13; Каринцев О.И.

исходного практического материала и отечественных условий. В других работах авторы отталкивались от комплексного подхода к политическим партиям, стремясь перечислить максимально большое количество потенциальных направлений их деятельности, чтобы не упустить чего-то одного и очень важного¹⁰¹. Безусловно, для «классических» партий середины XX века такой подход был бы оправдан и логичен. Но трезвый взгляд на нашу действительность показывает, что теоретический опыт зарубежной партологии имеет значение скорее как интеллектуального фундамента, на котором должно строиться здание отечественной политологии, нежели как готовый справочник, в котором указаны ответы на все вопросы.

В значительной части работ, представленных на Всероссийских конгрессах политологов, речь идет о партиях как институте представительства разнообразных интересов. «Крупные, долговременные и влиятельные общенациональные партии... рассматриваются в качестве основных институтов политического представительства, участников и гарантов политического процесса»¹⁰². Следуя в русле подобного подхода, российские политологи подвергают отечественные партии обоснованной критике за то, что они (партии) не способны адекватно репрезентировать актуальные и потенциальные социально-политические расколы в обществе: социально-групповые¹⁰³, региональные¹⁰⁴, идеологические¹⁰⁵ и пр. По нашему

Организационная эффективность политических партий: к концептуальной модели для сравнительного анализа // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.199.

¹⁰¹ В частности, М.В. Иванова давала такое определение региональным отделениям партий: «Под региональными отделениями малых политических партий мы понимаем политические структуры... выполняющие присущие политическим партиям функции артикуляции и агрегации политических интересов, борьбы за власть, политической социализации и мобилизации населения» (см.: *Иванова М.В.* Региональные отделения малых политических партий современной России: опыт классификации // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.126.)

¹⁰² *Авдонин В.С.* Партийная реформа и российский контекст // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.4.

¹⁰³ Так, В.М. Долгов и Г.Н. Долгова писали, что «Происходящая ныне дальнейшая концентрация капиталов и власти активно воздействует на состояние партийной системы

мнению, здесь мы имеем дело с ситуацией, когда западный, «эталонный» подход ставится во главу угла, с ним сравнивается наличествующая ситуация. Очевидно, что она такова, что ничего кроме критики вызвать не в состоянии. Возникает вполне понятное желание заняться бичеванием наших партий. И лишь совсем немногие ученые открыто ставят вопрос о нерелевантности подобных схем к нашим специфическим условиям. В этой связи заслуживает внимания и одобрения позиция Ю.Г. Коргунюка, который заявил, что «слабым местом модели Липсета-Роккана является то, что она построена на материале западноевропейской истории XIX - первой половины XX века и фактически обращена в прошлое... В адаптированном к современности виде формула Липсета-Роккана сводится к пяти размежеваниям: центр-периферия, традиционализм-модернизация, монополия-конкуренция, работники-работодатели, налогоплательщики-бюджетополучатели»¹⁰⁶. Как нам представляется, такое видение основных линий, по которым происходит поляризация политического спектра в России, является адекватным нашим реалиям. Однако и здесь присутствует исследовательский нормативизм. По большому счету, наши партии не

России. Из нее вымываются партии, не имеющие властных или финансовых ресурсов. В частности, партии, опиравшиеся в социальном плане на интеллигенцию, крестьянство, рабочие социальные группы». См.: *Долгов В.М., Долгова Г.Н.* Социально-экономические факторы российской многопартийности (особенности проявления) // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.98. См.так же: *Мункуева Т.А.* Становление партийно-политической системы современной России // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.296.

¹⁰⁴ По мнению И.М. Бусыгиной «В федеративном государстве партии должны симбиотически объединять политиков национального и регионального уровней, которые помогают друг другу конкурировать за должности». См.: *Бусыгина И.М.* Политические партии и федерализм в России: Характер взаимоотношений // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.76.

¹⁰⁵ «Партии, являясь значимыми политическими акторами, выступают в качестве субъектов «идеологического творчества», то есть артикулируют и транслируют актуальные идеологические конструкты в социально-политической сфере». См.: *Толпыгина О.А.* Отражение базовых проблемных измерений в программах российских политических партий // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.415.

¹⁰⁶ *Коргунюк Ю.Г.* Модель Липсета-Роккана и современные реалии: Российский случай // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.223.

обязаны институционализировать даже эти, реально существующие, расколы.

Другой вариант, анализируемого «широкого» подхода к партийной функциональности исходит из того, что партии призваны заботиться о формулировании стратегического политического курса для всего государства и общества, облекая его в некие идеологические формы. При этом, в ряде случаев мы имеем дело не только с апологетикой чисто западных подходов, но и с отголоском марксистского понимания партийности. Предлагается, во многом, искусственно наделить партии определенными полномочиями, которые позволили бы им исполнить эту функцию, например, конституционно закрепив за ними право формировать правительство¹⁰⁷. Как отмечает А.Н. Кулик: «Несмотря на драматические изменения в отношениях между меняющейся природой партий и меняющимся понятием демократии в последние десятилетия, а также жесткую критику партий, они сохранили за собой ключевую функцию представительной демократии – легитимной смены власти через открытую политическую конкуренцию»¹⁰⁸. При всей справедливости такой позиции, надо отметить, что она адекватна западным условиям. Сама формулировка «сохранения функции» априорно предполагает то, что эта функция уже имела место. Но мы прекрасно понимаем, что никогда в истории России партии не обеспечивали смену власти. Таким образом, современная функциональность партий в России не укладывается и в эту схему.

Помимо партийной функциональности апологетика западных подходов проявлялась и при попытках перенести зарубежные представления о типологиях партий на нашу почву. Приспособление хорошо известных

---

¹⁰⁷ См.: *Воржецов А.Г.* Определяющая роль доктринальных партий в становлении демократических институтов современного российского государства // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.59.

¹⁰⁸ *Кулик А.Н.* Эволюция российской многопартийности: от Ельцина к Путину, что дальше? // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.241.

классификаций к отечественным реалиям неминуемо давало неудовлетворительные результаты. В этой связи, примечателен вывод К.Мусяенко об опыте применения западных политических концептов к анализу российской партийной системы. «Специфика переходных режимов, вне всякого сомнения, накладывает свой отпечаток на партийные системы. Но коль скоро мы декларируем стремление к демократическому развитию, нам, прежде всего, следует пытаться найти способы адекватного применения таких концептуальных моделей в наших условиях»¹⁰⁹. Деление партий по идеологическому признаку на правые и левые, либеральные и консервативные, радикальные и умеренные и пр. оказывалось в непримиримом противоречии с действительностью. Это вынуждало наших ученых искать собственные решения поставленной задачи¹¹⁰. Они могли быть наивными, они могли устаревать еще до выхода публикации в свет, они могли быть ангажированы политическими пристрастиями автора, но это были самостоятельные попытки преодолеть невалидность зарубежных концепций по отношению к постсоветским реалиям.

Второе направление западной партологии, в значительной степени повлиявшее на становление отечественных исследований, связано с представлениями о партии как избирательной машине, для которой электоральная функция, если и не единственная, то, как минимум, определяющая. Эта традиционная для западной политической науки и активно транслируемая отечественными учеными схема интерпретирует партии как институт, обеспечивающий эффективное, свободное функционирование политической конкуренции в рамках электорального процесса. Есть ряд причин, по которым современная политическая

---

¹⁰⁹ Мусяенко К. К вопросу о классификации политических партий (опыт применения западных политических концептов к анализу российской партийной системы) // Власть. 2008. №12. С. 73.

¹¹⁰ См., например: Степанов С.И. Проблема типологии российских политических партий. Автореф.дисс....канд.полит.н. СПб, 1998.

методология в большой степени привязана к анализу электорального процесса. Прежде всего потому, что в западной (особенно американской) политической науке господствует мнение, что «ни один политический институт не определяет политический ландшафт страны в такой степени, как её избирательная система»¹¹¹. Одним из самых заметных представителей этой традиции является Д.Сартори. Он попытался дать минимальную дефиницию политической партии, которая бы акцентировала внимание на принципиальных ее свойствах. Сформулированное в результате определение звучит так: партия – это «любая политическая группа, имеющая официальное название, участвующая в выборах и способная путем участия в выборах (свободных или несвободных) замещать государственные должности своими кандидатами»¹¹². В данном определении электоральный аспект партийной функциональности не просто выведен на первый план, он заявлен как критически значимый. Не может существовать партии вне выборов. Необходимо отдать должное гибкости теоретического подхода Д.Сартори, который специально оговорился, что выборы могут носить и несвободный характер. Таким образом, в научный анализ включаются неконкурентные политические системы.

Американский исследователь Э.Бьюэлл, продолжая обозначенную линию, подчеркивает, что избирательные функции являются основными у двух главных партий США. Он пишет: «Историк У.Чеймерс привел шесть направлений работы (партий –), причем половина из них явно относится к избирательным кампаниям: выдвижение кандидатов, ведение их предвыборных кампаний; создание в обществе имиджа партии и ее кандидатов; усилия по реализации требований групп, составляющих электоральную базу партии; несение бремени правления; помощь в

---

¹¹¹ Подъячев К.В. Политическая методология в контексте формирования «умной политики» // Вестник института социологии. 2011. №2. С.163-164.

¹¹² Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Vol.1. Cambridge. 1976. P.60-64.

осуществлении взаимосвязи между представителями партийной элиты на правительственных постах... Политолог Т.Лоуди характеризует обе основные партии как партии, чья жизнеспособность едва поддерживается искусственными средствами – такими, как проведение выборов по принципу «одномандатный округ – простое большинство»¹¹³. Таким образом, электоральная функция становится тем критерием, по которому оценивается степень полноценности партийной системы. От того, насколько партии эффективно справляются с ролью представительства интересов по средством участия в избирательных процедурах, можно делать выводы о степени демократичности общества.

В силу объективных причин, связанных с регулярностью проводимых общенациональных и региональных выборов, доступностью массивов статистической и прочей информации, трудностью сбора сведений о какой-либо иной деятельности партии вне избирательных кампаний, «узкие» электоральные подходы оказались довольно популярны в российском политологическом сообществе. Так, С.Н. Пшизова отмечает, что «наблюдается интенсивный процесс возвращения в политику феномена партии – избирательной машины для лидера. Партия как организационная структура, предназначенная для обеспечения представительства интересов отдельных социально-классовых компонентов населения, теряет свое значение»¹¹⁴. Исследуя историю становления современных партий, К.Г. Холодковский соглашается с исходным посылом американского политолога У.Райта о том, что изначально все партии тяготели к одному из двух идеальных типов: «модели партийной демократии» (ПДМ) и «рационально-эффективной модели» (РЭМ). Если первый из идеальных типов характеризовался широким набором функций, то второй сводил их почти

---

¹¹³ Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны. О политических партиях США. (Сверяться с «классическими» оценками) // Полис. 1993. №1. С.95.

¹¹⁴ Пшизова С.Н. Указ. соч. С.108.

исключительно к электоральным задачам. В последнее время, приходит к выводу К.Г. Холодковский, партии стали утрачивать свой четкий идеологический и социальный облик, превращаясь в «партии для всех», «универсальные» партии¹¹⁵.

На масштабных политологических мероприятиях, таких как Всероссийские конгрессы политологов, точка зрения на партии как «избирательные машины» остается достаточно популярной¹¹⁶. Так, по мнению О.С. Морозовой «итоги выборов подтверждают, что... сохраняющиеся партии все более превращаются в чисто технологические механизмы»¹¹⁷. При этом, как нам кажется, упускается из виду очень важное обстоятельство, связанное с тем, что распространенное в зарубежной науке мнение об электоральной функции партии как основной, базируется на понимании политического процесса в целом как поля конкурентной борьбы. В наших же условиях настоящая конкуренция на выборах фактически отсутствует. Следовательно, и сущность электоральной функции партий в России отличается от Запада. Партии у нас – не электоральные механизмы выражения интересов конкурирующей группы политико-экономической элиты, а механизм электоральной легитимации монополюно правящей элитной группы.

¹¹⁵ См.: *Холодковский К.Г.* Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С.64-65.

¹¹⁶ См., например: *Деулина О.Ю.* Сравнительный анализ картины мира политических партий РФ (на примере региональных и агитационных материалов политических кампаний) // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.129; *Никифоров А.Ю.* Реформа политической системы и политические партии // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.308; *Чувиллина Н.Б.* Политические партии и выборы в российских регионах в 2004-2008 гг. // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.460; *Каринцев О.И.* Политические партии с точки зрения теории рационального выбора: сравнительный анализ 150 партий в 27 европейских странах // VI Всероссийский конгресс политологов. Материалы. М., 2012. С.225.

¹¹⁷ *Морозова О.С.* Выборы в региональные законодательные собрания по пропорционально-мажоритарной системе и развитие партийной системы в регионах // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.211.

Кроме самой идеи оценивать функциональность партии по электоральному критерию заимствовались и конкретные исследовательские методики. Так, чрезвычайно популярными стали различные индексные подходы, которые используя статистический аппарат, позволяли делать выводы, подкрепленные математически¹¹⁸. Это и эффективное число партий, и электоральная неустойчивость, и фракционализация парламентов, и диспропорциональность политического представительства, различные индексы демократии, и другие¹¹⁹. Однако нельзя не согласиться с оценкой практики применения подобных подходов в России, которую дали Т.Н. Митрохина и Ю.М. Баскакова: «При слабой теоретической разработке на практике индексирование как один из методов количественного анализа находит применение в самых различных областях социально-гуманитарного знания. Несмотря на объективные трудности, ограничивающие использование количественных методов исследования политики, они получают широкое распространение в силу того, что выступают в роли универсального посредника между теоретическим и эмпирическим уровнями исследования»¹²⁰. Более того, мы считаем, что данная мысль нуждается в развитии и уточнении. Если в случае с «широкими» определениями партий

¹¹⁸ См, например: *Шакин Д.* Президентские полномочия и партийная система: сравнительный анализ постсоветских режимов // *Экономическая политика*. 2008. №3. С.95.

¹¹⁹ *Мангейм Д. Б., Рич Р. К.* Политология: методы исследования. М., 1999; *Джексон Дж.* Политическая методология: общие проблемы // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999; *Алкер Х.Р.* Политическая методология: вчера и сегодня // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999; *Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д, Ж. де Мер.* Политическая методология: качественные методы // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999; *Математические методы в социальных науках / Под ред. П. Лазарсфельда, Н. Генри.* М., 1973; *Кемени Дж., Снелл Дж.* Кибернетическое моделирование. М., 1972; *Харман Г.* Современный факторный анализ. М., 1972; *Политическая наука: новые направления*. М., 1999; *Тааганера Р., Шугарт М.* Описание избирательных систем // *Современная сравнительная политология*. М., 1997; *Макгроу К.* Политическая методология: планирование исследований и экспериментальные методы // *Политическая наука: новые направления*. М., 1999.

¹²⁰ *Митрохина Т.Н., Баскакова Ю.М.* Индексный анализ в сравнительной политологии // *Современное общество: человек, власть, экономика*. Материалы науч. конф. Саратов, 2002. С.116.

мы имели дело с некоей «идеологической» апологетикой, связанной с представлением о партии как неременном атрибуте демократии, то здесь налицо «технологическая» апологетика, когда механически переносится способ анализа без должного уровня понимания природы тех законов, которые описывают математические формулы. Дело в том, что, по нашему глубокому убеждению, в условиях нестабильных переходных режимов, тем более лишенных глубоких демократических традиций в истории, количественные методы могут носить лишь факультативный характер, быть подспорьем в качественном анализе природы политических процессов и субъектов.

Отдельного внимания заслуживают количественные параметры внимания отечественных политологов к партийной проблематике. Понимая всю условность и даже возможную неточность подобных подсчетов, все же, по нашему мнению, они отражают определенную динамику во внимании исследователей к тем или иным сюжетам. За основу мы приняли сборники тезисов всех докладов, прозвучавших на Всероссийских конгрессах политологов в 2006, 2009 и 2012 годах. Мы подсчитали, сколько докладов было посвящено партиям, а затем, с помощью содержательного контент-анализа сделали вывод о том, какие функции партий авторы считают приоритетными. Были получены следующие результаты (табл. 4):

Таблица 4

Приоритеты функциональности политических партий в исследованиях отечественных политологов

Год	Функция представительства интересов	Функция определения политического курса	Электоральная функция	Комплекс функций	Итого
2006	7	2	2	8	19
2009	6	-	3	4	13
2012	2	-	1	7	10

Во-первых, обращает на себя внимание тенденция к снижению внимания исследователей к партийной проблематике. Усиление монополистических проявлений в партийной системе России сделало фактически не актуальными разговоры о партиях в прежнем методологическом ключе. Стало очевидным, что традиционные теоретические схемы явно не подходят для анализа наших реалий, а новых подходов пока не сложилось. Поэтому исследователи предпочли вообще исключить партии из сферы своего внимания, нежели рискнули быть обвиненными в банальности.

Во-вторых, наиболее сильно упала популярность понимания партии как выразителя интересов какой-либо части общества. Это их идеалистическое понимание было в наибольшей степени заимствовано из западной политологии. К концу первого десятилетия XXI века выявилась полная несостоятельность такого подхода. Как институты, формирующие политический курс, российские партии фактически никогда не рассматривались. К последнему по времени Конгрессу популярность и чисто электоральных трактовок партии тоже сузилась до минимального значения.

В целом, мы считаем, что в этом проявился методологический кризис российской партологии, помноженный на неустойчивость самого объекта исследования – российские партии. В начале 1990-х годов была надежда на то, что наша партийная система впишется в западную, либеральную модель, а сами партии будут исправно выполнять предписанные им политической наукой функции – артикуляции и агрегации интересов, рекрутирования политической элиты, участия в выборах ради завоевания власти и проведения в жизнь того или иного политического курса. На деле же большинство партий оказались симулякрами. В 2000-е годы партийная система оказалась под тотальным контролем государства, а точнее президентской власти, степень ее свободы была ограничена, а ощущение фиктивности от нее (по сравнению с признанными западными теориями) только усилилось.

Естественно, что в таких условиях копирование и воспроизведение зарубежного теоретико-методологического опыта выглядело бы нелепым, а своего надежного инструментария не было создано. Политологи предпочли вообще обходить стороной проблему партий.

Вместе с тем, необходимо отметить и наиболее масштабные и успешные попытки преодолеть указанные трудности. В качестве положительного явления мы можем отметить, что в 2000-е годы происходит значительный пересмотр исследовательских подходов к партийной функциональности. На смену представлениям о партиях как организациях, занимающихся агрегацией и артикулированием общественных интересов, а также обеспечивающих политическое представительство посредством участия в электоральных процедурах, приходит более национально ориентированное понимание специфики партий. Появились работы российских политологов, в которых представления о функциях партий значительно расширены по сравнению с традиционными западными представлениями. Назовем лишь некоторые, наиболее масштабные работы.

Так, например, С.Е. Заславский и Ю.Г. Коргунюк выделяли у российских политических партий такие основные направления деятельности: электоральное, инновационное, аккумулятивное, конституирующее, политическое рекрутирование и социализация¹²¹. Это достаточно новый ракурс видения партийной функциональности, пытающийся учесть отечественные особенности, вписать партии в наш уникальный политический контекст. Особо обращает на себя внимание инновационная функция. Сами С.Е. Заславский и Ю.Г. Коргунюк интерпретируют ее как выработку альтернативных проектов политического развития, но, по нашему мнению, более развернутую ее характеристику мы можем обнаружить в работе М.В.

---

¹²¹ См.: *Заславский С.Е.* Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003. С. 96–97; *Коргунюк Ю., Заславский С.* Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности.- М., 2004. С.10-11.

Данилова. Он отмечает, что «все многообразие политических инноваций, актуализируемых партиями, можно условно разделить на несколько типов: нормативные, институциональные, и духовно-идеологические. Для каждого из вышеперечисленных типов характерна и своя специфика, и особая роль в них политических партий, особенно «партий власти»¹²².

Наибольший оптимизм вселяет то, что в ряде докторских диссертационных работ, посвященных партиям и защищенных в последние годы, делается специальный акцент на отечественные теоретические разработки. Так, Л.Х. Дзасохова в своей работе специально указывает, что ею были использованы модель «электоральной пирамиды» В.Б. Кувалдина и М.В. Малютина, концепция электорального дефолта А.И. Соловьева, теория элит и концепты политико-административного управления, разработанные А.В. Понеделковым, А.М. Старостиным¹²³. Более того, отмечается, что существующие зарубежные и отечественные политологические теории нуждаются как минимум в уточнении, результатом которого должно стать оригинальное концептуальное обоснование партийности в трансформирующейся политической системе современной России, отражающее сущность партий как акторов модернизации российской политической системы¹²⁴.

Однако совершенно справедливые констатации нерелевантности западных теоретических схем все еще достаточно редко переходят на уровень концептуального обобщения и предложения собственной модели исследования партийности, пригодной для прогностического использования и понимания будущих стадий развития политической ситуации в России и

---

¹²² Данилов М.В. Партии как агент политических инноваций // Политическая и правовая жизнь изменяющейся России. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. Вып.1.: Проблемы качества и стратегии развития. С. 160.

¹²³ Дзасохова Л.Х. Современные тенденции развития партийности в модернизации политической системы России (политологический анализ) . автореф....дисс.д-ра полит н. Ростов н/Д, 2011. С.14.

¹²⁴ См.: там же. С.15.

других государствах с трансформирующейся политической системой. Чаще всего мы имеем значительное приращение эмпирического материала и его концептуализацию на уровне объяснения имевших место в прошлом событий¹²⁵. Следует согласиться с Я.Ю. Шашковой, которая в одном из положений своей докторской диссертации настаивает, что импорт демократических институтов predetermined перенос западной модели политических партий в российские условия. И этот перенос создал противоречие между заимствованной нормативной формой партий и современными маркетинговыми методами их деятельности, с одной стороны, а также особенностями социальной структуры и политической культуры российского общества, с другой¹²⁶. Тем не менее, даже такой обстоятельный, но ретроспективный анализ, по нашему мнению, не способен решить наиболее актуальной проблемы отечественной партологии – отсутствие признанных, апробированных и направленных на понимание будущего моделей роли политических партий в политической системе незападных обществ.

Одну из попыток выработки прогнозной модели предпринял в своей работе В.И. Головченко, подвергнувший анализу партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России и пришедший к выводу, что в процессе развития централизма продолжится доминирование в нем социал-демократической составляющей¹²⁷. Наиболее успешным следует признать опыт теоретико-методологического переосмысления российской многопартийности и критики западных подходов уже упоминавшегося нами Ю.Г. Коргунюка. Помимо изменений и дополнений в модель Липсета-

---

¹²⁵ См., например, Михалева Г.Н. Формирование российской многопартийности в контексте трансформационных процессов. Автореф.дисс.... д-ра полит.н. М., 2011.

¹²⁶ См.: Шашкова Я.Ю. Партийная система в процессах политической трансформации и выборов в Российской Федерации (на примере регионов Юго-Западной Сибири). Автореф.дисс....д-ра полит.н. Чита, 2011. С.15.

¹²⁷ См.: Головченко В.И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России. автореф.дисс....д-ра полит.н. Саратов, 2009. С.15.

Роккана им были разработаны дополнения существующих классификаций и типологий партийных систем категорией «незавершённая партийная система», а также выделения в последней трёх подтипов (флуктуационная, периферийная и псевдопартийная системы)¹²⁸. В данном случае мы видим уже серьезный, но пока еще единичный пример разрыва с апологетикой западной методологии.

Таким образом, на основании анализа двадцатилетнего опыта исследования постсоветской многопартийности можно сделать вывод о наличии определенной динамики в этом процессе. Начав в конце 1980-х – начале 1990-х годов с радикального отказа от марксистского понимания партий, новая российская политическая наука оказалась в ситуации, когда в срочном порядке нужно было наверстывать «упущенное», интегрироваться в мировое политологическое сообщество. Первым и главным условием для этого было освоение признанных на Западе политологических теорий, в том числе касающихся партийной функциональности. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно изучить практически любой учебник по Политологии, изданный в 1990-х – начале 2000-х годов. В разделах, посвященных политическим партиям, приводилось указание на то, что они являются важнейшими институтами представительной демократии и призваны артикулировать и агрегировать общественные интересы, способствовать рекрутированию политической элиты, заботиться о формировании политического курса общества. Очевидно, что отечественный ни досоветский, ни советский, ни постсоветский опыт подобных выводов сделать не позволял. Имело место прямое заимствование зарубежных подходов. По нашему мнению, можно говорить, что до 2000-х годов мы находились в ситуации «методологического романтизма». Но с укреплением российской государственности зарубежные «эталоны» стали явно

---

¹²⁸ См.: *Коргунюк Ю.Г.* Становление партийной системы в современной России. Автореф.дисс....д-ра полит.н. М., 2009. С.18.

нерелевантными, потребовалась замена на что-то более «почвенное». Но формирование собственных оригинальных подходов оказалось процессом трудным и достаточно медленным. В результате, в настоящее время все еще сохраняется теоретический разрыв, при котором зарубежные «эталоны» уже не в состоянии объяснить природу российской многопартийности, а собственные разработки пока не достигли необходимого уровня теоретической и практической апробации.

Здесь, как нам представляется, мы можем выйти на более общую проблему соотношения универсального и национального в отечественной политологии. Достаточно метафорически вопрос соотношения публичных и теневых сторон политического процесса в обществах с устойчивой демократией и находящихся в состоянии перехода, представлен в статье В.Я. Гельмана¹²⁹. По его мнению, современная постсоветская политика дает немало примеров замещения формальных институтов неформальными. В частности, «там, где политические партии неспособны осуществлять политическую взаимосвязь элит и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме ‘политические машины’»¹³⁰. Отсюда вытекает основная, как она видится нам, дилемма отечественной политической науки. Первая позиция состоит в том, что российская политология должна основываться на достижениях мировой науки и ее развитие возможно только в условиях международной теоретико-методологической интеграции. Другая точка зрения исходит из того, что следование в зарубежном «кильваторе» только заводит нашу политологию в тупик, так как не позволяет качественно объяснять политический процесс в России на основе заимствований, адекватных для абсолютной иной социально-культурной среды.

---

¹²⁹ См.: Гельман В.Я. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. №6. С.6-18.

¹³⁰ Там же. С. 13.

Следствиями апологетики первой позиции является оторванность науки от жизни и потеря ею практической актуальности, превращение в политическую схоластику. Абсолютизация второго подхода может привести к изоляционизму отечественной политологии. По нашему мнению, в настоящее время имеют место и первая, и вторая проблемы. Часть научных исследований, хорошо корреспондирующихся с зарубежными теоретико-методологическими «эталоном», выглядят оторванными от реальности, не имеющими никакой практической значимости. Другая часть, напротив, остро актуальна, но не имеет шансов в силу отсутствия теоретической разработанности подходов быть интегрирована в мировую политическую науку. Исследования партий имеют печать и первой, и второй проблем. Выход, как нам кажется, может быть найден в продолжении критического переосмысления, адаптации, приспособления хорошо зарекомендовавших себя мировых теорий к нашим условиям. Нельзя допустить крайностей: уйти от реалий или заново «изобрести велосипед».

2.2 «Партийность» научного и публицистического анализа электоральной функциональности партий

Одной из наиболее заметных апологетических тенденций в концептуализации электорального опыта российских политических партий является так называемая «партийность» научного и публицистического дискурса. Речь идет об известной степени политической ангажированности авторов, которая предопределяет и подбор тем, и материалов для анализа, и итоговых выводов. В общественных науках влияние субъективных мировоззренческих установок ученых не редкость. Как отмечают в статье «Изучение политической науки и техника учебной работы» немецкие политологи Г.Симонис, М.Беренс и Г.Эльберс «При выборе темы, теоретических рамок и методов исследования в каждую научную работу вливается субъективный познавательный интерес автора¹³¹. Это вполне понятно, поскольку исследователю порой бывает достаточно трудно удержаться в рамках беспристрастного подхода к проблеме. Вписанность любого политологического исследования в политический контекст предопределяет то, что «во всех процессах познания и научных результатах участвуют люди, совершенно немислимые без собственных специальных, профессиональных, личностных, моральных, финансовых, религиозных, политических и иных интересов»¹³². Более того, от политолога требуется не только научная, но и гражданская оценка изучаемого явления. Публицистический анализ вообще априорно предполагает пристрастное, сугубо индивидуальное видение ситуации. Этим публицистика и ценна. Одной из сфер, где авторская ангажированность проявляется наиболее

---

¹³¹ Симонис Г., Беренс М., Эльберс Г. Изучение политической науки и техника учебной работы // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. М., 2004. С.14.

¹³² Конеген Н., Шуберт Н. Введение // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. М., 2004.

рельефно является проблематика электоральной функциональности российских партий.

Политическая позиция исследователей и авторов публицистических текстов заставляет их крайне по-разному оценивать одни и те же события, связанные с участием партий в избирательных процессах. В качестве примера можно привести кардинальное расхождение в трактовках выборной кампании в Государственную Думу в 2011 году. Однако то, что бывает хорошо понятным на интуитивном уровне, зачастую трудно поддается научному анализу. Требуется выбор адекватной методики. Необходимо сформулировать, каким образом, «партийность» научного и публицистического анализа электоральной функциональности партий может быть операционализирована и изучена. По нашему мнению, наиболее релевантным подходом в данном случае будет применение методики контент-анализа¹³³.

В нашей работе мы будем использовать качественный контент-анализ. Объектами исследования станут публикации научного и публицистического плана, посвященные электоральной функциональности политических партий за период с 01 сентября по 31 декабря 2011 года, то есть увидевшие свет во время решающей фазы избирательной кампании в Государственную Думу. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить основные проявления принципиального различия между научным и публицистическим толкованием электоральной функциональности партий, влияние на позицию автора его политических пристрастий. В связи с этим в массив анализируемых публикаций мы включили три вида статей:

1) опубликованные на официальном сайте крупнейшей политической партии «Единая Россия», представляющие собой крайний вариант партийной апологетики. Этот сегмент публикаций может служить своего рода

---

¹³³ См.: Мангейм Дж.Б., Рич. Р.К. Политология. Методы исследования. М., 1997; Боршитолец К.П. Методы политических исследований. М., 2005.

референтным образцом, с которым будут сравниваться тексты из иных сегментов;

2) опубликованные в формально нейтральных и претендующих на объективность СМИ (газета «Коммерсантъ», журнал «Коммерсантъ-Власть»). Здесь мы получаем возможность оценить уровень «партийности» публицистического дискурса и основные приемы, используемые журналистами для трансляции читателям своих установок;

3) опубликованные на сайтах ведущих аналитических центров и публикации, авторство которых принадлежит заметным фигурам в экспертном политологическом сообществе. Мы сознательно выбрали в качестве массива научной информации именно такой род публикаций, поскольку статьи в научных журналах выходят со значительной временной задержкой, а для нас важным параметром сравнительного анализа является их синхронность с материалами партийного и публицистического плана.

Поскольку мы используем качественный вариант контент-анализа, постольку нас интересует углубленное содержательное изучение текстового материала, в том числе, с точки зрения контекста, в котором представлены исследуемые нами категории. Единицей анализа в нашем случае будет термин «партия», употребленный в контексте выборов. То есть нас интересует направленность и интерпретация смысловой связи между понятиями «партия» и «выборы» («избирательная кампания», «электоральная кампания», «формирование Госдумы» и пр.)

На официальном сайте «Единой России» (er.ru) содержится около 2000 публикаций по предвыборной проблематике за период с 01 сентября по 31 декабря 2011 года. Путем случайной выборки нами было отобрано 10% из общего массива публикаций для детального анализа. Мы считаем, что выводы, полученные, исходя из исследования указанной выборки, будут репрезентативно отражать свойства всей генеральной совокупности.

Проведенный анализ показал, что существует четыре смысловых направления в публикациях по предвыборной тематике, раскрывающие электоральную функциональность «Единой России»:

- 1) Сообщения, в которых декларируется уверенность в победе на выборах;
- 2) Сообщения, акцентирующие внимание на реальных делах партии и ее предвыборной программе;
- 3) Сообщения, актуализирующие электоральную роль лидеров партии;
- 4) Сообщения, выражающие отношения к политическим оппонентам.

Рассмотрим, каким образом апологетические тенденции электоральной функциональности «Единой России» проявляются в указанных типах сообщений. Уверенность в собственных силах на предстоящих выборах партия власти транслировала посредством использования превосходных степеней и ярких эпитетов, вложенных в уста лидеров общественного мнения, политических экспертов и партийных деятелей. (Директор ВЦИОМ В.Федоров: «Единая Россия» сохраняет доминирование»; Политолог Д.Орлов: «Партия может достичь триумфа 2007 года»; Депутат Госдумы И.Яровая: «Стране нужна созидательная энергия, энергия развития, энергия объединения, которую предлагает «Единая Россия»; Депутат А.Воробьев: «Нам удастся получить крепкое большинство и повторить успех 2007 года»; Журналист В.Мамонтов: «Если партия получит большинство на выборах, мы увидим новый, яркий, модернизационный, инновационный парламент»; Секретарь Генсовета партии В.Неверов: «Единая Россия» идет на выборы со списками по-настоящему народных кандидатов в депутаты»; Политолог В.Никонов: «Единая Россия» грамотно политтехнологически работает во всех регионах»; Редакция сайта: «Единая Россия» доказала разумность своей налоговой политики»).

Подавляющее большинство сообщений, в которых выражается уверенность в безоговорочной победе, приходится на старт предвыборной кампании. Это можно объяснить как необходимостью соответствующим образом психологически настроить своих сторонников, так и предшествующими тенденциями электоральной борьбы. После 2007 года «Единая Россия» не просто побеждала во всех выборах, в которых участвовала, а набирала более 50% голосов.

Данный вид апологетики мы можем условно назвать «экспертно-пропагандистским». Зачастую громким лозунгам и бравадным заявлениям придавался некий научный или, вернее, квазинаучный статус, что должно повысить их вес в информационно-политическом пространстве. Но, не смотря на весь антураж научности, данные высказывания остаются типичной апологетикой, так как не основаны на критическом анализе и не предполагают такового.

Другим важнейшим направлением электоральной апологетики «Единой России» является акцентирование внимания на выборах как способе заявить о «реальных делах» партии, решении проблем избирателей, отражении в партийной программе наказов граждан России. («Ежедневную работу по решению проблем ЖКХ проводит «Единая Россия»; «Народная программа – программный документ партии на выборах»; «ОНФ мог бы заняться борьбой с коррупцией после выборов довольно эффективно»; «Народная программа – предвыборная платформа Партии – основана на предложениях избирателей»; «В случае победы Народная программа будет успешно реализовываться в Петербурге»; «Выборная кампания построена на отчете о реальных делах»; «Единая Россия» чудес не обещает, но решает реальные задачи»; «Грызлов дал комплексный анализ достижений «Единой России»).

Основным информационным поводом, связанным с данным видом апологетики выступает формирование так называемой «Народной

программы». Поэтому такую апологетику можно назвать «программной». Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда выборы представляются своего рода процедурой оценки того, что те или иные политические силы сделали для избирателей. Таким образом, происходит своего рода подмена понятий. Выборы из соревнования политических программ превращаются в соревнование хозяйственно-экономических достижений зачастую носящих локальный характер.

Третье апологетическое направление электоральной функциональности «Единой России» в самопрезентационной перспективе связано с обоснованием особой, даже исключительной роли лидеров партии в судьбе страны. Можно сказать, что это «лидерская» апологетика. В.В. Путин и Д.А. Медведев, являясь не только формальными руководителями государства, но и, безусловно, самыми авторитетными политиками в России, активно участвовали в избирательной кампании в парламент. Фактически, была использована технология «отраженного света», когда политическая успешность Президента и Председателя Правительства конвертировалась в требуемый электоральный результат партии. При этом важно было показать, что «Единая Россия» необходима В.В. Путину и Д.А. Медведеву, что они не могут обойтись без нее. В частности, глава Татарстана Р.Минниханов заявлял: «Единая Россия» - основная политическая партия, на которую опирается руководство страны». Ключевой здесь является тема опоры на партию. Поддержка партии представляется как поддержка лидеров.

Лидерская апологетика в материалах, размещенных на сайте «Единой России» достаточно часто исходила от политических экспертов. Так, Д.Орлов успел высказаться относительно и роли Путина, и роли Медведева («Медведев во главе предвыборного списка обеспечит партии победу на выборах»; «Визуализация образа Путина повысит доверие к партии»). Целью подобных высказываний является стремление привязать образы лидеров к

образу партии и достичь тем самым определенного синергетического эффекта.

Наконец, четвертое направление электоральной апологетики связано с позиционированием конкурентов «Единой России». Прослеживается определенная закономерность: если сообщения, в которых выражалась уверенность в неминуемой триумфальной победе партии, были сконцентрированы в начальной стадии избирательной кампании, то сообщения с упоминанием конкурентов приходились в подавляющей своей массе на последние недели и даже дни перед выборами. В результате проведенного контент-анализа мы обнаружили как минимум три тематических блока в рамках данного апологетического направления.

Во-первых, акцентирование внимания на бездействии оппозиции в решении проблем избирателей («КПРФ раздает лозунги вместо реальных дел», «Единая Россия», в отличие от ЛДПР, не собирается заняться борьбой с коррупцией после выборов, она занимается этой работой реально»). Во-вторых, дискредитация конкурентов в связи с упоминанием о их криминальных связях («3 кандидата от «Яблока» и 1 от «Справедливой России» имеют неснятую и непогашенную судимость»; «В списках КПРФ 10 человек с уголовным прошлым»). В-третьих, сообщения о нарушениях представителей оппозиции в день выборов («За неделю избиратели пожаловались на действия оппозиции 146 раз»; «Чемпион по нарушениям – КПРФ»). Если первый и второй блоки имели целью дискредитировать оппозицию в глазах избирателя и тем самым повлиять на их выбор, то третий блок связан с желанием перехватить инициативу по формированию повестки дня в поствыборный период.

Таким образом, исследование сайта «Единой России» позволило нам выявить влияние политической ангажированности при анализе электоральной функциональности российских партий в наиболее чистом виде. «Партийность» публицистического и научного дискурса может быть

сопоставлена с собственно партийной и выявлена степень приближения к ней. Кроме того, изучение сообщений с сайта «Единой России» выполнило роль пилотного исследования по отношению к контент-анализу материалов СМИ и аналитических центров, поскольку позволило сформировать словарь интересующих нас терминов в соответствии с тем или иным типом апологетики партийной функциональности (табл. 5).

Таблица 5

Виды апологетики партийной функциональности

Вид апологетики	Термины
Экспертно-пропагандистский	<ul style="list-style-type: none"> - доминирование - триумф - большинство - победа - успех
Программная	<ul style="list-style-type: none"> - созидание - развитие - прогресс - работа - борьба с... - предложения (наказы) избирателей - реальные дела - разумность - достижения - национальные интересы
Лидерская	<ul style="list-style-type: none"> - Путин - Медведев - Зюганов - Жириновский -Миронов - Явлинский - опора руководства - доверие

Антиконкурентная	<ul style="list-style-type: none"> - судимость - уголовное прошлое - жалобы - нарушения - слабость
------------------	---

Дальнейшая наша работа строилась, таким образом, чтобы обнаружить в исследуемых публикациях данные термины в контексте предвыборной деятельности той или иной партии. С помощью поисковой системы портала издательского дома «Коммерсантъ» (www.kommersant.ru) мы отобрали интересующие нас публикации в результате типичных поисковых запросов, состоящих из названия партии и термина из нашего словаря (например, «Единая Россия» доминирование; «Единая Россия» созидание; «Единая Россия» Путин; «Единая Россия» судимость). Каждое сообщение, отвечающее условиям запроса, мы анализировали отдельно на предмет присутствия в нем признаков «партийности» и апологетичности.

Анализ публицистического дискурса по первому «экспертно-пропагандистскому» апологетическому блоку показал, что Издательский дом «Коммерсантъ» занимает очевидно антиединороссовскую позицию. В частности, журнал «Огонек» термин «доминирование», который на партийном сайте использовался для того, чтобы подчеркнуть особую роль «Единой России» в политической системе страны, употребляет в крайне негативном контексте¹³⁴. Негативный фон оценок во многом определяется редакционной политикой, которая была сформирована еще в тот период, когда публичная политическая конкуренция была более острой. Будучи одним из основных изданий не только делового сообщества, но и, как стало принято говорить после выборов 2011 года, «креативного класса»,

¹³⁴ «Доминирование путем приписок и фальсификаций» (Огонек. 12.12.2011); Необходимо встряхнуть зарвавшуюся бюрократию, лишив правящую партию ее доминирования в Думе (Огонек 10.10.2011).

«Коммерсантъ» не мог себе позволить выступать по отношению к «Единой России» апологетически. По сути, смягчение оценок с отрицательных на нейтральные мы можем наблюдать лишь в региональных вкладках к основному изданию. Это связано с тем, что региональной составляющей управляют на правах франшизы местные медиа-бизнесмены, которые могут быть связаны какими-либо своими интересами с правящей партией. Так, 6 октября 2011 года в «Коммерсантъ – Саратов» появилось мнение руководителя саратовского исполкома партии С.Нестерова: «Доминирование «Единой России» не удивительно, так как сейчас это главная политическая сила в стране».

В целом, можно сказать, что блок экспертно-пропагандистской апологетики в негосударственном средстве массовой информации отсутствовал. Это подтверждается и результатами контент-анализа по словосочетанию «Единая Россия триумф». Наиболее характерное сообщение выглядит так: «Если итоги выборов в регионе хотя бы на уровне процентов существенно разойдутся с федеральными, это подпортит партии власти триумф на выборах в Госдуму» (Коммерсантъ. 20.09.2011). Можно высказать предположение, что публицистический дискурс в независимых от власти СМИ стал своеобразным и во многом ироничным ответом на партийную апологетику.

Одно из центральных мест, как мы выяснили, в собственно партийной апологетике электоральной функциональности партий занимает программный блок. Именно он призван, с одной стороны, концептуализировать отдельные пропагандистские усилия, с другой стороны, сам является мощным источником пропагандистской работы партийных активистов.

Одной из ключевых тем, использовавшихся сайтом «Единой России» была тема прогресса, на достижение которого нацелена и вся практическая деятельность партии, и ее программные документы. Как отмечает З.М.

Зотова: «Партийная программа выполняет двоякую функцию. С одной стороны, программа служит основой объединения единомышленников в партию, идейной основой всей дальнейшей деятельности. С другой стороны, программа нужна, в том числе, и для того, чтобы в результате широкой её рекламы привлечь как можно больше избирателей на проходящих выборах. Разработка предвыборной программы является одним из «классических» аспектов партийного строительства¹³⁵. В публицистическом дискурсе «Коммерсанта» мы видим искажение партийного смысла прогресса и употребление данной категории в исключительно негативных коннотациях¹³⁶. Фактически, тем самым уничтожается важнейшее направление апологетики электоральной функциональности партий, оно лишается содержательной основы. И, напротив, содержательная база подводится под мощную критическую волну в адрес партии власти.

Содержательная критика партийной функциональности подкреплялась ситуацией вокруг фактического и номинального лидерства в «Единой России». На партийном съезде в сентябре 2011 года Президент Д.А. Медведев отказался от участия в президентских выборах 2012 года и предложил на этот пост действовавшего на тот момент Председателя Правительства В.В. Путина. В ответ В.В. Путин предложил Д.А. Медведеву возглавить список партии на парламентских выборах, на что тот согласился. Таким образом, во главе «Единой России» номинально встал Д.А. Медведев. Однако журналисты и политические наблюдатели не сомневались, что рычаги принятия решений по-прежнему находятся в руках В.В. Путина. Это

---

¹³⁵ См.: Зотова З.М. Предвыборная программа – основной ресурс избирательной кампании. М., 2001. С.94

¹³⁶ «Прогресс есть: люди увидели, что у урн можно сделать революцию. Фальсификации закончатся, когда будут судить тех, кто занимался подтасовками» (Коммерсантъ-Власть. 12.12.2011); «Россия столкнется с необходимостью привлечь 10 млн. иммигрантов для восполнения дефицита рабочей силы. А то все больше нам докладывали о росте рождаемости и прочих признаках консолидации и прогресса» (Огонек. 24.10.2011); «Мы так и не увидели убедительного прогресса в укреплении независимости судов и борьбе с коррупцией» (Коммерсантъ. 07.10.2011).

наглядно видно из анализа количества упоминаний фамилий Президента и Председателя Правительства в изданиях «Коммерсанта» на предвыборную тематику в контексте «Единой России» (табл.6).

Таблица 6

Упоминания фамилий В.В. Путина и Д.А. Медведева в ходе избирательной кампании в Государственную Думу 2011 года в сообщениях на предвыборную тематику в контексте «Единой России» в средствах массовой информации издательского дома «Коммерсантъ»

	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Путин	281	215	220	300	1016
Медведев	164	166	144	181	655

Учитывая общий контекст публикаций в «Коммерсанте», можно утверждать, что лидерский аспект апологетики так же отсутствовал. Более того, публикации фактически дезавуировали образ Д.А. Медведева как самостоятельного политика и партийного лидера.

Что касается, четвертого вида апологетики электорального опыта партии власти, связанного с дискредитацией политических конкурентов, то он так же отсутствовал в публикациях «Коммерсанта». Поиск в сообщениях о «Единой России» в предвыборный период выражений «судимость», «уголовное прошлое», «нарушения», «жалобы» дало более 1000 результатов. Однако большинство из них носит либо чисто информативный, безоценочный характер, либо имеет ироничный тон изложения. В следствие чего, у читателя должно сформироваться впечатление о неправомерности претензий самой большой российской партии к своим оппонентам.

Фактически, о реальной апологетике электорального опыта «Единой России» в публицистическом дискурсе можно говорить лишь применительно к государственным средствам массовой информации. В качестве аргумента к данному утверждению можно привести достаточно типичные цитаты из

статей в главной государственной газете «Российской газете»¹³⁷. Таким образом, в предвыборный период 2011 года можно говорить о наличии двух больших блоков публицистики. Первый представлен государственными СМИ, прежде всего телеканалами. Второй – относительно независимой традиционной прессой и интернетом. В первом случае мы имели действительно апологетику электорального опыта российской партийной системы и, прежде всего, «Единой России». Фактически, задача государственных СМИ состояла в том, чтобы донести до максимально широкой аудитории те основные позиции, которые нам знакомы по партийному сайту «Единой России». «Независимые» СМИ занимали либо нейтральную позицию, либо были настроены антиапологетически, критически в отношении всего электорального опыта российской многопартийности и особенно последних парламентских выборов.

В контексте нашего исследования особый интерес представляет отношение научного и экспертного сообщества к проблеме электоральной функциональности российских партий. Отношение к выборам, сложившееся в отечественной политической науке далеко не однозначное. Признание электоральных процедур в качестве одного из важнейших атрибутов демократии, не отменяло критики абсолютизации значения выборов для судеб общества и государства. Как верно заметил А.А. Вилков: «Начиная с конца 1980-х годов политическая элита целенаправленно внедряла в массовое сознание эсхатологическое представление о судьбоносности выборов... Подобные представления сопровождались распространением в обществе настроения ожидания «чуда»: нужно лишь правильно

---

¹³⁷ «Единая Россия» выступает как ответственная политическая сила, сдерживающая популистские настроения. Партия власти, по сути, сохраняет доминирование в политическом процессе, только меняется формат этого доминирования» (Российская газета. 06.12.2011); «Создание Общероссийского народного фронта, августовская кампания по проведению праймериз позволили «Единой России» наполнить содержанием повестку своего политического и информационного доминирования» (Российская газета. 21.09.2011).

проголосовать за реформаторов, и они быстро все преобразуют «как надо». Восприятие выборов как обязательной и важнейшей предпосылки и составной части «чудесного» преобразования российской жизни насаждалось и интеллектуалами и политиками»¹³⁸.

Для оценки влияния так называемой «партийности» на научные оценки электорального опыта российских партий обратимся к ряду источников. В частности, таковыми являются аналитические доклады, которые были выпущены крупнейшими российскими социологическими и политологическими центрами по итогам парламентских выборов 2011 года. Хорошо известно, что практически все они, так или иначе, связаны с какими-либо политическими силами или, по крайней мере, могут быть дифференцированы на условных государственников и условных оппозиционеров. В качестве примера можно привести «Левада-центр», хорошо известный либеральными взглядами своего руководства и ведущих исследователей. Финансирование исследовательских проектов «Левада-центра» из-за рубежа даже актуализировало в середине 2013 года вопрос о признании его «иностранным агентом» в соответствии с законом об НКО¹³⁹. Обратимся к документу, наиболее выпукло отражающему гражданско-политическую позицию экспертов этого центра, который носит весьма характерное название: «Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме»¹⁴⁰.

Во вступительной части данного доклада заявляется о изначальной дисфункциональности отечественной партийной системы, которая имеет несколько серьезных «родимых пятен» советского авторитарного прошлого.

¹³⁸ Вилков А.А. Трансформация многопартийности под воздействием избирательного процесса // Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006. С.194.

¹³⁹ См.: «Левада-центр» записывают в иностранные агенты // Коммерсантъ. №84 (5115). 21.05.2013.

¹⁴⁰ См: Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2011 году. М., 2012.

Эксперты пишут: «Возникшие в начале 1990-х годов многочисленные партии, движения, общественно-политические организации, принимавшие участие в выборах, представляли собой фракции распавшейся советской номенклатуры, боровшиеся за власть. Основу их до 1999 года образовывали партии власти, поддерживающие президента и их многообразные идеологические и номенклатурные дубли, а также партии реванша или объединения консервативной оппозиции»¹⁴¹. Отсутствие «нормальных» партий в западном понимании этого института, вероятно, должно приводить к «ненормальности» и всех электоральных процедур, в которых данные партии участвуют. Исходя из этой логики вполне понятным становится негативный пафос всей работы, изданной «Левада-центром».

Подобная логика рассуждений привела к естественному в данном контексте следующему выводу о том, что с приходом к власти В.В. Путина дисфункциональность российской партийной системы лишь усилилась, поскольку к генетическим проблемам добавились приобретенные деформации демократии, вызванные стремлением президента сформировать автократический режим. Авторы доклада отмечают: «Приход к власти В.В. Путина ознаменовал изменения электорального законодательства... Шло формирование одной суперпартийной структуры «Единой России»... Таким образом, начиная с 2003 года в России установился особый политический режим, при котором исполнительная власть определяла, кого допускать к выборам, а кого – нет¹⁴². В такой системе «Единая Россия» представляется не как обычная партия и даже вообще не партия, а как «приводной ремень» от высшей государственной бюрократии к обществу, призванный выполнять мобилизационные и легитимационные функции.

---

¹⁴¹ Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2011 году. М., 2012. С.2.

¹⁴² Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2011 году. М., 2012. С.4

Один из основных вопросов, волнующих исследователей «Левада-центра» - это жизнеспособность сложившейся системы. И в оценке перспектив наиболее отчетливо проявляется «партийность» ученых, их политическая ангажированность, которая, впрочем, ими самими атрибутируется как гражданская позиция. «Мы имеем дело с намечающимся кризисом партийно-политической системы, построенной вокруг одной чиновничей суперпартии, предназначенной контролировать бюрократический аппарат, а через него – зависимую от государства значительную часть населения. Эта «вертикаль» дополняется несколькими мелкими партиями, имитирующими оппозицию («системная оппозиция»); им отведена роль абсорбентов массового недовольства режимом»¹⁴³. Фактически, здесь речь идет о дисфункциональности всех легальных политических партий. Не случайно, в работе сделана оговорка «системная оппозиция». Это позволяет нам предположить, что «несистемная оппозиция» видится авторам единственной силой, способной исправить существующее негативное положение дел. И в этом тоже проявляется их «партийность».

Одно из основных направлений критики российской партийной системы – ее отрыв от реальной социальной базы, непредставленность интересов значительных слоев общества. «Граждане с либеральными взглядами, ориентированными, соответственно, на западные модели развития демократии и экономики, на соблюдение гражданских прав и свобод, в нынешней ситуации практически потеряли возможность выразить свои позиции и взгляды: допущенные к выборам «партии» полностью утратили либо, наоборот, не обрели влияния и поддержки в этом потенциальном электорате. Вместе с тем значительный «запрос» на социал-демократию тоже

---

¹⁴³ Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2011 году. М., 2012. С.10

не находит выражения среди партий, допущенных к выборам»¹⁴⁴. В данной цитате обращает на себя внимание, что даже сам термин «партия» закавычен. Вероятно, авторы доклада хотели этим сказать, что используют его в переносном смысле, что само определение партий весьма условно подходит для определения данных российских институтов. Потеря партиями своей социальной базы - проблема достаточно широко обсуждаемая в научном сообществе и хорошо известная. Здесь же, по нашему мнению, эксперты допустили определенное отступление от научной чистоты. С одной стороны, в западной политической науке принята позиция, что классические дефиниции партии, сформулированные столетие назад, сегодня мало соответствуют реальности. Прежде всего, потому что ушли в прошлое доктринальные идеологии (либерализм, консерватизм, коммунизм, социализм), на которых основывались программы классических партий. Почти никем не оспаривается позиция, что современные партии лишены доктринальной идеологической составляющей. С другой стороны, «Левада-центр» критикует российские партии как раз за неспособность отразить в своих программах доктринальные идеологии и тем самым привлечь соответствующим образом настроенный электорат. По нашему мнению, такого рода методологическое искажение является свидетельством не низкой квалификации исследователей, а их политической ангажированности.

Еще одним примером влияния «партийности» или политико-идеологической ангажированности на оценку электоральной функциональности российских партий могут быть материалы «круглого стола», посвященного итогам тех же парламентских выборов, прошедшего в стенах государственного Всероссийского центра изучения общественного

---

¹⁴⁴ Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2011 году. М., 2012. С.14.

мнения (ВЦИОМ) 16 декабря 2011 года¹⁴⁵. На этом мероприятии была довольно солидно представлена так называемая «либеральная» позиция, негативно оценивающая партийную систему России. В частности, заметным проводником такого рода идей был В.Л. Римский, заведующий отделом социологии Фонда Индем. Данная организация была создана в 1997 году бывшим помощником Президента России Б.Н. Ельцина Георгием Сатаровым и известна своими прозападными, либеральными оценками происходящих событий.

В.Л. Римский высказал мнение, что «Выборы подтвердили высокий уровень недоверия и самой процедуре выбора и их результатам. Далее: недоверие политическим партиям подтверждено. Это по самым разным позициям, начиная от того, что не доверяют тому, как они наблюдали на этих выборах, не доверяют тому, что они там обнаружили, не доверяют, наоборот, тем, кто попал в думу и большинство наших граждан утверждают, что эти партии их интересов, вообще говоря, не представляют. Ну, и наконец, сами органы власти которые очень активно, по мнению большинства граждан, участвовали в самой процедуре выборов, они тоже большим доверием не пользуются и, на мой взгляд, еще и теряют это самое доверие»¹⁴⁶. Таким образом, критика функциональности партий здесь связывается с низким уровнем легитимности тех процедур, с помощью которых данные институты попадают в состав законодательной власти. Эта позиция была развита В.Л. Римским в статье «Гражданский запрос и политический ответ: общество, партии и власть после Болотной»¹⁴⁷. Таким образом, условно обозначаемый

---

¹⁴⁵ См.: Стенограмма заседания Научного совета ВЦИОМ «Итоги парламентских выборов (16.12.2011) // http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovets/ns_2011_12_Itogi%20vyborov.pdf. Просмотр 29.05.2013.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ «На думских и президентских выборах 2011–2012 гг. органы власти всех уровней сплошь и рядом нарушали ради своих интересов как общие принципы честных и свободных выборов, так и действующее избирательное законодательство. Кроме того, предвыборные обещания политиков в основном определялись желанием получить как

как «либеральной» лагерь в отечественной политической и социологической науке привел целый ряд аргументов, призванных доказать несостоятельность отечественной партийной и избирательно систем. И в этом смысле такой подход можно назвать антиапологетическим по отношению к собственно партийному и частично публицистическому дискурсам. Абсолютизация зарубежного опыта партийного строительства и осуществления избирательных процедур, подверствование под эти западные «лекала» отечественной практики должна трактоваться, по нашему мнению, не только как научная позиция, но и как проявление «партийности» исследователя.

В этой связи представляет интерес вопрос о том, каким образом на аргументы своих оппонентов отвечала та часть политологического сообщества, которую условно можно назвать «проправительственной», связанной тем или иным образом с правящей элитой и непосредственно партией «Единая Россия». В качестве наиболее ярких и заметных политологов этого направления мы выделяем Вячеслава Никонова, Дмитрия Орлова и Сергея Маркова.

Вячеслав Алексеевич Никонов – декан факультета государственного управления МГУ, депутат Государственной Думы от партии «Единая Россия», председатель комитета по образованию, исполнительный директор Фонда «Русский мир» и Фонда «Политика». В.А. Никонов сделал в ходе избирательной кампании 2011 года и после нее несколько важных заявлений именно как политический эксперт, которые позволяют нам идентифицировать не только его личное отношение к электоральной

можно больше голосов, а не стремлением к достижению общественного блага. Подобный рационализм власти (и политиков вообще), разумеется, не может устраивать успешных и экономически благополучных граждан, так как не позволяет решать значимые для них общественные проблемы, в первую очередь – обеспечение свобод личности и возможностей самореализации. Именно такие люди составляли большинство участников, например, митинга на проспекте Сахарова в Москве 24 декабря 2011 г.» См.: *Римский В.Л.* Гражданский запрос и политический ответ: общество, партии и власти после Болотной // *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра.* М., 2012. С.96.

функциональности российских партий, но и отношение к данной проблеме всей той группы аналитиков, которую он представляет.

Одно из важнейших обвинений со стороны политической оппозиции и оппозиционно настроенных политологов по отношению к прошедшим в декабре 2011 года выборам в Государственную Думу заключалось в нелегитимности парламента ввиду большого количества фальсификаций. В качестве одного из основных виновников и организаторов фальсификаций называлась фамилия главы Центральной избирательной комиссии Владимира Чурова. Отставка В.Е. Чурова стала чуть ли не основным требованием оппозиции. В.А. Никонов резко отверг подобные требования, попытавшись доказать с опорой на научный аппарат справедливость прошедших выборов. «Призывы об отставке главы Центризбиркома звучат от представителей оппозиционных партий. По мнению эксперта, результаты опросов общественного мнения ведущих российских социологических центров по избирательной системе в стране не позволяют сделать вывод о негативном отношении общества к деятельности В.Чурова. "Отношение к Чурову, скорее, нейтральное, судя по опросам", - сказал В.Никонов»¹⁴⁸.

Вообще, изучение материалов, связанных с выступлениями В.А. Никонова, позволяет сделать вывод, что одной из основных его задач было обоснование легитимности избирательных процедур, защита избирательной системы от нападков со стороны российских и зарубежных наблюдателей. В результате отвергались всякие попытки оспорить результат «Единой России». Надо признать, что его аргументы выглядят вполне убедительными: «Вообще-то европейцы не признавали свободными и справедливыми ни одни выборы в РФ, кроме 1996 года, когда избрали Бориса Ельцина. Правда, именно результат тех выборов подвергается сомнению в самой России, а по моему, они были самыми нечестными. Оценки всегда зависят от установки.

---

¹⁴⁸ Вячеслав Никонов: СПЧ вступил в противоречие с позицией президента // Российская газета. 24.12.2011.

Когда проходили выборы в Ливии, согласно "Евроньюс", все должны были радоваться за ливийскую демократию. И это при том, что там не было даже списков избирателей. Когда Джордж Буш-младший рассказывал Владимиру Путину о триумфе демократии в Ираке, там проходили выборы в условиях оккупации и тоже без списков избирателей. К сожалению, очень часто наблюдатели приезжают не только наблюдать. Зачастую они прибывают с уже готовыми отчетами. И даже если никаких серьезных нарушений на участках не выявляют, в отчетах указывают, что выборы несвободные и несправедливые. Потому что кого-то не зарегистрировали, кому-то дали меньше времени на телевидении и так далее»¹⁴⁹.

Противники существующего политического курса в России в качестве объекта своей критики партийной системы, естественно, выбирали «Единую Россию» и те результаты, которая она демонстрировала на тех или иных выборах. Если результат был ниже какого-либо психологического барьера (например в 50%), то говорили, что партия теряет своих сторонников ввиду разочарования населения в проводимой политике. Если итоги выборов превышали эти барьеры, то они расценивались как нечестные, сфальсифицированные. В.А. Никонов нашел, что ответить и в этой связи, еще раз доказав, что личные политические пристрастия могут вполне удачно сочетаться со статусом одного из ведущих политологов страны¹⁵⁰.

---

¹⁴⁹ Выбор после выборов // «Российская газета» - Неделя. №5736 (63). 22.03.2012.

¹⁵⁰ «Что касается "Единой России", то здесь разные были прогнозы. Последние прогнозы были порядка 53-54%. Сейчас идет на понижение. Но с чем сравнивать? Если сравнивать, что было на выборах в 2007 году, то падение. Выборы 2007 годы были уникальными – ни разу ни одна из партий не получала 2/3 мест в российском парламенте. Если мы вспомним, скажем, выборы 2003 года, где впервые выступала «Единая Россия», то там партия получила 37% голосов, то есть, значительно меньше, чем сейчас. Кроме того, надо помнить, что все это происходило после довольно серьезного экономического кризиса, и по существу все правящие партии в мире, которые в это время находились у власти, здорово потеряли, а большинство из них, даже из тех, кто уже выходил на выборы, потеряли и большинство, и власть. То есть, для партии, которая прошла через экономический кризис, я думаю, это, в общем...» (См.: Там же)

Высокая степень электоральной функциональности партийной системы России и апологетика участия в выборах партии власти рельефно проступает в комментариях известного российского политолога, директора Агентства политических и экономических коммуникация Д.И. Орлова. Хорошо известно, что Дмитрий Орлов – один из ведущих политических экспертов, работающих на «Единую Россию» и Общероссийский народный фронт. Апологетика, вызванная политической ангажированностью Д.И. Орлова особенно наглядно проявляется если сравнить его предвыборные заявления и с поствыборными. В частности, осенью 2011 года, в разгар избирательной кампании он выступил с комментарием, в котором отметил, что: «Единой России», в том числе благодаря Общероссийскому народному фронту, удалось вовлечь в сферу своего влияния протестные группы, что привело к общему снижению протестных настроений и в России, и в столице. Орлов считает, что мэр Москвы Сергей Собянин, который предпринял ряд удачных шагов по налаживанию коммуникаций с населением столицы, а также продемонстрировал способность принимать удачные решения, «мягко делегирует» собственную поддержку «Единой России». АПЭК полагает, что «Единая Россия» будет усиливаться вплоть до дня голосования 4 декабря. «Фактор Путина», выдвинутого в президенты на съезде партии власти 27 ноября, и «фактор Собянина» сыграют в этом решающую роль. Как прогнозирует АПЭК, «Единая Россия» получит в среднем по России 56-60%, а в Москве – 54-58%»¹⁵¹.

Когда же прогнозы не оправдались и зимой 2011-2012 в Москве состоялись самые масштабные митинги протеста почти за два десятилетия, политолог с «легкостью» объяснил и эту метаморфозу. По его словам избирательная кампания в Госдуму 2011 года «была очень

---

¹⁵¹ Политолог Дмитрий Орлов представил свое видение выборов в Москве // Corrupcia.net. 28.11.2011. (<http://www.corrupcia.net/articles/fact-5449.html>). Просмотр от 02.06.2013.

высококонкурентной. Возрос интерес к выборам, о чем свидетельствует явка, которая возросла в крупных городах. То, что "Единая Россия" участвовала в дебатах, стало значимым фактором роста интереса к этой части кампании. Вопреки довольно распространенному мнению "Единая Россия" дебаты не проиграла. "Единороссы" в полемике с коммунистами были вполне убедительны... Я думаю, что "Единая Россия" будет располагать устойчивым большинством в Думе, достаточным для проведения заявленного курса, который связан с модернизацией»¹⁵².

Пожалуй, одним из самых ярких и наиболее «плодовитых» в публичном пространстве апологетов электоральной функциональности партии власти среди экспертного сообщества является проректор Российской экономической академии, член Общественной палаты, а в прошлом депутат Государственной Думы С.А.Марков. При этом Сергей Марков выступает в роли апологета именно системной части политического спектра, которая концентрируется вокруг парламентских партий: «Результаты выборов в Госдуму продемонстрировали, что расстановка политических сил в стране осталась прежней. Четыре парламентские партии по-прежнему будут работать в Думе. Безусловный политический лидер в стране – «Единая Россия». Она получит более 50 процентов мест в парламенте. Одна из причин успеха – правильное решение партии о том, чтобы списки во многих регионах возглавили авторитетные люди. Коммунистическая партия по-прежнему – главная оппозиционная сила, которая укрепилась в этом качестве. «Справедливая Россия» и ЛДПР тоже подтвердили их определённую популярность у избирателей. Внесистемная оппозиция опять показала свою слабость и неспособность завоевать голоса электората. Её обвинения власти не находят поддержки в народе»¹⁵³.

---

¹⁵² Комментарии // Российская газета. №5649 (273). 05.12.2011.

¹⁵³ Политолог Сергей Марков: Люди на выборах сказали: «Мы хотим возвращения Путина» // Ежедневная электронная газета Файл-РФ (<http://file-rf.ru/context/972>). Просмотр 02.02.2013)

В целом апологетика электоральной функциональности российских партий, исходящая от научного и экспертного сообщества сводится к нескольким ключевым тезисам:

- легитимность выборов в Государственную Думу не вызывает сомнений, следовательно, прошедшие в нее партии представляют реальные социальные группы;

- победа «Единой России» неоспорима, она пользуется поддержкой большинства населения, имеющиеся факты нарушений на выборах носят единичный, а не системный характер;

- успех «Единой России» стал возможен благодаря тем реальным делам, которые делает партия в социально-экономической сфере на благо всех граждан.

Говоря об особенностях научного ракурса апологетики электорального опыта российских политических партий, нужно отметить, что он имеет как сходные, так и различающиеся черты с иными видами апологетики, рассмотренными нами выше. Объединяет их все не критичный, а догматический способ анализа. Однако, если в случае с партийным или публицистическим дискурсом это вполне понятно и не вызывает вопросов, то в случае с экспертными оценками такое положение дел выглядит как определенного рода схоластика, где академические и административно-научные регалии призваны компенсировать слабость аргументации. Во-вторых, объединяет все три вида апологетики зависимость ее проводников от источников финансирования. Фактически, мы можем говорить о справедливости старой формулы «кто платит, тот и заказывает музыку». И вновь мы должны признать, что особенно заметно это именно по отношению к оценкам, исходящим из политологического сообщества. Если политолог работает на партию, получает от нее заказы на предвыборное сопровождение, то его публичные оценки будут до крайности однобокими. Эксперт в таком случае в публичном пространстве превращается в пропагандиста. Его речи

становятся источником экспертной апологетики, которая имеет место в партийном и публицистическом дискурсах.

Таким образом, на основании материалов, рассмотренных в данной главе, можно сделать ряд выводов.

1. В процессе концептуализации электорального опыта российских политических партий важнейшую роль играли ранее и продолжают играть поныне апологетические тенденции, связанные, с одной стороны, с попытками прямого переноса западного теоретического и практического опыта многопартийности на отечественную почву, с другой стороны, с некритичными, политически ангажированными оценками электоральной функциональности наших партий.

2. Динамика апологетических тенденций при концептуализации института отечественной многопартийности связана с двумя радикальными переходами. Первый связан с отказом от марксистской парадигмы анализа политики в пользу «либеральных» теорий и произошел на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Вторым приходится уже на 2000-е годы и характеризуется усилением негативного восприятия зарубежных политологических концепций, обвинением их в неспособности надежно объяснить смысл российского политического процесса.

3. Апологетические тенденции достаточно ярко проявили себя в дискуссиях отечественных политологов о том, какая из партийных функций является ведущей. Поскольку советский опыт партийного строительства фактически не предполагал конкуренции на выборах, то утвердилась позиция, что главной функцией для партий в демократической политической системе является электоральная. Она же выступает и мерилем демократической функциональности партии.

4. Влияние политической ангажированности на оценки электорального опыта партий проявляется как в публицистическом, так и в экспертно-научном дискурсе. Апологизироваться может фигура ньюс-мейкера,

положения партийной программы, фигуры лидеров, а также сама партия в целом на фоне дискредитации основных конкурентов.

5. Влияние «партийности» на оценки электоральной функциональности партий связаны с источниками финансирования апологета. Государственное или близкое к нему финансирование приводит к попыткам обосновать уникальную позитивную роль «Единой России» в отечественной политике. Отсутствие такого финансирования – к обратным оценкам.

Глава 3. Критические направления концептуализации электорального опыта российских политических партий

3.1. Анализ имитационного компонента участия политических партий в электоральных процедурах

Анализ электоральной функциональности российских политических партий имеет не только апологетические направления, но и нередко носит откровенно критический характер. Это совершенно оправдано, так как сама сложность и противоречивость отечественного опыта партийного строительства, равно как и всей постсоветской политической модернизации, не может быть сведена к какому-либо одномерному восприятию происходящих явлений, однозначному толкованию возникающих и развивающихся политических институтов. В этой связи, по нашему мнению, критические направления концептуализации электорального опыта российских политических партий следует рассматривать как дополнение апологетических тенденций, создающих целостную и относительно объективную картину реальности.

Одной из базовых критических позиций является «обвинение» российских партий в имитации электоральной борьбы, создании иллюзии политического противостояния, разыгрывание «политического спектакля» перед зрителями-избирателями. Как нам представляется, такая точка зрения соответствует постмодернистскому взгляду на социальную и, в частности, политическую жизнь, распространившемуся в мире с конца XX века. Постмодерн сначала в культуре, а потом и в политике привел к пересмотру прежних, казавшихся фундаментальными устоев, норм, правил. Изменилось само отношение к протяженности политического процесса, горизонта прогнозирования управленческих эффектов, произошла девальвация

ценностей стратегического планирования за счет увеличения значимости решения текущих, сиюминутных проблем и задач¹⁵⁴. Одной из основных категорий постмодернистского дискурса, в том числе и политического, является «симулякр». Данный термин обладает большими возможностями для обозначения имитационной сущности партийного участия в избирательном процессе.

Автором понятия «симулякр» обычно называют французского философа Жана Бодрийера, хотя его употребление еще до этого встречается в работах другого ученого – Ж.Делеза. В основании данного концепта лежит принцип тождества между реальным и вымышленным, при этом вымышленное не означает ложности, а реальность не является синонимом истинности. Ж.Бодрийер понимал под симулякром образы, которые заменяют, а впоследствии вытесняют реальность¹⁵⁵. Принято считать, что впервые Ж.Бодрийер обозначил этот термин в своей работе «Система вещей», но наиболее полное истолкование дал в другом труде «Символический обмен и смерть». Вместе с тем, необходимо отметить, что Ж.Бодрийер был не изобретателем самого понятия, а лишь «переоткрыл» его заново. Так иногда случается. Достаточно вспомнить Р.Даля, который «вдохнул вторую жизнь» в античную дефиницию «полиархия». Почти аналогична ситуация и с «симулякром», использование которого можно обнаружить еще у Платона, размышлявшего об алгоритме сотворения Человека по образу и подобию Бога.

Платон полагал, что, совершив грехопадение, человек утратил связь с Богом, став его копией. Верные копии сохранили сходство с моделью, а неверные превратились в симулякры. В произведении «Политика» Платон

¹⁵⁴ См.: *Александрова Ю.А.* Постмодерн политической власти: пространство симулякров и деконструкции // Вестник ПАГС. 2012 №6. С.66.

¹⁵⁵ См.: *Николаева-Чинарова А.П.* Современная культура: управление как симулякр // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия, Психология, Педагогика. 2010. Вып.1. С.123.

адаптировал данную мысль к выяснению сущности государственного деятеля. Результатом стал вывод о том, что подлинный государственный деятель – это копия Бога, самозванцы и злодеи – симулякры¹⁵⁶. «Симулякр – уже не столько копия копии, образ, отстоящий от оригинала на два шага, но все-таки свидетельствующий о нем, сколько иллюзия, обманка. Симулировать – создавать видимость, обманывать, разыгрывать и даже намеренно искажать реальность... Тем не менее, симулякр продолжает оставаться включенным в некую общую (единую) для всего и для всех реальность¹⁵⁷. Как нам представляется, именно такой, скорее платоновский, нежели бодрийеровский подход, наделяющий симулякры определенным негативным содержанием, лежит нередко в основании публицистической критики имитационной сущности российских партий как имитаторов. Партии представляются в таком случае как злонамеренные иллюзии, призванные сознательно ввести в заблуждение избирателя, подменив реальную сущностную политическую жизнь бесплодными и бесплотными искажениями реальности.

По нашему глубокому убеждению, стоит более спокойно и нейтрально оценивать происходящие в социальной и политической реальностях изменения. Действительно, развитие средств массовой информации, особенно телевидения, а затем и интернета, открыло грандиозные возможности по манипуляции общественным сознанием, созданию иллюзорных образов, фактически не имеющих привязки к материальным объектам окружающего нас мира. Возможность при помощи СМИ охватывать огромные массы населения, рост электронной информации ведет к многократному увеличению возможностей символической политики.

---

¹⁵⁶ См.: *Хмылев В.Л.* Современная Россия сквозь призму концепции эпохи симулякров // Вестник Томского Государственного Университета 2009. №320. С.60.

¹⁵⁷ См.: *Курмелева Е.М., Мещерякова Л.Ю.* Симулякр и общество в современной социальной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2006. №2. С.32.

Символ в политике связывает рациональное и иррациональное. Раньше симулякры политических деятелей были идеологией и имели связь с обществом. Современные симулякры, практически полностью оторвались от реального мира и событий. Симулякр в политике - это нечто, благодаря чему личность достигает того, чтобы ей поверили. Главную роль в политике сегодня играют не идеологии, а имиджи. Поэтому сейчас нет ни одной политической партии, общественного движения, которые для достижения своих целей не использовали бы технологии, направленные на формирование мнения определенной аудитории с учетом ее социально-культурных особенностей. Особенности, созданных, например, культурой глэм-капитализма, то есть капитализма, развивающегося в условиях господства «гламурного» образа жизни и потребления как эталонного¹⁵⁸.

Однако воспринимать происходящие трансформации исключительно как утрату «золотого века» не следует. Меняется мир, меняется общество, меняются социальные и политические институты, меняются партии. Партийная политика всегда была ареной борьбы знаков и символов, в эпоху постмодернизма эта борьба всего-навсего вступила в новую стадию. Особую роль знаков в политике отмечал и сам Ж.Бодрийяр. Сравнивая их с финансовыми индикаторами, философ отмечает безотносительность тех и других какой-либо предметной области. Однако в отличие от финансовых, политические и культурные знаки не оказывают никакого влияния на функционирование социальных институтов. Иными словами, они говорят как бы на своем, уже неведомом современному мышлению языке, оставаясь, таким образом, за пределами человеческого сознания и бытия¹⁵⁹. В этом мы согласны, в частности, с В.И. Холодаревой, которая отмечала, что «Симулякр

¹⁵⁸ См.: Шорина И.Н. Политические симулякры глэм-капитализма как средство формирования общественного доверия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №3. С.406-409.

¹⁵⁹ См.: Хмылев В.Л. Современная Россия сквозь призму концепции эпохи симулякров // Вестник Томского Государственного Университета 2009. №320. С.60.

– это знак, схема или модель, за которым ничего не стоит. Это искусственное образование, заменяющее собой реально существующие предметы и отношения. Он не требует отсылки ни к чему реальному, он самодостаточен. Человеку вполне достаточно обладать симулякром, а не тем, что он симулирует. Симулякры обмениваются на симулякры, и ни один из них не отсылает ни к какому референту»¹⁶⁰.

Таким образом, методологической основой при исследовании имитационных практик российских политических партий в ходе электоральных кампаний может стать постмодернистское представление о роли символов в политике, выраженное посредством концепта «симулякр»¹⁶¹. Симулировать в политике, в том числе и в партийном строительстве, могут не только и не столько абстрактные сущности, но и вполне конкретные образцы для подражания, ставшие в силу тех или иных причин референтными. В исследуемом случае таким образцом для подражания и, как следствие, симуляции выступают западные партийные системы, копирование практик функционирования которых дает богатую почву для поиска имитационных проявлений в отечественном электоральном опыте политических партий. Отечественные политологи довольно давно, начиная еще с 1990-х годов, говорили об имитационных проявлениях в российском партийном строительстве. В этой связи особый интерес представляет статья С.Н. Пшизовой «От подражания к имитации: партийное строительство на

---

¹⁶⁰ См.: *Холодарева В.И.* Жан Бодрийяр: свобода как симулякр // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. №7. С.123.

¹⁶¹ Хотя, в научной периодике встречаются и иные, более экзотические термины, призванные описать имитационные, приспособленческие практики. В частности, используется понятие «хамелеона». Это особый тип адаптации, основывающийся на специфической, редуцированной идентичности, когда индивид или социальная группа сохраняют одно и то же место в периоды преобразований социально-экономической и политической системы, носящих, в том числе, и идеологический характер. См.: *Потоцкая Е.И.* Феномен хамелеона в современной России // Вестник РГГУ -2010-г..№ 3. С.208-223.

постсоветском пространстве», опубликованная в 2004 году¹⁶². Проанализируем основные аргументы и выводы, содержащиеся в ней и рассмотрим, каким образом изменилась ситуация к данному моменту времени.

Прежде всего, С.Н. Пшизова дает характеристику комплексу политических институтов и властных отношений, сложившемуся в западной цивилизации и служащего образцом для подражания и имитации. Центральное место в нем занимают политические партии. Партии занимаются агрегированием различных интересов, рекрутированием лидеров, интеграцией и мобилизацией граждан. Партии выступают основным инструментом институциональной легитимации, обеспечивают связь между государством и обществом¹⁶³. Фактически, речь идет о тех базовых функциях, которые предписаны партиям политической теорией. Сама теория политических партий сложилась во многом под влиянием западноевропейской и североамериканской практики. Поэтому, по нашему мнению, мы можем здесь наблюдать двойной демонстрационный эффект. С одной стороны, влияние теории, с другой стороны, влияние западной практики. Понятно, что в таких условиях незападным политиям чрезвычайно трудно выстоять под таким давлением. Сохранение национальной политической самобытности, как правило, истолковывается как цивилизационная отсталость, а любые попытки построить однопартийную или вообще беспартийную демократию – как проявление откровенно автократических тенденций. В такой ситуации, многие западные политические системы, как нам кажется, просто вынуждены были реализовывать имитационный сценарий. Он позволял ранее и позволяет

---

¹⁶² См.: *Пшизова С.Н.* От подражания к имитации: партийное строительство на постсоветском пространстве // *Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии*, М. – Ростов н/Д., 2004. С.97-107.

¹⁶³ См.: там же. С. 98.

пояныне одновременно и сохранять политическую идентичность, и быть тренде общемировых политических процессов, не чувствоваться себя изгоем.

Анализируя практику имитации образца, С.Н. Пшизова выделяет ряд ключевых моментов. Прежде всего, речь идет об имитации массовости политических партий. По мнению политолога, число членов российских партий являлось «бумажной мистификацией», а сами организации похожи на «головастиков, большая часть тела которых расположена в столице»¹⁶⁴. Здесь позволим себе высказать соображение, что ситуация с 2004 года (времени опубликования работы) несколько изменилась. Достаточно жесткие требования к численности и региональной сети, прописанные в российском законодательстве, вынудили партии идти в регионы. До 2010 года российские политические партии должны были иметь как минимум 50 тысяч членов, с 2010 – 40 тысяч и лишь с 2012 года минимально необходимое количество членов партии было резко уменьшено до 500 человек. В ситуации, когда закон предписывал партиям иметь большое количество членов началась настоящая гонка за партийцами. И здесь мы можем несколько скорректировать позицию С.Н. Пшизовой. По нашему убеждению, имитационный характер партийного строительства во второй половине 2000-х годов проявлялся, в этом отношении, через рекрутирование в партии представителей зависимых социальных групп. Это особенно характерно для партии власти – «Единой России», в которую в большом количестве «записывались» бюджетники – работники дошкольных учреждений, учителя школ, врачи поликлиник и пр. Такая практика имела значительные электоральные эффекты, поскольку учителя школ, воспитатели детских садов, медики – самые типичные работники участковых избирательных комиссий.

Вторым направлением имитационной деятельности российских партий, по мнению С.Н. Пшизовой, стало идеологическое творчество. Номинация

---

¹⁶⁴ См.: там же. С.99.

партий в соответствии с чужим идеологическим спектром и попытка их расположения на право-левой шкале лишь затрудняет их реальную идентификацию. «Желание воспроизвести западный образец провоцирует появление партий, для которых нет предпосылок на нашей политической почве. К примеру, поскольку в уважаемых старых демократиях действуют мощные социал-демократические партии, эта модель стала весьма популярной среди теоретиков и постсоветских политиков. В результате мы то и дело видим социал-демократические партии, созданные небольшими группками партийных строителей, которые довольно быстро исчезают, либо влачат жалкое существование, собирая 1-2% голосов»¹⁶⁵. Мы полностью согласны с приведенной оценкой.

Более того, выводы С.Н. Пшизовой подтверждаются и другими учеными. Так, А.А. Вилков и А.А. Николаева в своей совместной монографии отмечают, что реализация социал-демократических проектов ставит гораздо больше вопросов, чем дает ответов. К числу наиболее важных вопросов ими отнесены такие: «Почему социал-демократический вектор обновления идеологии социализма, поддержанный в период «перестройки» значительной частью советского общества, оказался отторгнутым большинством населения в 1990-е гг.? Каково соотношение объективных и субъективных причин в этом отторжении? Каково социокультурное основание социал-демократии в России? Почему потерпел поражение левоцентристский прокремлевский избирательный блок И. Рыбкина, несмотря на существенную информационно-коммуникационную поддержку? Почему подобный пропрезидентский проект «Справедливой России» был достаточно успешно осуществлен?»¹⁶⁶ Таким образом, идеологическая маркировка российских политических партий чаще всего – инструмент

---

¹⁶⁵ См.: там же. С.99.

¹⁶⁶ См.: Вилков А.А., Николаева А.А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в политической жизни России. Саратов, 2009. С.5.

избирательной технологии. Классическим примером этого является «либерал-демократия» ЛДПР. Понятно, что ни о каком либерализме здесь речи не идет, равно как не идет речи и о коммунизме применительно к КПРФ. Имитируя приверженность тем или иным идеологиям, партии стремятся получить поддержку идеологически ориентированного электората. Однако, относительная немногочисленность такового, приводит к тому, что партии вообще в последнее время избавляются от идеологических маркеров и стремятся приобрести маркеры «общесоциальные». Так, по данным официального сайта Министерства юстиции Российской Федерации на середину лета 2013 года было зарегистрировано 72 политические партии¹⁶⁷. Среди этих организаций значительное место занимают те, в названии которых присутствуют внеидеологические электорально привлекательные термины (Города Россия, Молодая Россия, Новая Россия, Умная Россия, Автомобильная Россия, Партия свободных граждан и пр.).

Наконец, третий пункт имитационной стратегии российских политических партий, выделенный С.Н. Пшизовой, подразумевает создание видимости связи партии с реальными социальными группами и слоями. По мнению политолога, имитация именно этой характеристики удается отечественным политическим организациям хуже остальных. «Отсутствие прочной социальной базы, мощных независимых организованных интересов, а также какой-либо гражданской политической активности и общественного контроля над партиями за пределами выборов, делает пропасть между управляющими и управляемыми особенно заметной»¹⁶⁸. Надо отметить, что по данному вопросу российскими партиями и, прежде всего, партией власти была проделана большая работа. Создавая пояс общественной поддержки партийных инициатив, «Единая Россия» аффилировала большое количество

---

¹⁶⁷ См.: Список зарегистрированных политических партий // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации (<http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok>). Просмотр 08.07.2013.

¹⁶⁸ См.: Пшизова С.Н. Указ.соч. С.100.

самых разнообразных общественных объединений, которые покрывали практически весь спектр социальных инициатив: профсоюзные, молодежные, правозащитные, экологические, женские и прочие. То есть, по нашему мнению, во второй половине 2000-х годов данный параметр имитационной стратегии был усовершенствован и в определенной степени даже превзошел западный образец. Речь идет о создании в 2011 году Общероссийского народного фронта, который и должен был продемонстрировать связь партии с самыми широкими социальными слоями.

Одной из наиболее интересных работ, дающей оценку имитационной составляющей электоральной функциональности российских партий, является публикация известного политолога, руководителя региональных программ Фонда развития информационной политики Александра Кынева «Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности»¹⁶⁹. Это исследование в ряде ключевых своих положений пересекается с выводами С.Н. Пшизовой, а в отдельных вопросах А.Кынев идет дальше и ставит новые горизонты изучаемого вопроса. В своей статье, вышедшей в свет в 2009 году, политолог подводит некоторые итоги и высказывает предположения о развитии партийно-политических отношений в субъектах РФ. Региональные политические процессы здесь, с одной стороны, предстают как проекция общенациональной политики и воплощают в себе особенности российского партотгенеза. С другой стороны, дают богатый материал для прогнозирования последствий тех или иных реформ на центральном уровне.

А.Кынев в своем анализе исходит из уже рассмотренной нами в предыдущей главе презумпции об отсутствии терминологической и сущностной эквивалентности политических институтов в традиционных и

---

¹⁶⁹ См.: Кынев А. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности // <http://www.memo.ru/2009/12/12/kynev.htm>. Просмотр от 13.07.2013.

«новых» демократиях. Другими словами, партия в России – далеко не то же самое, что партия в западных политиях. Главное отличие состоит в том, что российские партии не служат интересам объединения граждан ради защиты общих ценностей и отстаивания общих потребностей. А.Кынев считает, и мы отчасти, разделяем его точку зрения, что партийные организации представляют в отечественных условиях механизм государственного контроля над политической активностью граждан. Работа этого механизма обеспечивается контролем со стороны государственной бюрократии. Таким образом, одно из основных проявлений имитации, выделяемых данным автором – профанация социальной поддержки партий. Другая сторона симулякра партийности – имитация конкуренции на выборах. Политолог усматривает глубокие, фундаментальные причины такого положения дел. Они связаны с тем, что парламентская деятельность в России лишена главного – влияния на кадровый состав исполнительной власти. Мы бы от себя добавили еще и фактическое отсутствие контроля над налоговой и бюджетной политикой. В результате борьба партий на выборах – это не соревнование программ развития страны, а конкуренция за парламентские должности, стремление удовлетворить личные амбиции кандидатов. Проявлений этого достаточно много. К ним можно отнести и попытки «приватизации» региональных отделений партий бизнес-структурами, и создание на их базе партий «регионального патриотизма», связанных с интересами одного региона и одного регионального лидера.

Глубокому анализу в работе А. Кынева подвергается институциональный дизайн имитационного компонента электоральной функциональности политических партий. И это выгодно отличает данную работу от аналогичных, которые исходят в лучшем случае из социологических данных, а чаще всего из общих наблюдений пишущих за российской политикой. Изучение последовательного изменения партийного и избирательного законодательства, предъявляемых требований к

регистрации партий и их допуску к выборам, убеждают нас в том, что одной из основных целей подобного рода институционально-нормативных трансформаций было и остается поддержания режима имитации партийности в актуальном состоянии.

Таким образом, работы С.Н. Пшизовой и А.Кынева могут служить для нас «отправной точкой» при анализе имитационного компонента участия российских партий в электоральных процедурах. Базовыми характеристиками создаваемого электорального симулякра отечественной многопартийности, как минимум, могут считаться: имитация разветвленной структуры и партийного членства, идеология партии, связь партии с социальными группами. Теперь обратимся к исследованиям других политологов и проанализируем их публикации на предмет отображения данных и иных аспектов симулятивных практик.

Рассуждая об имитационном компоненте в российском электоральном процессе, многие отечественные аналитики выходят на более общие выводы об имитационности, как одном из ключевых признаков политического режима в целом. То есть, сама демократия нередко представляется в виде симулякра, которым авторитарный режим «прикрывается» с целью сохранения своего положения и обеспечения легитимности своей власти. Нельзя не согласиться с точкой зрения ректора Башкирской академии государственной службы и управления С.Лаврентьева, который заметил, что «технологии политологического анализа позволяют четко различать декларации и реальную политику, понимать отличия «легальных», но остающихся только на бумаге, и «неформальных», но при этом господствующих политических практик. Поэтому далеко не все государства мира, провозглашающие себя демократическими республиками, на деле таковыми являются. Так, отличительной чертой авторитарных режимов считается имитация демократических институтов и процедур, что характерно

для так называемых стран «периферийного капитализма»¹⁷⁰. Фактически, речь идет о том, о чем уже мы говорили в данном параграфе выше: симулятивные практики становятся глобальным атрибутом современной политики и задача ученого, политолога выявлять эти симулякры и давать им соответствующую оценку. Примечательно, что к анализу и критике имитации демократии подключились не только философы и политологи, но и юристы.

В частности, мы разделяем позицию С.А. Денисова, который дает весьма жесткие оценки попыткам использовать принципы конституционализма для маскировки автократий¹⁷¹. Исходя из этого, мы можем предположить, что имитационность становится общепризнанной политической стратегией, и чертой чуть ли не генетически присущей постмодернистской политике, где колоссальную роль играют средства массовой информации, технологии формирования общественного мнения, создающие разнообразные образы, подменяющие собой реальные сущности.

Имитационный компонент в политическом режиме, естественно, предопределяет имитационность и более частных проявлений этого режима, в частности партийной и избирательной систем. Для автократий жизненно необходимо в современном мире создавать иллюзию следования глобальным демократическим тенденциям. Одной из них является многопартийность. Поэтому, помимо главной партии, которая является местом сосредоточения правящей элиты, нередко допускается существование и других, сателлитных организаций, которые как раз и создают имитацию демократического процесса. Как пишет Г.Н. Михалева: «Положение партий в условиях

---

¹⁷⁰ См.: *Лаврентьев С.* Постдемократический синдром политических партий в России // *Власть.* 2011. №12. С.23.

¹⁷¹ «По мере установления конституционного строя в самых развитых странах мира открыто подавлять стремление народов к установлению конституционных отношений стало невозможно. Управленческие группы отказались от метода прямого отрицания конституционного строя и приняли тактику имитации его принятия». См.: *Денисов С.А.* Имитация конституционного строя // *Российский юридический журнал.* 2009. №2. С.39.

президенциализма, отмены прямых выборов губернаторов и в отдельных случаях – мэров, практически отказа от принципа вертикального и горизонтального разделения властей, сворачивания других демократических институтов и замены их имитациями, несмотря на изменения законодательства, оставляет партиям по-прежнему место второстепенного политического инструмента для политической элиты и ослабляет связи партий с секторальными группами общества¹⁷²». Главной проблемой таких партий является то, что они никак не связаны с социальными и политическими «разломами» в обществе, то есть для них нет соответствующей социальной базы, они не опираются ни на одну из групп населения и существуют лишь до той поры, пока действует их «мандат», выданный правящей элитой.

Одним из важных аспектов имитационной составляющей в российском партийной системе, который логично связан с рассмотренными выше, является связь партий с гражданским обществом, их взаимное влияние друг на друга. Здесь речь может идти не только об имитации партийной системы, но и симулировании самого гражданского общества. Выстраивание политической системы по жесткому иерархическому принципу приводит к тому, что в обществе существует лишь один политический центр, а все иные подавляются. Гражданская инициатива, имеющая политические проекции, в таком случае либо исчезает, либо переходит на латентный уровень, становится похожей на диссидентское движение¹⁷³. Таким образом, одна имитация как бы порождает и одновременно поддерживается другой имитацией. Имитация многопартийности сосуществует в симбиозе с имитацией гражданского участия. Возникает своеобразный

---

¹⁷² См.: Михалева Г.Н. Институт партий: европейская история и российский опыт многопартийности // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально – коммуникативные науки.» 2008. №1. С. 134.

¹⁷³ См.: Гудков Д.С. Партийная система и гражданское общество // Обозреватель. 2011. №8. С.7.

мультипликационный эффект, который увеличивает многократно симулятивную сущность подобного рода политий. Надо отметить, что данный аспект проблемы пока еще не нашел достаточного отражения в трудах отечественных политологов.

Вместе с тем, российская политическая наука значительно продвинулась в направлении анализа другого важнейшего проявления «симулякра» партийной конкуренции – имитации существования публичной политики и учета в принятии политических решений мнения различных социальных групп. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета О.В. Попова выделила семь признаков современного варианта российского политического режима: «1) «схлопывание» области публичной политики (изменение законодательства о выборах - семипроцентный барьер, фактический отказ от процедуры избрания глав исполнительной власти в регионах, контроль за СМИ - четкие ограничения по поводу допуска на экраны ТВ ряда оппозиционных политиков); 2) развитие патрон-клиентских отношений (которые, вообще-то, в наибольшей степени характерны для латиноамериканских государств) между элитными группами в зависимости от объема наличных властных (прежде всего - административного) ресурсов, а также между политическим истеблишментом и населением страны; 3) доминирование исполнительной ветви власти над всеми иными политическими институтами (прежде всего над законодательной властью); 4) тотальный контроль федеральной исполнительной власти за деятельностью всех партий, в том числе и непарламентских (пример - «партии-проекты Кремля»); 5) избыточная кристаллизация партийной системы, недопущение выигрыша «несистемного игрока» (с этой целью привлекается превентивное использование юридических норм); 6) ограничение / снижение ответственности государства / политического истеблишмента перед социумом (изменение системы обеспечения социальных гарантий нетрудоспособным гражданам; монетизация льгот - первый шаг в этом

направлении; ярким примером является и эксплуатируемая федеральной властью тема социально ответственного бизнеса); 7) имитация преодоления отчуждения между властью и рядовыми гражданами (средство - фатальная эксплуатация образа «негосударственных / государственных организаций», например создание Общественной палаты)»¹⁷⁴. В рассмотренном перечне признаков российского режима, который составила О.В. Попова, на наш взгляд, следует отметить следующий момент. Общее административное давление на реальные институты политической конкуренции «компенсируется» видимостью неразрывной связи власти и простых людей. Надо признать, что аргументы профессора О.В. Поповой выглядят достаточно убедительными, и они основаны на реальном политическом материале. Однако, по нашему мнению, можно предположить и дальнейшее развитие ситуации, когда симулякр связи власти и граждан наберет такой вес, что отпадет сама необходимость оказывать давление на политические партии. Фактически, проект Общероссийского народного фронта может служить подтверждением нашего предположения.

Справедливый политологический анализ требует признания того факта, что имитация партийности в отечественном политическом режиме – это не изобретение 2000-х годов. Еще в 1990-е годы распространенной практикой, особенно на региональном уровне, было «прикрытие» партийными брендами попыток вхождения во власть представителей бизнеса. Этому сюжету в российской политологии уделено значительное внимание¹⁷⁵. В целом, сложилось мнение, которое мы разделяем, что отношения бизнеса и партий стоятся на прагматической, деловой основе, что нередко выливается в

---

¹⁷⁴ См.: *Попова О.В.* Политико-партийный ландшафт в новом электоральном цикле // Вестник СПбГУ. Сер.6. 2011. Вып. 3. С.106.

¹⁷⁵ См., например: *Чернов Е.А.* Группы интересов в региональном политическом процессе Российской Федерации. Дисс....канд.полит.н. Саратов, 2012; *Маслова Е.Н.* Финансово-промышленные группы как субъект региональных политических процессов в современной России. Дисс....канд.полит.н. М., 2005 и др.

имитацию партийности¹⁷⁶. Симулякр партийности существует в обширной симулятивной системе, в которой центральное место занимают избирательные процедуры. Имитационной сущности российских выборов, особой роли политических партий в легитимации электоральных процедур также в отечественной политологии уделяется значительное внимание.

Имитация выборов, то есть реализация всех необходимых процедур, но при этом сущностно выхолощенных, представляется достаточно опасным явлением. Это связано с тем, что именно избирательный процесс, фактически, единственный легитимный способ смены власти в условиях демократии. Когда эта возможность ликвидируется, то сразу же актуализируются различные незаконные, противоправные способы замены правящей элиты. То есть, происходит по большому счету имитации политики. Об этом, в частности, рассуждает в своей статье Е.Ю. Мелешкина, по мнению которой «Закрепление института выборов в России стало основным механизмом политической конкуренции, но еще не стало механизмом смены власти... Многие «вводимые политические институты имеют «симуляционный» характер и зачастую играют роль простого «камуфляжа», «формального канала реализации неформальных норм»¹⁷⁷. Речь идет об амбивалентной природе электорального процесса в России. С одной стороны, выборы нужны, потому что они приучают народ к демократии, с другой стороны, практика проведения выборов, фальсификации, видимость конкуренции, безответственность кандидатов и партий – отвращают людей от важнейшей демократической процедуры, равно как и от самой демократии.

---

¹⁷⁶ См.: *Тев Д.Б.* Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПРФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. №1. С.107.

¹⁷⁷ *Мелешкина Е. Ю.* Выборы 1999-2000 гг. сквозь призму предыдущего электорального цикла // Первый электоральный цикл в России (1993-1996). М., 2000. С. 9.

Имитационный компонент электорального опыта российских политических партий имеет, по нашему мнению, глубокие исторические корни, он, можно сказать, генетически предопределен. Опыт проведения выборов и дореволюционной России, и в Советском Союзе не дает нам надежных оснований для того, чтобы считать их подлинно демократическими. Имитационность в той или иной форме присутствовала всегда. Учреждение Государственной Думы в царской России и выборы в нее были отвлекающим маневром, не повлиявшим на общую абсолютистскую конструкцию власти. Выборы в советский период, вообще, носили характер демократических только с точки зрения советского обществоведения, а сама демократия понималась настолько своеобразно, что не имела аналогов в мире. Выборы были не способом соревнования конкурирующих политических программ, а инструментом получения «народного одобрения» уже принятого решения. Поэтому вполне понятно, почему выборы в современной России носят имитационный характер. Изменения в законодательстве гораздо легче осуществить, чем переформатировать сознание людей. И здесь мы согласны с позицией А.Ю. Бузина, по мнению которого «российские выборы совершили эволюционный виток и вновь приблизились к имитации, но теперь уже с элементом альтернативности. Властные корпорации различного уровня (от федеральных до местных) имеют на выборах собственный интерес и они стремятся управлять процессом выборов с целью удовлетворения этого интереса. В результате российские выборы превратились в соревнование, организатором и судьей которого является один из участников. Вмешательство власти в выборы существенно снижает значимость этого важного демократического института»¹⁷⁸.

---

¹⁷⁸ Бузин А. Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М., 2007, стр. 17.

Разнообразные аспекты политического процесса, затрагивающие вопросы политического развития, функционирования партийной системы, роли и сути выборов конкретизируются на эмпирическом уровне в виде выбора типа избирательной системы. Известно, что разные избирательные системы имеют разное воздействие на формат многопартийности. Еще М.Дюверже описал это воздействие, как социологические законы: «пропорциональное представительство поощряет систему разнообразных, ригидных, независимых и стабильных партий; система большинства с двумя турами голосования поощряет систему разнообразных, подвижных, зависимых и относительно стабильных партий; система простого большинства с одним туром голосования поощряет двухпартийную систему с чередованием у власти основных независимых партий»¹⁷⁹. С 2007 года на выборах в Государственную думу применяется пропорциональная система, заменившая смешанную. Пропорциональный компонент введен в избирательные формулы почти всех региональных legislатур и многих муниципалитетов. В связи с этим, возникает вопрос о том влиянии, которое оказывается пропорциональной избирательной системой на имитационность партийного участия в выборах, способствует ли это укреплению симулятивности избирательных процедур, либо ведет к постепенному формированию подлинной конкуренции. Мнения ученых по этому вопросу разделились.

В частности, А.И. Дюгурова считает, что налицо позитивные эффекты пропорциональной формулы: «Безусловно, введение выборов по спискам стимулирует развитие многопартийности. Вторым плюсом является то, что партии должны будут сделать акцент на стратегические интересы страны... Интересы партийных лидеров на пропорциональных выборах будут несомненно более долгосрочными и направленными на всю страну, а не на ее

---

¹⁷⁹ Цит. по: *Яргомская Н.Б.* Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // *Полис.* 1999. №4. С. 123.

малую часть¹⁸⁰. По нашему мнению, такая позиция отдает политическим идеализмом и даже наивностью в духе конца 1980-х – начала 1990-х годов. Практика убеждает нас в том, что испытывать какие-либо надежды и веру в отношении политиков крайне недальновидно. В это отношении нам близка позиция В.М. Юрьева, считающего, что выборы в Госдуму регулярно показывают, что сложившаяся модель избирательной системы не создает стабильной, эффективной, авторитетной многопартийной системы. Вместо этого она способствовала консолидации бюрократии, объединению различных ее сегментов в движения с имитацией многопартийности¹⁸¹. Но в любом случае, как бы мы не оценивали российскую избирательную систему, ее эффекты демонстрируют разительное отличие и от теоретических, и от западных образцов. Российская многопартийность не соответствует ни одному из вариантов, который мог бы быть ожидаем в соответствии с, например, взглядами М.Дюверже. Такая рассогласованность теории и практики свидетельствует, на наш взгляд, не только об уникальной национальной специфике российской политической системы, сколько о значительном весе в ней имитационного компонента, превалировании «ручного управления» над политическими автоматизмами.

Согласно взглядам С.Н. Пшизовой и А.Кынева, рассмотренными в начале данного параграфа, одним из наиболее заметных и принципиально важных проявлений симулятивности в электоральной функциональности российских партий является имитация их связи с теми или иными социальными группами, создание видимости поддержки со стороны определенных слоев населения. Имитация социальной поддержки – одна из основных задач, которая, по мнению многих ученых, стоит перед

---

¹⁸⁰ Дюгурова А.И. Партийная система России в 2003-2007 годах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций. - 2009. - № 10. - С. 385- 393.

¹⁸¹ См.: Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. №2. С.21.

политическими партиями¹⁸². Российское общество в силу и исторических традиций, и особенностей текущей политической ситуации имеет немного причин для того, чтобы формулировать и защищать свои интересы посредством партий. Гражданские позиции в российском социуме принято доносить до власти используя иные непартийные технологии, прежде всего прямого обращения. Именно этим можно объяснить такую популярность различных «прямых линий», «разговоров с народом» Президента и Председателя Правительства, с регулярной периодичностью транслируемых центральными каналами российского телевидения. Однако правила «демократической игры» требуют, чтобы партии имели социальную опору и выражали интересы определенных групп населения. «Провозгласив целью социального транзита достижение нормативной демократии западного образца, политический режим нуждался в имитации ее реализации, дополнительную основательность которой, помимо деклараций, мог придать атрибут традиционной западной демократии – политические партии»¹⁸³. Поэтому возникает необходимость проводить масштабную работу, если не обеспечению этой поддержки, то, по крайней мере, созданию видимости таковой. «Партии продолжают и еще долгое время будут оставаться атрибутом и оружием власти, которая, используя механизм имитации социальной поддержки, гарантирует себе управление без альтернатив»¹⁸⁴. Приведенные выше цитаты достаточно точно, как нам кажется, представляют сложившееся в отечественной политологии мнение о роли партии в политическом представительстве социума.

¹⁸² См.: *Шугаев А.А.* Развитие партийной системы на региональном уровне. Дисс.... канд.полит.н. Саратов, 2009. С.160.

¹⁸³ *Егоров В., Морозов А.* Особенности современного российского партотрогенеза // *Власть.* 2012.№9. С. 22.

¹⁸⁴ См.: *Коврикова О.И.* Социальные основания партстроительства как средовое условие политической системы России // *Pro Nunc.* Современные политические процессы. Вып.2.Тамбов, 2004. №2. С.115.

Это мнение разделяется не только политологами, но и представителями иных общественных наук. Так, один из наиболее авторитетных российских социологов В.Л. Римский прямо пишет, что «для политических партий, включая и оппозиционные, заинтересованность в них руководителей тех или иных органов власти является существенно более значимым политическим ресурсом, чем поддержка граждан, избирателей, независимых экспертов и специалистов»¹⁸⁵. Данная позиция согласуется и с оценками других социологов. Л.Г. Бызов отмечает, что нынешняя партийно-политическая система не в состоянии взять на себя реальное представительство тех или иных слоев и групп российского общества. Как результат, идеологическое лицо партий становится все менее различимым, все они в ходе избирательной кампании апеллируют к общим "популистским" идеологическим тенденциям, напирая на принципы социальной справедливости¹⁸⁶. Это вполне объяснимо, имея ввиду заорганизованность российской политики, избыточное влияние на политический процесс бюрократии. Политические партии рискуют быть отодвинутыми от избирательного процесса многочисленными инстанциями: министерством юстиции, которое может партию не зарегистрировать, избирательными комиссиями разного уровня, наконец, судами. В этих условиях партии вынуждены балансировать на грани возможного: критикуя власть зарабатывать себе очки у избирателя, но не переходя грань, за которой наступает отрешение от легальной политики.

Надо отметить, что и данные самих социологических опросов последнего времени позволяют говорить о том, что не только экспертным сообществом осознается значимость имитационного компонента партийной

---

¹⁸⁵ Римский В.Л. Универсальные и коррупционные нормы взаимодействий в российской политике // Полис. 2011. № 4. С. 114.

¹⁸⁶ Почти половина граждан России (45,1%) склонны относить себя к приверженцам политического центра, консенсусной метаидеологии. См.: Бызов Л.Г. Политические и мировоззренческие ценности Россиян и трансформация партийно-политической системы России // Мониторинг общественного мнения. 2008. №3(87). С.6, 15.

функциональности, но и массовым избирателем. Так, по данным газеты «Ведомости», которая ссылается на опрос «Левада-Центра» с 74% в июле 2011 г. до 34% к июню 2013 года снизилось число граждан, считающих «Единую Россию» реальной политической силой. За тот же период с 17 до 47% выросло число россиян, считающих, что это не более чем «марионеточная структура, управляемая из Кремля». Структурой, управляемой исключительно из Кремля, относительное большинство (40%) считает и народный фронт (ОНФ), реальной силой его признает 21%, но еще 40% затрудняются с ответом. 26% респондентов убеждены в наличии у ОНФ свежих идей, 36% - обратного мнения. С 40 до 52% выросло число тех, кто считает единоклассников выразителями интересов олигархов и банкиров, а с 34 до 39% - количество уверенных в том, что это партия для чиновников. 12% видят за ней интересы среднего класса, 14% - инженеров, врачей, учителей, 3% - обездоленных и беднейших слоев. Иная картина у ОНФ: 22% придерживаются мнения, что фронт помогает банкирам и олигархам, 16% - работникам армии, спецслужб и МВД, 4% - беднейшим слоям населения, 7% - всем без исключения, а 41% не дали ответа¹⁸⁷.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги рассмотрения имитационного компонента электоральной функциональности российских партий в отечественной политической науке. Прежде всего, ученые достаточно четко выделили основные направления имитационной деятельности партий. Наиболее типичными и распространенными симулятивными практиками является «изображение» солидности своей организации, ее идеологичность всемерная поддержка со стороны общества. Российская политология проводит на протяжении последних двух десятилетий достаточно скрупулезный анализ этих аспектов. Обличаются фиктивность региональных и местных партийных сетей, «дудное» членство»,

---

¹⁸⁷ См.: Галлай А. Опрос «Левада-центра»: «Единая Россия» - марионеточная структура // Ведомости. 9 июля 2013 г.

имитация бурной деятельности в межвыборный период. Много и активно пишут российские и зарубежные авторы о квазиидеологиях партий. Стремление следовать классическим образцам, быть такими же, как крупнейшие партии мира, заставляют российских лидеров прикрываться той или иной идеологической конструкцией в ходе избирательных кампаний. Наконец, третий аспект, по которому есть консенсус в политологическом сообществе – это имитация связи партий с социумом, что дает преимущества входе предвыборной агитации, позволяет позиционировать партию как выразителя чаяний и мнений широких народных масс.

Второй вывод, который мы можем сделать, заключается в преобладании общего тона негативных оценок имитационных практик. По нашему мнению, подавляющее большинство российских авторов, подходят к этому вопросу излишне нормативистски. Такая позиция заключается в том, что якобы есть настоящие, подлинные партии (естественно, западные), а есть наша имитация этих партий, симулякр партийности. Итогом рассуждений в такой логике обычно является вывод о том, что все избирательные процедуры в России – фикция, вся публичная политика – видимость, да и весь политический процесс – спектакль, не имеющий отношения к реальности.

Наша позиция заключается в том, что имитация электоральной функциональности партий – объективный политико-исторический феномен. И как всякая закономерность, требует спокойного, и зачастую безоценочного в духе дихотомии «хорошо-плохо», анализа. По нашему мнению, в настоящее время развитие многопартийности во всем мире, в том числе и в нашей стране, достигло такого уровня, на котором партии приобретают новые функции. То есть мы можем говорить о том, что в число традиционных и известных политической науке функций партий может быть включена еще одна – имитационная. Эта функция в условиях постмодернистской политики, в условиях развития электронных СМИ и интернета приобретает первостепенное звучание. Невозможно заставить

партии не меняться в условиях, когда вокруг меняется все, в том числе и само государство.

3.2 Критика «технологизации» партийного участия в электоральных процессах

Важнейшее направление концептуализации проблем электоральной функциональности политических партий в отечественной политологии связано с анализом партийных структур как своеобразных «избирательных машин», которые нужны исключительно для того, чтобы обеспечивать занятие нужными кандидатами государственных постов. Нужно отметить, что российская политическая наука здесь не пионер, западные ученые достаточно давно исследуют партии под таким углом зрения. Американский политолог Э.Бьюэлл отмечал, что избирательные, а по сути политико-технологические функции являются основными у основных американских партий. Он пишет: «Историк У.Чеймерс привел шесть направлений работы, причем половина из них явно относится к избирательным кампаниям: выдвижение кандидатов, ведение их предвыборных кампаний; создание в обществе имиджа партии и ее кандидатов; усилия по реализации требований групп, составляющих электоральную базу партии; несение бремени правления; помощь в осуществлении взаимосвязи между представителями партийной элиты на правительственных постах... Политолог Т.Лоуди характеризует обе основные партии как партии, чья жизнеспособность едва поддерживается искусственными средствами – такими, как проведение выборов по принципу «одномандатный округ – простое большинство»¹⁸⁸. Данный технологический подход достаточно широко распространился в науке. У него есть как преимущества, так и недостатки. По нашему мнению, к несомненным сильным сторонам следует отнести опору на реальную практическую направленность исследований, опору на эмпирический материал, практическую применимость результатов. Недостатки же связаны,

---

¹⁸⁸ Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны. О политических партиях США. (Сверяться с «классическими» оценками) // Полис. 1993. №1. С.95.

подчас, с невниманием к демократической природе партий, выхолащиванием цивилизационной роли данного политического института.

Российские политологи так же активно включились в разработку технологических аспектов партийной жизни. Как отмечала С.Н. Пшизова «наблюдается интенсивный процесс возвращения в политику феномена партии – избирательной машины для лидера. Партия как организационная структура, предназначенная для обеспечения представительства интересов отдельных социально-классовых компонентов населения, теряет свое значение»¹⁸⁹. В этой связи рассмотрим основные направления анализа партийных технологий электорального участия. Можно выделить несколько основных линий научной критики: исследование партийных технологий в общем контексте политического менеджмента и политического маркетинга; анализ коммуникационной составляющей политических технологий, применяемых партиями; изучение способов построения партийных имиджей; оценка эффективности применяемых методов; различные исследования, посвященные частным вопросам технологизации партийного участия в электоральном процессе.

Вообще, следует особо оговориться о состоянии научной разработанности проблематики использования политических технологий в российской политологии. Самая популярная, судя по количеству защищенных диссертаций, специальность политической науки так и называется «Политические институты, процессы и технологии». Учитывая, что практически любая политическая технология имеет партийное измерение, исследователь всегда рискует быть обвиненным в неполном рассмотрении проблемы, не упоминании каких-либо важных с чьей-то точки зрения работ. Поэтому свою задачу мы видим не в том, чтобы дать исчерпывающий обзор всех публикаций о применении партиями

---

¹⁸⁹ Пшизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полис. 1998. №4. С.108.

электоральных технологий, а в том, чтобы зафиксировать узловые проблемы в этой теме.

Само словосочетание «политические технологии» способно вызвать негативные эмоции. Так А.Ю. Морозов под избирательными технологиями понимает три различные группы приемов: «Во-первых, грубое давление на избирателей с использованием административных рычагов, принуждения, прямых угроз, подкупа, фальсификаций. Во-вторых, использование технологий, связанных с прямым воздействием на подсознание избирателей, лишаящих его свободы воли. В-третьих, технологии, опирающиеся на планомерное и целенаправленное формирование в сознании избирателей положительного образа кандидата / или негативных образов его конкурентов»¹⁹⁰. Однако, по нашему мнению, априорная установка на столь отрицательное восприятие в общем-то обычной политической практики продиктована скорее не столько научным анализом, сколько личным гражданским опытом самого автора.

Гораздо более распространенным является рациональные и ценностно нейтральный подход к политическим технологиям. Так, Е.Г. Морозова утверждает, что избирательные технологии представляют собой систему средств, приемов и способов, направленных на решение задач избирательной кампании, а также методы ведения избирательной кампании»¹⁹¹. Аналогичную позицию отстаивает и Ф.Шепель, по мнению которого избирательные технологии – это «совокупность логически взаимосвязанных моделей, методов и конкретных способов подготовки, организации проведения избирательной кампании, направленных к тому, чтобы достичь желаемого результата на выборах»¹⁹². Таким образом, политические, и их более частный случай, избирательные технологии являются неотъемлемой

---

¹⁹⁰ Морозов А. Ю. Избирательные технологии на Западе и в современной России / А.Ю. Морозов // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 30.

¹⁹¹ Морозова Е. Г. Электоральный менеджмент. М., 2002. С.7.

¹⁹² Шепель Ф. Имиджеология: как нравиться людям / Ф. Шепель. – М., 2002. С.376.

частью реальной политики, которую необходимо анализировать с научных позиций. При этом, конечно, научный анализ не исключает оценки содержания и последствий применения политических технологий, что предполагает высказывание автором той или иной гражданской позиции.

Мы считаем, что в современной российской политической науке вполне оформились два основных подхода к интерпретации технологий, используемых в политике: менеджериальный и маркетинговый. Сторонники менеджериального подхода к политике видят в нем технологический процесс по управлению субъектами для достижения тех или иных целей. Лежащее в основе такой точки зрения рациональное целеполагание предусматривает учет таких факторов, как получение максимального эффекта в сложившихся условиях¹⁹³. Поскольку одним из основных акторов современной политики являются партии, а основная цель их деятельности – получение власти, то политический менеджмент, в таком ракурсе, представляет собой, по сути, набор технологий, призванных способствовать решению поставленных задач.

Однако далеко не все отечественные политологи склонны столь однозначно трактовать и понятие политического менеджмента и связанную с ним дефиницию политических технологий. Достаточно популярной является позиция, согласно которой выделяется широкое и узкое определение. Л.В. Сморгун¹⁹⁴, например, указывает, что в широком смысле данное понятие «охватывает управление процессами прямой и представительной демократии, международными политическими отношениями, а также менеджериальные подходы к сфере государственного управления; в узком – теорию и практику управления массовыми политическими кампаниями и политическими процессами влияния гражданского общества на государство»¹⁹⁴. Таким образом, по нашему мнению, вырисовываются два

---

¹⁹³ См.: *Ольшанский Д.В.* Политический PR. СПб, 2003. С. 41.

¹⁹⁴ *Сморгунов Л.В.* Теоретические вопросы политического менеджмента // Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии / Под ред. Л.В. Сморгун¹⁹⁴. СПб, 1999. С. 6.

уровня менеджмента в политике. Первый связан с решением масштабных задач управления большими политическими организмами на уровне системы международных отношений. Второй уровень предполагает реализацию частных целей конкретных политических акторов. Вероятно, что «технологизация» партийного участия в электоральных процессах относится ко второму уровню.

Согласно определению А.И. Соловьева, избирательные технологии представляют собой «совокупность способов воздействия на массы с целью повлиять на их электоральное поведение и побудить их отдать свои голоса за определенного кандидата»¹⁹⁵. Политические технологии в данном случае можно рассматривать, по утверждению Г.В. Пушкаревой, с которым мы согласны, как особые приемы и пути решения управленческих задач. Тем не менее, в такой позиции присутствует и некоторое идеалистическое начало, поскольку с точки зрения профессора, политические технологии побуждают людей действовать в соответствии с интересами политического субъекта, но одновременно поддерживают у них ощущение свободы своего выбора, естественности совершаемых ими действий¹⁹⁶. В реальности все намного циничнее. Необходимость поддерживать иллюзию свободы возникает только в случае применения избирательных технологий, то есть тех приемов, которые нацелены вовне по отношению к субъекту, являются «экстравертными». В тех же случаях, когда идет речь о внутрипартийных, «интравертных» делах, особенно в период острой политической конкуренции, иллюзии свободы уступают место жестким и авторитарным методам управления.

Весьма подробный и критический анализ использования российскими партиями политических технологий мы обнаруживаем в работе В.В. Штоля и

---

¹⁹⁵ Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учеб. для студентов вузов. М, 2005. С. 535.

¹⁹⁶ Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. М.: Дело, 2002. С.21-22.

С.Н. Федорченко¹⁹⁷. Они исходят из того, что в настоящее время в политическом менеджменте становится популярной концепция политического консьюмеризма, предполагающего политическое поведение граждан, мотивированное потребительно, и голосование за политическую продукцию, сформированную политическими консультантами через массмедиа¹⁹⁸. В данной статье авторы делят все партийные менеджерские технологии на несколько групп: партийные стартапы, управление партийными функционерами, управление партийными активистами, работа с партийными сторонниками, партийный фандрайзинг.

Кроме того, весьма спорным выглядит способ оценивания эффективности применения политических технологий партийными менеджерами, который предложен в работе В.В. Штоля и С.Н. Федорченко. Данные авторы предлагают это делать путем подсчет количества результатов поисковой выдачи Google¹⁹⁹. В итоге мы получаем сведения хоть и интересные, отражающие в какой-то мере читательский интерес, но слабо коррелирующие с реальным политическим влиянием организации. В частности, оказалось, что число выданных поисковых результатов для «Яблока» почти равно показателю ЛДПР и вдвое превышает аналогичный параметр «Справедливой России». Означает ли это, что эффективность политических менеджеров «Яблока» равна функционерам ЛДПР и превосходит успешность справедливороссов? Очевидно, что нет. Достаточно тщательный анализ технологий не сопровождается в статье главным, на наш взгляд, выводом – о смысле их применения. А он, по нашему мнению, заключается в достижении электорального успеха. Таким образом, все эти технологии можно с полным основанием считать избирательными, потому как они представляют важнейшие направления предвыборной работы. В

---

¹⁹⁷ См.: Штоль В., Федорченко С. Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве // Обозреватель. 2013. №6. С.47-58.

¹⁹⁸ См.: там же. С.52.

¹⁹⁹ См.: там же. С.53.

связи с этим, отделять технологии политического менеджмента от избирательных технологий, применительно к политическим партиям было бы неправильным.

Другой подход к оценке эффективности использования электоральных технологий политическими партиями предложен в работе З.А. Исимбековой и заключается в построении многофакторной модели, которая учитывает как внешние, так и внутренние обстоятельства. К внешним относятся: территориальный уровень проходящих выборов, институциональные особенности партийной системы, специфика календаря выборов (электоральные циклы), политическая конъюнктура. К внутрипартийным факторам эффективности избирательных технологий З.А. Исимбекова отнесла идеологию партии, ее структуру и кадровый потенциал²⁰⁰. В данном исследовании предпринята попытка ранжирования разнообразных факторов по степени значимости. Автор статьи считает, что наиболее важными являются аспекты территории выборов, избирательного цикла и кадрового состава партии. Меньшей значимостью обладают, по ее мнению, вопросы структуры партийной системы и политической конъюнктуры. Как нам представляется, такой подход несколько спекулятивен. Он, по крайней мере судя по тексту работы, не опирается на какие-либо эмпирические доказательства. Да и здравый смысл подсказывает нам, что в отечественных условиях политическую конъюнктуру никак нельзя относить к наименее значимым факторам, влияющим на эффективность электоральных технологий. Так, благоприятная политико-административная среда способна компенсировать партии многие промахи, и она же способна административно-правовыми средствами свести к нулю самые передовые технологические решения.

---

²⁰⁰ См.: *Исимбекова З.А.* Эффективность условий и факторов формирования партийных технологий электоральной конкуренции // Вестник ПАГС. 2012. №33. С.42-48.

Помимо менеджериального подхода к электоральным партийным технологиям, в отечественной политологии активно разрабатывается близкий к нему, но все же несколько иной по содержанию, маркетинговый подход. Ракурс рассмотрения технологизации партийного участия в электоральных процессах здесь сфокусирован не на совершенствовании управленческих практик, а на исследовании ожиданий избирателя и способностей партий удовлетворить данные ожидания своей политической продукцией. По мнению И.Л. Недяк, которая занимается теоретическими вопросами политического маркетинга, современные политические партии, в том числе и российские, придерживаются ряда принципов маркетинговой стратегии поведения, а именно:

- 1) новый уровень сегментирования избирателей, ибо старые критерии - идеологическая, социально-классовая, религиозная принадлежность – стали малоинформативными;
- 2) новая стратегия охвата – партии вынуждены перейти от стратегии концентрированного маркетинга (которую применяли массовые партии) к стратегии недифференцированного маркетинга;
- 3) новая стратегия позиционирования (от ориентации на идеологию к ориентации на «пакет программ»);
- 4) новое стратегическое видение/планирование – от «внутренней» ориентации к «внешней» ориентации²⁰¹.

Все это свидетельствует, по мнению ряда ученых, прежде всего Отто Кирхаймера и его последователей о том, что изменяется природа политических партий и происходит трансформация партийных систем: массовые партии заменяются всеохватными («хватай всех»). Подобные наблюдения абсолютно справедливы для западноевропейских партийных систем. Но можем ли мы говорить о таких изменениях в отечественных условиях? Ведь у нас, фактически, отсутствовал период массовых партий,

---

²⁰¹ См.: Недяк И.Л. Политический маркетинг. Основы теории. М., 2008. С. 228-229.

если не считать таковой монопольную КПСС. Таким образом, критический взгляд на маркетинговые технологии партийного участия в выборах просто необходим, хотя бы в силу того, что «маркетинг в политике в чистом виде вряд ли возможен, поскольку политики не опрашивают избирателей на предмет их желаний, предпочтений нужд, а стремятся обнаружить их реакции на то, что уже решено сделать»²⁰².

Общий фон многочисленных работ, посвященных электоральным технологиям, создает ощущение господства апологетического, а не критического подхода к политическому маркетингу в российской политологии. Ему приписываются «чудодейственные» возможности по достижению нужного политического результата. Поэтому тем ценнее те, относительно немногочисленные публикации, в которых предпринимаются попытки критического разбора практики применения маркетинговых технологий в России.

Одно из направлений критики связано с разрывом, который образовывается между федеральным и региональным уровнем политического пространства. Если в общенациональном масштабе политический рынок достаточно близко подошел к этапу завершения своего формирования, то в субъектах федерации он носит сегментарный характер, и более того в последние годы проявляет тенденцию к сужению. Признаками подобных депрессивных тенденций, по мнению М.Холодилина, являются сокращение числа участвующих в политическом рынке политических субъектов, в однообразии предлагаемого ими к выбору политического «товара» в виде программ политической деятельности или путей решения социально значимых проблем²⁰³. В результате региональный политико-избирательный маркетинг носит глубоко вторичный характер, редко можно встретить какие-

---

²⁰² Мухаев Р.Т. Политология. М., 2002. С. 395.

²⁰³ См.: Холодilin М. Особенности становления регионального политико-избирательного маркетинга в России // Власть. 2007. №5. С.41.

либо уникальные технологии и высокий профессионализм местных политтехнологов.

Связано это с тем, что региональный уровень публичной политики имеет свои особенности. Они связаны с тем, что на локальном уровне гораздо более тесными являются социальные сети и нужды в различных политических опосредованиях возникает меньше. Образы политиков получаются упрощаются и выглядят, нередко, однообразно. Сами технологии актуализации и продвижения имиджей также не отличаются многообразием и, как правило, эксплуатируют одни и те же схемы до той поры, пока они не исчерпают свою эффективность. По мнению М. Холодилина, с которым мы согласны, эти технологии «в большинстве случаев они сводятся к формальному проведению рекламной кампании с использованием листовок и агитаторов. Да и к самому политическому избирательному маркетингу в регионах имеет место отношение либо как к «модному» делу, либо как к формальному акту. Кроме того, используемые в регионах маркетинговые технологии направлены преимущественно на создание и продвижение политических образов конкретных политиков, а не политических партий, их идеологических платформ и программ»²⁰⁴. Формирование же образа партий имеет целый ряд особенностей. К ним можно отнести взаимозависимость уровня авторитета как центральной организации, так и ее регионального отделения. Необходимо обеспечивать технологическую поддержку не только ее отдельным лидерам, но политической программе.

Однако, как нам представляется, главный повод для критики партийных избирательных технологий состоит не в том, что в регионах или в России в целом сложился низкий уровень маркетинговой культуры, не в том, что ощущается недостаток креативности, а в том, что чаще всего под политическими технологиями понимаются хитрости использования административного ресурса. И здесь мы имеем двойной негативный эффект.

---

²⁰⁴ Там же. С. 42.

С одной стороны, это депрофессионализирует политических консультантов, которые в отсутствие серьезной электоральной конкуренции теряют возможности совершенствовать свои навыки. С другой стороны, отвращает от политики избирателя, создавая стойкое ощущение выборов как «грязного дела».

Одной из наиболее фундаментальных попыток исследования практики применения административных технологий на выборах является работа А.Ю. Бузина и А.Е. Любарева «Преступление без наказания. Административные технологии федеральных выборов 2007-2008 годов»²⁰⁵. К числу наиболее типичных избирательных технологий этими авторами отнесены следующие:

«- участие в избирательной кампании должностных лиц всех уровней, начиная от Президента Российской Федерации и заканчивая руководителями мелких предприятий;

- использование государственных и муниципальных СМИ для «информирования» избирателей с преобладанием позитивной информации об определенных участниках выборов;

- использование различных структур исполнительной власти (правоохранительных органов, различных инспекций), зависимых от них организаций (например, ЖКХ, собесов, образовательных учреждений и некоторых общественных организаций), а также материальных и информационных ресурсов администрации для содействия одному из участников выборов и противодействия другим участникам;

- косвенное использование бюджетных средств для проведения агитации, а также для привлечения избирателей к голосованию;

---

²⁰⁵ См.: Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания. Административные технологии федеральных выборов 2007-2008 годов. М., 2008.

- курирование избирательных комиссий среднего и низшего звена, исполнение администрацией полномочий, возложенных на избирательные комиссии»²⁰⁶.

Пожалуй, именно оценка избирательных технологий, применяемых политическими партиями, под углом зрения использования административного ресурса является наиболее критическим направлением анализа технологизации партийного электорального участия. Это и понятно, поскольку, в любом случае, административное давление нарушает полиархические принципы честной политической конкуренции, а зачастую находится и в прямом противоречии с законодательством. Гораздо интереснее с методологической точки зрения анализ критики технологизации электорального участия партий, не связанный напрямую с административным ресурсом.

Критическому анализу подвергается не только практика использования партиями административных технологий электоральной борьбы, но и сама политическая ситуация, которая сделала возможной эффективность административного ресурса. Как отмечает М.З. Файрушина «в современной России сформировался сектор политтехнологической поддержки авторитарного режима, включающий в себя как отдельных специалистов, так и особые институты (агентства политического консультирования, экспертные центры и т. п.). К настоящему моменту медиаполиттехнологи стали частью «силового аппарата власти» в самом прямом смысле слова»²⁰⁷. Такое положение стало возможным в том числе и потому, что «Единая Россия» является не просто обычной политической партией, а скорее «приводным ремнем» от власти к населению. И в этом смысле она так же неразрывно связана с политическим режимом, как и режим с ней. Образуется своего рода

---

²⁰⁶ Там же. С.257.

²⁰⁷ Файрушина М.З. Специфика российского электорального консалтинга на этапе развития политического рынка // Вестник Башкирского университета. 2011. Т.16. №2. С.560.

транзитивное тождество: технологии поддержки режима все 2000-е годы означали поддержку «Единой России» и наоборот. И лишь после 2011 года, когда стало ясно, что популярность доминирующей партии падает, а груз негативной информации о ней становится все тяжелее, стали предприниматься активные попытки развести в массовом сознании образ Президента В.В. Путина и партии. Для этого была задействована технология создания надпартийного политического образования – «Общероссийского народного фронта».

Развитие политического консалтинга как особого вида политических услуг в России самым серьезным образом повлияло на позиционирование партий в политическом пространстве. Участие политических партий в избирательных кампаниях стало подчиняться четким правилам ведения электоральной борьбы. Политические технологии рационализировали деятельность партийных структур. И в этом состоит их позитивное влияние. Вместе с тем, у развития рынка политического консалтинга есть и обратная сторона медали. Она связана с тем, что партии в целом и отдельные кандидаты стали либо жертвами, либо продуцентами, а часто и теми, и другими сразу, использования «черных» избирательных технологий. Различные PR-агентства, индивидуальные политтехнологи, пользуясь низкой правовой и политической культурой и грамотностью большинства населения, доверием массового избирателя к печатному, а тем более телевизионному слову, стали активно эксплуатировать различные средства диффамации.

Одной из наиболее распространенных и одновременно наиболее критикуемых политических технологий, которая используется, в том числе и политическими партиями, в ходе избирательных кампаний является «война компроматов». Как отмечает саратовский исследователь С.А. Федорова: «Действенность и особая опасность компрометирующей информации заключается в том, что до сих пор не известны надежные, в том числе правовые способы защиты от такого рода технологических способов

устранения конкурента. Объект компромата имеет возможность защищаться как публично, так и в суде, законодательным порядком. Однако на практике это делать довольно сложно»²⁰⁸. В своей работе С.А. Федорова выделила целый ряд схем, которые могут быть использованы для компрометации политических деятелей. В зависимости от физиологической, стилевой, терминологической, жанровой специфики различаются «психиатрическая», «физиологическая», «игровая», «допущенной ошибки», «криминальная», «характерологическая», «милитаристская», «наукоподобная», «оскорбительно-вульгарная», «идеологическая», «морализаторская», «художественная» схемы²⁰⁹. И хотя напрямую в работе С.А. Федоровой не идет речи о политических партиях, понятно, что любой крупный политик в современных условиях так или иначе, прямо или косвенно связан с партиями. Поэтому компрометация его влечет за собой дискредитацию всей организации. Учитывая то обстоятельство, что заказчиками диффамации являются политические конкуренты, то есть такие же политики и политические партии, можно уверенно утверждать, что компромат стал наиболее мощной избирательной технологией, которая активно обсуждается и критикуется в отечественной политической науке.

Надо отметить, что критика технологизации партийного участия в электоральных процедурах исходит из двух, подчас, взаимоисключающих посылок. Первая состоит в том, что политические технологии заменили содержательную политическую дискуссию, запутывают избирателя, манипулируют его сознанием. Преодоление негативных эффектов должно быть связано с «возвращением» политики на смену политтехнологиям. Вторая посылка диаметрально противоположна: проблемы российской политики и политических партий состоят в некачественном использовании

---

²⁰⁸ Федорова С.А. Компрометирующие материалы как средство политической борьбы. Автореферат дисс... канд. полит. н. Саратов, 2009. С. 8.

²⁰⁹ См.: Там же. С.12.

политических технологий. Выход видится в том, чтобы «научить» партии более качественному применению технологического инструментария. Показательно в этом отношении высказывание М.А. Семеновой, что «заблаговременно и обоснованно продуманные стратегические модели проведения избирательных кампаний позволяют политическим партиям добиваться на федеральных выборах успехов. Неправильная оценка партией расстановки сил на электоральном поле и допущение ошибок при подготовке избирательной стратегии ведут к отрицательному результату»²¹⁰. При этом сторонники политтехнологической версии отрицают определяющее влияние административного ресурса на исход выборов: «...Однако их результаты («Единой России» и «Справедливой России») определил вовсе не административный ресурс, а успешные идейно-организационные стратегии партий «Единой России» и «Справедливой России», подготовленные и реализованные организаторами и партийными функционерами – на фоне беспомощных и малосодержательных стратегий других конкурентов, которые покорно играли отведенные им властью роли»²¹¹. Аналогично, придерживающиеся административной точки зрения политологи, говорят о вторичности всех политических технологий, свойственных для конкурентных демократий, в условиях современной политической ситуации в нашей стране.

По нашему мнению, абсолютизация и одной, и другой трактовки ошибочна. Административный ресурс и грамотное использование политических технологий взаимно дополняют друг друга и, более того, только такой «симбиоз» обеспечивает политическим партиям и партийным кандидатам успех на выборах. Поэтому отрывать их друг от друга нецелесообразно как с практической, так и с теоретико-методологической

---

²¹⁰ Семенова М.А. Проблемы формирования партийных стратегий избирательных кампаний в парламент Российской Федерации (1999, 2003, 2007 годы) // Социальная политика и социология. 2010. №2. С.68.

²¹¹ Там же. С.78.

точек зрения. Соответственно, и критика технологизации партийного участия в электоральных процедурах должна основываться, как нам представляется, на «увлечении», «перекосе» одной из двух составляющих. Негативные эффекты как раз и возникают, когда происходит бесконтрольное использование административных возможностей, которые перекрывают доступ конкурентам на политический рынок. Либо, когда партии излишне уповают на маркетинговые и PR-технологии вне привязки к конкретным политическим реалиям страны или какого-либо региона.

Одной из таких особенностей текущей политической ситуации, которые не всегда учитываются, является отношение масс к политике. В различные периоды истории люди испытывают тягу к политике или отвращение к ней. Могут иметь место политизация или деполитизация населения. Соответственно, политические технологии, которые применяют политические партии и отдельные кандидаты должны быть встроенными в конкретный социально-политический контекст. В связи с этим, справедливо указывается на ограниченный «срок годности» политтехнологий. И с каждым разом придумывать взамен старым новые ходы и решения становится все сложнее и сложнее²¹². Поэтому политические партии и их аналитики поставлены перед необходимостью таким образом трансформировать свои программные документы, чтобы актуализировать, вводить в повестку дня, фактически, неполитические темы и сюжеты²¹³.

Деполитизация партийных программ приводит к росту социальности политических партий, делает их более близкими к каждодневным проблемам и чаяниям народа, создает ощущение не политического популизма, а решение реальных задач. Концентрированным выражением такого подхода

---

²¹² См.: *Нефедова Н.С.* Особенности, сходства и различия выборных технологий России и Германии // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Серия Социология, Политология, вып.3. С.30.

²¹³ См.: *Данилов М.В.* «Неполитическая» повестка дня в программах российских партий: проблемы интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. №5. С. 48-60.

можно считать один из лозунгов «Единой России», который активно применялся партией в середине и конце 2000-х годов: «Верьте только делам!». И надо сказать, что он пользовался популярностью у электората, поскольку сопровождал различные реальные проекты: ремонт дорог, строительство спортсооружений и корпусов учебных заведений, покупку дорогостоящей техники и оборудования для социальных или медицинских нужд и т.д. Естественно, что при таком подходе оппозиция, лишенная доступа к распределению бюджетных средств, лишалась шансов на успех. Она лишь вполне справедливо, на наш взгляд, критиковала партию власти за использование таких технологий, считая их нечестными, так как бюджетные средства не должны отождествляться с партийной кассой, а трата денег из государственного или регионального бюджета не может считаться чисто партийным проектом.

Однако здесь, как нам представляется, упущена, по крайней мере, политической наукой, еще одна линия возможной критики. Подход к использованию предвыборных политических технологий, выбранный «Единой Россией», лишает возможности обсуждения в ходе парламентских выборов вопросов стратегического плана политического развития страны. В результате российские партии как бы исключаются из списка субъектов, по-настоящему определяющих политическое будущее, благодаря деполитизированным технологиям они превращаются во вспомогательный инструмент политики, творимой административными элитами. Персонафикация российской политики и избирательного процесса в ущерб партийности приводит к ослаблению и без того плохо развитой институциональной среды.

Особым направлением критики технологизации электорального участия российских партий является обсуждение технологичности в материальном, а не гуманитарном смысле слова. Речь идет о возможностях, последствиях и перспективах использования партиями таких

информационно-коммуникационных средств, как государственной автоматизированной системы «Выборы», влиянии на результаты голосования различных технических средств (комплексов обработки избирательных бюллетеней, комплексов электронного голосования), присутствия в интернет-среде.

Критика ГАС «Выборы», которая действительно является уникальной по своему масштабу и выполняемым задачам²¹⁴, началась практически сразу же после ее запуска в эксплуатацию. Критические замечания имели разный масштаб: от конспирологического для технического. Ряд наблюдателей считает, что система открывает практически неограниченные возможности для фальсификации результатов избирательных кампаний²¹⁵, другие видят лишь отдельные недостатки в организации работы ГАС²¹⁶. Но и в том, и другом случае аналитики исходят из понимания того, что тот, кто контролирует информацию, может ею манипулировать в своих интересах. А поскольку «Единая Россия» сохраняет за собой статус партии власти, то оппоненты априорно подозревают ее в махинациях.

С развитием сети интернет, расширением доступа к нему, ростом числа людей, черпающих там основную политическую информацию, политическая наука вынуждена реагировать и на характер присутствия партий в виртуальном пространстве. Информационно-коммуникационные технологии значительно расширяют возможности политического рекрутинга для партий. С их помощью партии ищут новых сторонников и доносят до общества свою

---

²¹⁴ См.: Палютенкова Ю.М., Чернышова Т.М. Информационно-коммуникационные технологии в избирательном процессе России // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2006. Т.4. №1. С. 204-224.

²¹⁵ См., например: Тихомиров А. ГАС «Фальсификация». Возможные «сбои» в системе ГАС «Выборы» существенным образом скажутся на распределении мест в нижней палате парламента // http://www.compromat.ru/page_14091.htm. Просмотр от 13.08.2013.

²¹⁶ См.: Комитет Кудрина начал аналитическую деятельность с критики выборов // <http://polit.ru/news/2012/08/16/kkudrin/> Просмотр от 13.08.2013.

позицию по важным вопросам²¹⁷. Вместе с тем увлечение виртуальным пространством способно серьезно оторвать партии от реальности. Может возникнуть существенный переко́с между представленностью партии в политическом сегменте рунета и реальной политической влиятельностью. Так происходит с несистемной российской оппозицией. Имея мощное присутствие в сети, она практически не может найти своей опоры вне ее.

В целом, использование политическими партиями тех или иных технологий электоральной борьбы всецело зависит от существующих условий. Эти условия могут носить неформальный характер, определяться политическими традициями, особенностями политической культуры общества, текущей конъюнктурой. В таком случае задача партии состоит в том, чтобы наилучшим образом «оседлать» общественные настроения, представить себя выразителем интересов больших социальных групп. В то же время, условия применения избирательных технологий определяются и формальными основаниями политической деятельности. По отношению к партиям это Закон «О политических партиях» и целый комплекс нормативных актов о выборах. Они задают те рамки, в которых политтехнологии должны проявить себя. Однако сами эти формальные установления рожают новые, совершенно уникальные виды политических технологий.

Так, в законе «О политических партиях» несколько раз менялись требования к минимально необходимой численности организации. Изначально была закреплена норма (ст.3, п.2), что ей необходимо иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской

---

²¹⁷ См.: *Акопов Г.Л.* Основные проблемы новой сетевой политики политических партий и общественных организаций // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=241&level1=main&level2=articles>. Просмотр 13.08.2013; *Акопов Г.Л.* Партийные элиты в виртуальном противоборстве // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=269&level1=main&level2=articles>. Просмотр 13.08.2013; *Алексеев Ю.М.* Особенности политической интернет-коммуникации: региональный аспект. Автореферат дисс....канд.полит.н. Саратов. 2010.

Федерации, а ее численность должна составлять не менее пятидесяти тысяч человек. Это обозначило появление соответствующих технологий: одна была направлена на «подгонку» числа членов до нужного количества, другая – на наиболее оптимальное объединение с близкими по идейному спектру структурами. В 2010 году минимально необходимая численность членов снизилась до сорока тысяч. К этому времени осталось всего семь партий в российской политике, одна из которых была доминирующей («Единая Россия»), еще три – парламентскими (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), а другие три – играли роль политических статистов («Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело»). Политические технологии были глобально нацелены на сохранение сложившегося статус-кво. После того как в конце 2011 – начале 2012 года по стране прокатилась волна протестов в связи с неумеренным применением административного ресурса в пользу партии власти, нормативная численность партии со 2 апреля 2012 года была снижена до исторически минимального уровня – 500 человек. Естественно, что такое решение вызвало к жизни волну образования новых партий.

Активизировались политические технологи, предлагающие создание новых партий с соответствующей региональной сетью «под ключ». Политическая наука в полной мере пока не успела отрефлексировать новое явление. Гораздо более активно в обсуждение складывающейся практики включились политические журналисты и публицисты. Причем обсуждение идет с явно выраженным критическим оттенком.

По сообщениям прессы наибольшую активность в этом направлении проявил лидер Демократической партии России и один из кандидатов на президентский пост 2008 года Андрей Богданов. В интервью газете «Московский комсомолец» он говорил следующее: «Мы строим партии, как строится дом. Мы еще не знаем, кто в нем будет жить. А когда дом построен - начинаем продавать квартиры под ремонт. В этом «многоквартирном доме» одна «квартира»и - один регион. Вот ожидаются в каком-то регионе

выборы - и находятся желающие занять «квартиру», создать региональное отделение, чтобы выдвинуться от него в депутаты. И вот сейчас, когда началась подготовка к сентябрьским выборам, к нам буквально каждый день приезжают люди из регионов, где пройдут кампании. Говорят: покажите, какие у вас партии. Мы даем прайс, и люди выбирают себе партию, подходящую под взгляды. Кто коммунист, кто социалист, кто демократ, кто консерватор... Для каждой ниши, для каждого мироощущения у нас что-то есть. Мы говорим: вот социал-демократическая партия, вот народная партия, есть зеленая партия, есть КПСС - выбирайте! Мы переговорим с председателем партии, у нас очень хорошие отношения, он поможет вам создать региональное отделение - так мы заполняем очередную квартиру в этом доме»²¹⁸.

Отношение к подобного рода деятельности явно негативное. И если политические наблюдатели лишь констатируют сущность «партий-фейков»²¹⁹, то журналисты не стесняются говорить о порочности такой практики. Наметились и основные направления критического анализа нового вида технологизации партийного участия в выборах. К ним можно отнести полную деградацию идеологической составляющей новых партий, продажность политиков, прямой обман избирателя. По нашему мнению, политологии еще предстоит дать свои ответы на те вопросы, которая ставит жизнь. Критическое направление, вызванное технологизацией участия партий в избирательных кампаниях, является развивающейся и пока только лишь формирующейся тематикой политологических исследований. У данной предметной области большие перспективы, которые, без сомнения, будут

---

²¹⁸ См.: Как можно заработать на новом законе о политических партиях и сколько стоит создание партии // МК. 05.02.2013. №276.

²¹⁹ Так, по мнению В.Третьякова «Большое количество разных партий выгодно власти. Если партий мало, они все могут собраться в одну оппозиционную и усилятся настолько, что свалят партию власти. Но возлагать на эти 70 новых партий какую-то политическую миссию абсолютно бессмысленно. Народ в них массово записываться не будет, что мы и видим». См.: *Кривякина Е.* Генералы в отставке занялись созданием партий // Комсомольская правда. 25.06.2013.

расширяться по мере накопления опыта проведения избирательных кампаний, расширения эмпирической базы исследования и формирования методологических основ оценки российской многопартийности.

Таким образом, на основании материалов, изложенных в данной главе можно сделать ряд выводов.

1. Объективный политологический анализ состояния научной рефлексии электоральной функциональности российских партий предполагает основательный разбор критических направлений политических исследований. Амбивалентная сущность российской партологии, когда партии ругают за их дисфункциональность, но при этом возлагают на них большие надежды в деле построения демократического общества, создает более-менее объективную картину реальности. При этом, нередко, в одних и тех же работах мы видим оба начала: и апологетическое, и критическое, так как критика чаще всего является продолжением апологетики и следствием ее столкновения с политической практикой.

2. Критика электоральной функциональности партий исходит из наделения их свойствами симулякра. Симулякры, «изображая» реальность вводят в заблуждение массового избирателя. Обыватель склонен верить, что партии наделены реальной политической субъектностью, хотя таковой они, по мнению ряда ученых, не обладают. Сторонники имитационно-критического направления подвергают обструкции позиции тех своих коллег-политологов, публицистов, журналистов и политиков за склонность придерживаться позиции, согласно которой копирование отдельных частей системы может привести к воспроизводству на российской почве сущности западной демократии.

3. Достаточно четко можно выделить основные элементы имитации электоральной функциональности партий, которые критикуются учеными. К ним относится создание иллюзии массовости партии, в результате чего организации, незаметные в повседневной жизни, вдруг насчитывают десятки

тысяч членов. Кроме того, имитируются идеологические разногласия партий, тогда как на самом деле российское партийное поле на редкость безыдейно. При этом идеологические номинации являются настолько условными, что ни партийное руководство, ни избиратели не придают им серьезного значения. Наконец, самым активным образом подвергаются имитации связи партий с различными социальными группами. Каждая серьезная организация стремится обеспечить вокруг себя круг аффилированных структур гражданского общества с целью будущей электоральной поддержки со стороны соответствующих социальных групп. Эти аспекты в последние годы все чаще стали попадать в политологический фокус и можно надеяться, что благодаря научному анализу ситуация будет выправляться.

4. Если анализ имитационного компонента электорального участия партий в отечественной политологии априорно носит критический характер, имитация интерпретируется не иначе как слабость и неразвитость наших институтов, то обсуждение «технологизации» не так однозначно. Подавляющее большинство работ, в которых идет речь о применении партиями тех или иных технологий на выборах, избегают оценок самого явления «технологизации». Считается само собой разумеющимся, что политики используют определенные приемы для получения симпатий избирателей, это просто данность. Исследованию подвергается лишь содержание этих технологий и степень эффективности их применения.

5. Критика «технологизации» электорального участия политических партий в значительной степени эмоционально окрашена и носит ценностный характер. Манипуляции массовым сознанием, создание образов того, чего нет на самом деле, политическое «притворство» и игра на публику – основные претензии к политическим технологиям, которые используются партиями. В связи с этим, политологи достаточно часто используют категории морали при обсуждении избирательных кампаний. Модус

моральности прослеживается и в менеджериальном, и в маркетинговом подходе к политическим технологиям.

6. Однозначно осуждаемой политической технологией, которая находит свое широкое применение в электоральной борьбе, является применение административного ресурса. Дискуссии здесь строятся не по принципу «хорошая» или «плохая» это технология, а по принципу применялся данный ресурс или нет. Отечественные политологи все активнее стали вести речь о том, что избыточное увлечение технологиями способно привести к выхолащиванию сути политических партий, в частности, и политической деятельности, вообще. В качестве наиболее яркого примера такого рода можно назвать наметившуюся практику продажи партий и региональных отделений «под ключ» в преддверии тех или иных выборов, что стало возможным в связи с либерализацией партийного законодательства в 2012 году.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование состояния научной освоенности проблемы функциональности современных политических партий политологическими исследованиями постсоветского времени показало наличие ряда тенденций, важных для оценки общей перспективы развития политологических исследований в нашей стране и для прогнозирования перспективных направлений научной работы в этом сегменте политической науки.

Сегодня, вероятно, начинается новый этап в изучении политической субъектности партий, признаком чего можно считать гораздо большее, чем прежде внимание специалистов к тому, как соотносятся между собой фактическая функциональность партий в политическом процессе, нормативная сторона такого их участия, культурные детерминанты приверженности граждан партийному формату современной демократической политики, и те требования к такой функциональности, которые заложены в партийных стратегиях и тактиках, воплощаются в разного рода электоральных технологиях и идеологическом творчестве.

Исследование, тем не менее, выявило определенный момент инерции в представлениях отечественных специалистов о том, каковы должны быть методологические позиции научного анализа реальной функциональности современных партий и возникающих дисфункций в их политической активности. По-прежнему для исследователей ключевым методологическим ориентиром служат классические, преимущественно зарубежные по происхождению, теории, которые рассматривают политическую партию в качестве субъекта, действующего в условиях нарастания гражданской активности, укрепления связей и взаимопонимания между элитой и рядовым электоратом, прогрессирования нормативных основ политики и наличия у

этой политики четких и оптимистичных целей. То есть, имеет место ориентация на теории, которые исходят из самого оптимистического сценария прогрессирования либерально-демократических систем, из предположения, что для таких систем по определению невозможна утрата или трансформация каких-то базовых основ функционирования, например, за счет трансформаций в условиях и проявлениях функциональности массовых партий.

Реалии современного глобализующегося мира побуждают к сомнениям относительно методологической рациональности такого оптимизма. В общем плане, можно сказать, что при определении своих методологических приоритетов исследователи недостаточно внимательны к тем вызовам и рискам, которые сегодня обуславливают функционирование партий в социально-политических системах, которые втянуты в модернизационные процессы, вынуждены сверять свой многовековой политический опыт с вызовами глобализации.

Современная наука пока недостаточно, но все же заметно начинает работать над проблемой такого уточнения представлений о партогенезе, оптимальном структурировании пространства активности политических партий, о логике выстраивания связей между партиями и государственными институтами, партиями и электоратом, каковое уточнение могло бы существенно понизить градус противоречий в методологических подходах, в структурировании предметного поля исследований и вывести науку на понимание того, насколько изменились партии как субъекты политики за последнее столетие и в каком направлении они меняются сегодня.

Анализ показал, что ключевая причина партийной дисфункциональности состоит в том, что важнейшие классические функции политических партий не могут быть реализованы в силу их слабой роли в политической системе постсоветской России. Обусловлено это конституционно закрепленным гипертрофированным статусом Президента

Российской Федерации. В результате сформировался институциональный дизайн, в рамках которого политические партии не могут нести полноценной и всеобъемлющей ответственности за свои предвыборные обещания. Стратегию общественно-политического и социально-экономического развития страны, характер и способы ее реализации определяет президент, выборы которого еще ни разу в постсоветской истории не определялись его партийной принадлежностью.

С этим же связана и еще одна дисфункция политических партий - это отсутствие реального института конкуренции власти и оппозиции. Речь идет о том, что в постсоветской России ни разу не была осуществлена смена политического курса на основе прихода к власти политической партии (или блока партий), которая заявляла о себе как оппозиции к правящему режиму. Дело не только в том, что слаба и разрознена была оппозиция в своем партийно-идеологическом спектре, а в том, что конституционный политико-правовой дизайн изначально не был ориентирован на изменение курса в случае победы оппозиционной партии (партий). Стратегия и тактика общественного развития изначально были завязаны на статус, полномочия и функциональность Президента Российской Федерации, которые никак не были обусловлены его партийной принадлежностью.

Исследование выявило наиболее важный, как представляется, для развития отечественной партологии научный предмет, в качестве которого выступают политико-технологические противоречия в функциональности российских политических партий. Современная отечественная наука, вслед за зарубежной классикой прошлого столетия, несколько идеализирует как сами условия существования партии в политической системе, так и логику ее взаимоотношений с гражданским обществом и правовым государством. В теории нередко все предстает таким образом, что есть идеальная модель функционирования партии в демократической системе, а есть досадные аномалии ее политического участия, деформации функциональности,

которые подлежат устранению. Но что, если в современных условиях такие аномалии и дисфункции обнаруживаются все чаще и, в конце концов, именно они начинают определять главную логику субъектности современной партии? Тогда получается, что именно они, а не поиски соответствия идеальным моделям, должны становиться главным предметом партологического исследования.

Такая идеализация побуждает исследователей избыточно много внимания сосредоточивать на чисто нормативных аспектах функциональности партий в ущерб анализу тех реальных состояний общественного и элитарного сознаний, трансформаций общественных и государственных практик, которые заставляют партии действовать в политике «по-другому», нередко вопреки правовой детерминации. Современная наука фиксирует «раздвоение личности» современных партий, когда они (на уровне сознания партийных элит) с трудом делают выбор между своей принадлежностью к гражданскому обществу и к правовому государству.

Если говорить о России, то здесь эта раздвоенность особенно заметна в том, как партии от одного электорального цикла к другому мечутся между соблазном оживить свою политическую субъектность посредством приобщения к пресловутому «административному ресурсу» государственных институтов, к ресурсу государственных традиций и даже к государственной казне, и, с другой стороны, пониманием, что без мобилизации и удержания под своим влиянием масс электората сами по себе они, партии, правовому государству не слишком нужны, без электората они становятся, перефразируя известное высказывание В.И. Ульянова–Ленина в адрес российских земств второй половины XIX столетия, «пятым колесом в телеге» российской государственности.

Эти метания политических партий в поисках своей идеологической идентичности, в поисках средств достучаться до массового сознания и

манипулировать им, достучаться до сознания государственной элиты и достичь с ней стратегического консенсуса, все это также представляется перспективным научным предметом, посредством освоения которого наука может выйти, наконец, на тот ответ, который она ищет в последние десятилетия: почему формально партии в нашем российском политическом процессе есть, но принципиальные изменения в качестве и динамике этого процесса от их активности настолько малозаметны, что государство в очередной раз в нашей отечественной истории берет на себя функцию главного двигателя модернизации, включая модернизацию политическую, создание гражданского общества, чем, по логике вещей, следовало бы заниматься партиям.

Проведенное исследование выявило тенденцию к некоторому снижению влияния на позиции исследователей идеологических установок. Это проявляется в определенном равновесии критики и апологетики в исследованиях партийных систем. Если принять во внимание то, что в предшествующие годы апологетическая тенденция, связанная с восхвалением принципов, форм и норм функциональности партии в либеральной системе в сравнении с ее функциональностью в системе советской, явно преобладала, то сегодня более взвешенные исследовательские оценки также, на наш взгляд, являются симптомом движения партологических исследований к новому качеству.

Соотношение происходящего в реальной политике и того, как происходящее видят исследователи, таково, что можно предположить два возможных объяснения причин такой «деидеологизации» партологических исследований.

Возможно, это происходит вследствие повышенной концентрации исследовательского внимания именно на технологических аспектах проблемы партийной функциональности. Политические технологии имеют свойство клонироваться в политических процессах вне прямой зависимости

от свойств политической системы и даже не всегда в прямой зависимости от свойств политического режима. Для них идеологическая окраска важна, но не принципиальна. Она играет существенную роль, если посредством разного рода средств и приемов борьбы партии за влияние на электорат привязана к другим основам стратегии и тактики политической партии, каковыми являются ее ресурсная обеспеченность, обеспеченность кадрами, обеспеченность правовым ресурсом политического влияния. Здесь достаточно широкий спектр предметов, на которые естественным образом может переключаться внимание исследователя и оно переключается.

Второе возможное объяснение заключается в том, что у современных исследователей гораздо меньше, чем у их предшественников проявляется увлеченность либеральными подходами к изучению специфики российской реальной политики. В целом, в современных политологических исследованиях отчетливее обнаруживается понимание исследователями того, что не идеальна не только политическая реальность, не идеальны и сами политические теории в смысле свойств тех идеалов, партийной функциональности, в частности, которые они конструируют. Как представляется, это важный симптом вступления отечественной науки в новую фазу своего развития.

Вместе с тем, имеет место и другая тенденция. Снижение градуса идеологичности исследований партийной функциональности ведет к фактографичности исследовательских программ, к минимизации научной прогностичности этих исследований и усилению прогностичности публицистической, отталкивающейся от собственного, часто очень субъективного понимания исследователями «интересов строительства гражданского общества» и «интересов строительства правового государства».

Недостаточно осмысленным исследователями остается тот факт, что современные партийные идеологии по своему качеству и своей

функциональности заметно смещаются из области рациональных мотиваций политического участия граждан в область манипулятивных технологий. Партийные технологии мобилизации также не предусматривают последовательной разъяснительной работы с принципиально недоверчивым и пассивным электоратом, а политическая наука продолжает рассматривать такую дистанцированность современных партий от реалий политической жизни как естественное состояние.

Новой тенденцией является сосредоточение внимания исследователей на анализе причин, смыслов и последствий имитационных стратегий и тактик партийного участия в политике. Это, как представляется, тоже, в какой-то мере, результат «прозрения» отечественной партологии относительно ключевых принципов либеральной политической системности и функциональности. Если в первые постсоветские годы исследователи часто списывали неудачи партийной функциональности на неразвитость гражданского самосознания российского электората, то сейчас исследователи больше внимания уделяют тому обстоятельству, что электорат во многих случаях вполне адекватно реагирует на попытки политических партий имитировать идеологическую активность, имитировать обновление рядов партийной элиты, имитировать приоритетную заинтересованность этой элиты в продвижении в политику общественных ценностей и традиций.

Можно констатировать, что в оценке практической активности современных партий наука сегодня проявляет больше стремления встать на сторону электората, чем на сторону партийных элит. Это, как представляется, закономерная реакция исследовательского сообщества на нарастание значения имитационных стратегий и тактик в политике вообще, которое ставит перед обществом и исследователями принципиальный вопрос о смысле современной демократической политики, о продуктивности либеральных идей и ценностей как таковой. В этом смысле, указанное направление исследовательской работы по изучению не только партийной

функциональности, а всей системы демократической политики, представляется важным и продуктивным.

Список использованных источников и литературы

Нормативные документы:

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://constitution.kremlin.ru/> (Дата обращения 06.01. 2014 г.)

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ "Об общественных объединениях" // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 2950.

Федеральный закон от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ" // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406;

Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ "О выборах Президента РФ" // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1924;

Федеральный закон от 21 июня 1995 г. № 90-ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // СЗ РФ. 1995. № 26. Ст. 2398. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67 - ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»// URL: Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076507>

Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // URL: Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102079674

Федеральный закон от 22 февраля 2014г. № 20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» В редакции Федерального закона от 24.11.2014 г. N 355-ФЗ) // URL: Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102171479

Федеральный закон «О политических партиях» от 01.12.2012 N 211-ФЗ) // URL: Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133799> (Дата обращения 1.02. 2013)

Научные монографии и статьи

Авдонин В.С. Партийная реформа и российский контекст // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.4.

Акопов Г.Л. Основные проблемы новой сетевой политики политических партий и общественных организаций // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=241&level1=main&level2=articles>. Просмотр 13.08.2013;

Акопов Г.Л. Партийные элиты в виртуальном противоборстве // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=269&level1=main&level2=articles>. Просмотр 13.08.2013;

Александрова Ю.А. Постмодерн политической власти: пространство симулякров и деконструкции // Вестник ПАГС. 2012 №6.

Алкер Х.Р. Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999;

Андреев И.В. Возникновение партологии: проблема приоритета // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006.

Анохина Н.В., Малинова О.Ю. и др. Идеологическое структурирование российского партийного спектра // Политическая экспертиза. 2007. № 1. С. 48–63.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Идеологическое структурирование российского партийного спектра // Политическая экспертиза. 2007. № 1. С. 48–63.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Эволюция партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. // Полис. 2008. № 2. С. 105-121.

Ануфриева А.А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса России // Власть. 2010. №12. С. 33.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. . Перевод с французского Г.И. Семенова. М.: Текст. 1993.

Ашкеров А.Ю., Бударигин М.А., Гараджа Н.В., Данилов В.Н. Основы теории политических партий. М.: Изд-во: Европа. 2007.

Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2005.

Брусиловская О.А. Электоральная политика партий в период избирательных кампаний 90-х гг. XX в. (Историография проблемы) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2009. № 3. 2009. С. 110-122.

Бузин А. Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М., 2007.

Бузин А.Ю., Любарев А.Е. Преступление без наказания. Административные технологии федеральных выборов 2007-2008 годов. М., 2008.

Бусыгина И.М. Политические партии и федерализм в России: Характер взаимоотношений // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.76.

Бызов Л.Г. Политические и мировоззренческие ценности Россиян и трансформация партийно-политической системы России // Мониторинг общественного мнения. 2008. №3(87).

Бычков С. В России построят суверенную теократию // Московский комсомолец. 2007. 12 сентября.

Бьюэлл Э. Архаичны, но адаптивны. О политических партиях США. (Сверяясь с «классическими» оценками) // Полис. 1993. №1.

Вепрева И. Т. Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. Екатеринбург. 2006. Вып. 3.

Вилков А.А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С. Семененко (отв. редактор), Л.А. Фадеева (отв. ред) и др. М.: ИМЭМО РАН. 2011. С. 157-162.

Вилков А.А. Аграрные идеологемы и мифологемы российских либерально-демократических партий и их интерпретация в регионах// Современное Поволжье. Региональное развитие в ситуации социокультурного пограничья: Материалы междунар. науч. конф. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1999. С. 105-112.

Вилков А.А. Трансформация многопартийности под воздействием избирательного процесса // Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006.

Вилков А.А. Трансформация партий в регионах и перспективы укрепления демократии в современной России (на примере Саратовской области) // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 4 (25). С. 117-125.

Вилков А.А., Николаева А.А. Российский менталитет и перспективы социал-демократии и левоцентризма в политической жизни России. Саратов, 2009.

Воржецов А.Г. Определяющая роль доктринальных партий в становлении демократических институтов современного российского государства // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006.

Галкин А.А. Партийные системы на Западе и в России: проблемы и перспективы. М., 2002.

Галлай А. Опрос «Левада-центра»: «Единая Россия» — марионеточная структура // Ведомости. 9 июля 2013 г.

Гельман В.Я. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. №6. С.6-18.

Гельман В.Я. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа// Выборы и партии в регионах России. М.-СПб., 2000.

Гельман В.Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. 2006. №1. С. 46-58.

Голосов Г.В. Первый электоральный цикл в России(1993 - 1996) под ред. Гельман В., Голосов Г., Мелешкина Е. М., 2000;

Гудков Д.С. Партийная система и гражданское общество // Обозреватель. 2011. №8.

Гусейнов Г. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М. 2003;

Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010;

Данилов М.В. «Неполитическая» повестка дня в программах российских партий: проблемы интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. №5. С. 48-60.

Данилов М.В. Партии как агент политических инноваций // Политическая и правовая жизнь изменяющейся России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007.

Деметрадзе М. Р. Политико-правовые аспекты гражданского неповиновения как способ обеспечения правовой ответственности государства перед обществом // URL: Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Demetr_pol-prav.pdf (Дата обращения 31.01. 2013)

Денисов С.А. Имитация конституционного строя // Российский юридический журнал. 2009. №2.

Деулина О.Ю. Сравнительный анализ картины мира политических партий РФ (на примере региональных и агитационных материалов политических кампаний) // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.129;

Джанда К. Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология. М.,1997

Джексон Дж. Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. М., 1999;

Долгов В.М., Долгова Г.Н. Социально-экономические факторы российской многопартийности (особенности проявления) // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.98.

Долгов В.М., Долгова Г.Н. Полтора века российского обществознания (Середина XIX- начало XXI века). Саратов, 2011.

Дюверже М. Политические партии. Пер. с франц. М.: Академический проект. 2000.

Егоров В., Морозов А. Особенности современного российского партотгенеза // Власть. 2012.№9.

Единая Россия. Партийные проекты. <http://er.ru/party/projects/>

Жирнов А.Г., Санжаревский И.И. Политические механизмы согласования общественных интересов в политическом процессе современной России: монография Тамбов: изд-во «ООО «Юлис». 2008. 150 с.

Жирнов А.Г., Санжаревский И.И. Политические механизмы согласования общественных интересов в политическом процессе современной России: монография Тамбов: изд-во «ООО «Юлис». 2008. 150 с.

Заславский С.Е. Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003.

- Заславский С.Е., Зотова З.М. Организационно-правовые основы участия политических партий в выборах. М: РЦОИТ, 2007. – 240с.
- Зимин В.А. Политические партии – важнейший элемент политической системы // Теория и практика общественного развития.. Краснодар, 2012. № 12. С. 408–411
- Зимин В.А., Морозова Г.А. Партии – субъекты и носители политической культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 111-113.
- Зотова З.М. Предвыборная программа – основной ресурс избирательной кампании. М., 2001.
- Иванов В. Партия Путина: История «Единой России». М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
- Иванова М.В. Региональные отделения малых политических партий современной России: опыт классификации // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006.
- Избирательный процесс и партии в российских регионах//Люхтерхандт-Михайлева Г., Рыженкова С. Выборы и партии в регионах России. Москва. Санкт-Петербург, 2000;
- Ирхин Ю. В. Национальная идея России и идеология «План Путина» // Россия и современный мир. 2008. № 2.
- Исаков А., Олейник А. Оппозиция и власть // Обозреватель-Observer. 2009. № 11. С. 6-16.
- Исимбекова З.А. Эффективность условий и факторов формирования партийных технологий электоральной конкуренции // Вестник ПАГС. 2012. №33. С.42-48.
- Каблуков Е. В. Идеологемы «инновация» и «нано» в современном оссийском медиадискурсе <http://journ.usu.ru/index.php/component/content/article/420>
- Как можно заработать на новом законе о политических партиях и сколько стоит создание партии // МК. 05.02.2013. №276.
- Каринцев О.И. Межфракционная конкуренция в лево-правоцентристских партиях новых членов Евросоюза: сравнительный анализ // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М., «КМК», 2010. С. 38-64.
- Каринцев О.И. Организационная эффективность политических партий: к концептуальной модели для сравнительного анализа // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.199.
- Каринцев О.И. Политические партии с точки зрения теории рационального выбора: сравнительный анализ 150 партий в 27 европейских странах // VI Всероссийский конгресс политологов. Материалы. М., 2012.
- Каринцев О.И. Проблема создания теории политической партии: история, современное состояние, перспективы // Политическая социология. М., 2008.
- Карпенко О.М., Ламанов И.А. Сравнительный анализ программных документов политических партий России. М., 2008.
- Кемени Дж., Снелл Дж. Кибернетическое моделирование. М., 1972;
- Киселев К.В. Партийное проектирование в современной России: роль идеологии. <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1627/495/> Просмотр от 22.03.11
- Кисовская Н. Г. Российские партии и западная модель//Полития. № 1(15). Весна 2000;
- Кисовская Н.К. Партии и перспективы демократизации в России // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001.
- Князев С. Конституционно-правовой баланс свободных выборов и свободы деятельности политических партий // Журнал о выборах. 2010. № 1. С. 11.
- Комитет Кудрина начал аналитическую деятельность с критики выборов // <http://polit.ru/news/2012/08/16/kkudrin/> Просмотр от 13.08.2013.

Конеген Н., Шуберт Н. Введение // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. М., 2004. С. X.

Коргунюк Ю., Заславский С. Некоторые теоретические и методологические аспекты изучения российской многопартийности.- М., 2004;

Коргунюк Ю.Г. Модель Липсета-Роккана и современные реалии: Российский случай // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.223.

Коргунюк Ю.Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.: ИНИОН, 2009;

Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд «ИНДЕМ», 2007.

Кривякина Е. Генералы в отставке занялись созданием партий // Комсомольская правда. 25.06.2013.

Кудинов О.П. Большая книга выборов. М., 2003;

Кузнецова О. Роль правовых позиций Конституционного Суда РФ в реализации принципа равного пассивного избирательного права граждан России // Власть. 2012. № 2. С. 113-117.

Кулик А. Посттоталитарные партии в политическом процессе: методология исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1994. №2.

Кулик А.Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешкина Е.Ю., Михалева Г.М. (ред.) Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. – М.:ИНИОН РАН, 2009

Кулик А.Н. Эволюция российской многопартийности: от Ельцина к Путину, что дальше? // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.241.

Курмелева Е.М., Мещерякова Л.Ю. Симулякр и общество в современной социальной теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2006. №2.

Кынев А. Особенности межпартийной борьбы в российских регионах: борьба групп влияния и имитация партийности // <http://www.memo.ru/2009/12/12/kynev.htm>. Просмотр от 13.07.2013.

Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011;

Лаврентьев С. Постдемократический синдром политических партий в России // Власть. 2011. №12.

Магомедов А.К. Мистерия регионализма Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания "снизу" (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья) М. : Моск. обществ. науч. фонд. 2000

Макгроу К. Политическая методология: планирование исследований и экспериментальные методы // Политическая наука: новые направления. М., 1999;

Малинова О. Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. № 5. С. 97-106.

Малкин Е., Сучков Е. Основы избирательных технологий. М., 2002;

Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30).

Мангейм Д. Б., Рич Р. К. Политология: методы исследования. М., 1999;

Медведев Д. Россия, вперед!
http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года. // <http://kremlin.ru/transcripts/5979>. Просмотр 13 ноября 2009.

Мелешкина Е. Ю. Выборы 1999-2000 гг. сквозь призму предыдущего электорального цикла // Первый электоральный цикл в России (1993-1996). М., 2000.

Мелешкина Е.Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 135-161.

Митрахович С.П. Локализация идеологической и ценностной игры «игры» российских политических партий // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2009. №1/09.

Митрохина Т.Н., Баскакова Ю.М. Индексный анализ в сравнительной политологии // Современное общество: человек, власть, экономика. Материалы науч. конф. Саратов, 2002.

Михалева Г. М. Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М., «КМК», 2010. С. 75-96.

Михалева Г.М. Российские партии в контексте трансформации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009;

Морозов А. Ю. Избирательные технологии на Западе и в современной России / А.Ю. Морозов // Преподавание истории в школе. 2000. № 10.

Морозова Е. Г. Электоральный менеджмент. М., 2002.

Морозова О.С. Выборы в региональные законодательные собрания по пропорционально-мажоритарной системе и развитие партийной системы в регионах // IV Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2006. С.211.

Мункуева Т.А. Становление партийно-политической системы современной России // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.296.

Муслиенко К. К вопросу о классификации политических партий (опыт применения западных политических концептов к анализу российской партийной системы) // Власть. 2008. №12. С. 73.

Наумов С.Ю., Слонов Н.Н. Россия – суверенная цивилизация. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина. 2008. С. 124.

Нахимова Е. А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. №2(36).

Наша российская модель демократии называется "суверенной демократией" // <http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>

Недяк И.Л. Политический маркетинг. Основы теории. М., 2008. С. 228-229.

Нефедова Н.С. Особенности, сходства и различия выборных технологий России и Германии // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Серия Социология, Политология, вып.3. С.30.

Никифоров А.Ю. Реформа политической системы и политические партии // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.308;

Николаева-Чинарова А.П. Современная культура: управление как симулякр // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия, Психология, Педагогика. 2010. Вып.1.

Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб, 2003.

Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

Палютенкова Ю.М., Чернышова Т.М. Информационно-коммуникационные технологии в избирательном процессе России // PRO NUNC. Современные политические процессы. 2006. Т.4. №1. С. 204-224.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс. 1997.

Пляйс Я.А. Партии и партийные системы в современной России (Обзор диссертаций современных российских политологов) // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М. – Ростов н/Д., 2004.

Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.

Подъячев К.В. Политическая методология в контексте формирования «умной политики» // Вестник института социологии. 2011. №2. С.163-164.

Политическая наука: новые направления. М., 1999;

Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. –М., «КМК», 2010. 212 с.

Попова О.В. Политико-партийный ландшафт в новом электоральном цикле // Вестник СПбГУ. Сер.6. 2011. Вып. 3.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=123798>

Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. М.: Дело, 2002.

Пшизова С.Н. Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полис. 1998. № 4;

Пшизова С.Н. От подражания к имитации: партийное строительство на постсоветском пространстве // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии, М. – Ростов н/Д., 2004. С.97-107.

Рейджин Ч., Берг-Шлоссер Д, Ж. де Мер. Политическая методология: качественные методы // Политическая наука: новые направления. М., 1999;

Римский В.Л. Гражданский запрос и политический ответ: общество, партии и власти после Болотной // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. М., 2012.

Римский В.Л. Политические партии и стратегии нисходящего развития современной России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. М., «КМК», 2010. С. 118-133.

Римский В.Л. Универсальные и коррупционные нормы взаимодействий в российской политике // Полис. 2011. № 4. С.

Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. Отчет об установках и оценках электората по данным мониторинга опросов общественного мнения, проведенного Левада-центром в 2011 году. М., 2012.

Самарина А., Варшавчик С. Суверенную демократию – каждому. Эксперты считают использование идеологического новояза в партийных документах изобретением политического велосипеда // Независимая газета. 2006. 31 авг.;

Санжаревский И.И. «Сервисное государство» как особая политическая форма организации публичной власти и взаимодействия с гражданами // Политическая субъектность региональных социумов и элит: динамика, проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2014. С. 139 – 144.

Санжаревский И.И. К вопросу о концепциях и проблемах государственной политики и управления: механизмы политического управления и их приоритетность// Управление и общество: инновационное развитие региона. Материалы VIII Всерос. Научно-практ. конф. 25.04.2013. Тамбов: изд-во ИП Чеснокова А.В., 2013. С.63-65.

Санжаревский И.И. Политическое управление и пропорциональность института власти // Известия Саратовского государственного университета. Серия "Социология. Политология". Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 2013. Т.13. Выпуск 1. С. 75-81.

Санжаревский И.И. Пропорциональность в современных социально-политических отношениях (Монография). М: Изд-во: Директ-Медиа, 2014. 144 с

Санжаревский И.И., Проблемы трансформаций оппозиции в российском политическом процессе // *Ars administrandi*: Ежегодник. Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. С. 44-52. В соавторстве с Воробьевым А.А.,

Семенова М.А. Проблемы формирования партийных стратегий избирательных кампаний в парламент Российской Федерации (1999, 2003, 2007 годы) // *Социальная политика и социология*. 2010. №2.

Серавин А.И. Поиски творчества: Избирательные и предвыборные технологии на территории бывшего СССР. СПб, 2007;

Симонис Г., Беренс М., Эльберс Г. Изучение политической науки и техника учебной работы // *Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории*. М., 2004. С.14.

Сморгунов Л.В. Теоретические вопросы политического менеджмента // *Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии* / Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб, 1999.

Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // *Полис*. 2001. № 2. С. 5–23.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учеб. для студентов вузов. М, 2005.

Стенограмма заседания Научного совета ВЦИОМ «Итоги парламентских выборов (16.12.2011) // http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovets/ns_2011_12_Itoqi%20vyborov.pdf. Просмотр 29.05.2013.

Стронин А. И. Политика // *Антология мировой политической мысли: В 5 т. / Рук. проекта Г. Ю. Семигин. Политическая мысль в России. Вторая половина XIX-XX вв. М., 1997. Т. IV. С. 119*

Сурков В. Параграфы про суверенную демократию // «Эксперт» № 43 (537) 20 ноября 2006.

Таагапера Р., Шугарт М. Описание избирательных систем // *Современная сравнительная политология*. М., 1997;

Тев Д.Б. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПРФ, Справедливой России и ЛДПР // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2012. №1.

Теория политики: Учебное пособие. Под ред. Б. А. Исаева. СПб.: Питер, 2008.

Технологии избирательных кампаний. М.: ИКЦ МарТ. 2004;

Технологии политики. К 15-летию Центра политических технологий / Центр полит. технологий ; отв. ред. Б. И. Макаренко. - М. 2006;

Тимофеева В.И. Политические партии современной России как активный и профессиональный «носитель» и «производитель» политических идеологий: теоретические и практические аспекты // *Вестник московского университета. Сер.12. Политические науки*. - 2006. - №6. – С. 46-47.

Тихомиров А. ГАС «Фальсификация». Возможные «сбои» в системе ГАС «Выборы» существенным образом скажутся на распределении мест в нижней палате парламента // http://www.comproamat.ru/page_14091.htm. Просмотр от 13.08.2013.

Толпыгина О.А. Отражение базовых проблемных измерений в программах российских политических партий // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.415.

Толпыгина О.А. Трансформация идеологической функции современных российских политических партий // *Российская политика в условиях избирательного цикла 2011-2012 гг.: Сборник тезисов Ежегодной научной конференции РАПН*. - М.: РАПН, 2011. – С. 43.

Толпыгина О.А., Мелешкина Е.Ю. Структура партийного спектра России// Партийная организация и партийная конкуренция в «недемократических» режимах. - М.: РОССПЭН, 2012. – С. 112-132.

Толпыгина О.А. Идеино – политические контуры партийного ландшафта современной России. Монография. М. ИНИОН РАН, 2014.

Файрушина М.З. Специфика российского электорального консалтинга на этапе развития политического рынка // Вестник Башкирского университета. 2011. Т.16. №2. С.560.

Фасеев И.Ф. Конституционно-правовое значение непосредственного действия прав граждан избирать и быть избранными в представительные органы власти // Конституционное и муниципальное право. 2011. №7. С. 33-41.

Феномен многопартийности в российском обществе. Саратов, 2006.

Хмылев В.Л. Современная Россия сквозь призму концепции эпохи симулякров // Вестник Томского Государственного Университета 2009. №320.

Холодарева В.И. Жан Бодрийяр: свобода как симулякр // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. №7.

Холодилин М. Особенности становления регионального политико-избирательного маркетинга в России // Власть. 2007. №5.

Холодковский К.Г. Партии: кризис или закат? // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С.64-65.

Чижов Д.В. Российские политические партии: между гражданским обществом и государством. М.: РОССПЭН, 2008.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве // Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М., 1904.

Чувиллина Н.Б. Политические партии и выборы в российских регионах в 2004-2008 гг. // V Всероссийский конгресс политологов. Тезисы докладов. М., 2009. С.460;

Шабров О.Ф. Партогенез и партийные системы: параметры, классификация, российская реальность // Социология власти. - 2006.- №1. С. 15-37.

Шакин Д. Президентские полномочия и партийная система: сравнительный анализ постсоветских режимов // Экономическая политика. 2008. №3.

Шепель Ф. Имиджеология: как нравиться людям / Ф. Шепель. – М., 2002.

Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде. Саратов. 2003.

Шугаев А.А. Партийно-политические системы на региональном уровне: проблемы развития на примере Саратовской и Самарской областей // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 4. С. 43-48.

Шугаев А.А. Количественный анализ партийных систем: российский опыт // // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2009. № 3. С. 70-75.

Шугаев А.А. Государственная поддержка российских НКО как фактор консолидации общественного сектора // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия Саратов. 2014. С. 90-96.

Шорина И.Н. Политические симулякры глэм-капитализма как средство формирования общественного доверия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №3. С.406-409.

Штоль В., Федорченко С. Технологии политического менеджмента в российском партстроительстве // Обозреватель. 2013. №6. С.47-58.

Щербак А. П. Коалиционная политика российских партий//Полис. 2002. №1

Юрьев В.М. Политические партии современной России: к характеристике дискурса // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2004. №2. С. 18.

Яргомская Н.Б. Избирательная система и уровень партийной фрагментации в России // Полис. 1999. №4

- Almond G.A., Powell G.B., Jr. *Interest Aggregation and Political Parties*//Almond G.A., Powell G.B., Jr. *Comparative Politics Today*. N.Y. 1996;
- Beyme K. von. *Political Parties in Western Democracies*. Aldershot, 1985.
- Collier D., Levsky S. *Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics*. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430-451;
- Democracy and Political Transformation. Theories and East-Central European Realities*. Budapest, 1991;
- Democratization in Russia: the Development of Legislative Institutions / Ed. by J. Hahn*. New York, 1996;
- Diamond L. *Economic Development and Democracy Reconsidered / Reexamined Democracy. Essays in Honor of Seymour Martin Lipset // G. Marks and L. Diamond (eds.)*. London, 1992. P. 93-139;
- Heindl G. *Wahlbeobachtung in Russland*. Wien, 2004;
- Janda K. *Political Parties: A Cross-National Survey*. New York, 1980;
- Karl T., Schmitter P. *Models of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe*// *International Social Science Journal*. 1991. Vol. 43. № 128. P. 269-284.
- Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe America, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore and London, 1996;
- McFaul M. *The Perils of Russia's Protracted Transition*. *Journal of Democracy*. 1999. Vol. 10. №2. P.4-18.
- McFaul M. *One Step Forward, Two Steps Back // Journal of Democracy*. 2000. Vol. 11. № 3. P. 19-33;
- Nichols T.M. *The Russian Presidency. Society and politics in the Second Russian Republic*. London, 2000;
- Nogee J.L., Mitchell R.J. *Russian Politics. The Struggle for a New Order*. Boston, London, 1996;
- O'Donnell G. *Illusions About Consolidation // Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. № 2. P. 34-51;
- Ostrow J.M. *Comparing Post-Soviet Legislatures. A Theory of Institutional Design and Political Conflict*. Columbus, Ohio, 2000;
- Rawlings H. *Law and the Electoral Process*. L., 1988.
- Remington T. *The Russian Parliament. Institutional Evolution in a Transitional Regime, 1989-1999*. New Haven & London, 2001;
- Remington T.F. *Politics in Russia*. 2nd ed. New York, 2002.
- Remington T., Smith S. *The Politics of Institutional Choice. The Formation of the Russian State Duma*. Princeton & Oxford, 2001;
- Roeder P. *Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regime // Post-Soviet Affairs*. 1994. Vol. 10. № 1. P. 61-101.
- Russian Parliament Encyclopedic Directory*. Washington, D.C., 1996.
- Sartori G. *Parties and Party Systems*. N.Y.,1978;
- Sartori G. *The Sociology of Parties: A Critical Review / The West European Party System // P. Mair (ed.)*. Oxford, 1990. P. 150-182;
- Solnick S. *Russia's Transition: Is Democracy Delayed Democracy Denied? // Social Research*. 1999. Vol. 66. №3. P.789-824.
- The 1999-2000 elections in Russia: Their impact and legacy / Ed. by Vicki L. Hesli, William M. Reisinger*. Cambridge, 2003;
- Upset S.M., Rokkan S. *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments//The West European Party System / Ed. P.Mair*. Oxford. 1990.

Диссертации и авторефераты:

- Алексеев Ю.М. Особенности политической интернет-коммуникации: региональный аспект. Автореферат дисс....канд.полит.н. Саратов. 2010.
- Амиров В. М. Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегия реализации. Дисс. канд. филолог. наук. Екатеринбург: Уральский Государственный Университет им. А. М. Горького. 2002. С. 49.
- Белоконев С. Ю. Формирование имиджа конкурента в региональных избирательных кампаниях в России(2000-2002гг.) Дисс. канд. полит, н. М. 2004;
- Богданов А. П. Политические партии как субъект региональной политики. Дисс. канд. полит н. М. 2003;
- Вешняков А.А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
- Головченко В.И. Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России. Автореф.дисс....д-ра полит.н. Саратов, 2009.
- Громов В. И. Политический центризм в партийном спектре современной России. Дисс. канд. полит.н. С. 2005;
- Грызлов Б.В. Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика. Автореф.дисс....канд.полит.н. Спб, 2001.
- Гусева Л.А. Сравнительный анализ региональных избирательных систем (на примере республик и областей Поволжья и Предуралья). Дисс. ... канд. полит, наук. Казань, 1998;
- Данилов Михаил Викторович. Партии в политическом пространстве современной России : Дис. ... канд. полит. наук: Саратов, 2003
- Дзахова Л.Х. Современные тенденции развития партийности в модернизации политической системы России (политологический анализ) . автореф....дисс.д-ра полит н. Ростов н/Д, 2011.
- Егорышева Н. В. Эффективность избирательной кампании в условиях современного российского общества. Дисс. канд. полит, и. Уфа. 2004.
- Жедь Б. А. Легитимные механизмы регулирования внутриполитической конкуренции в постсоветской России. Автореф. дис. ... канд. полит. н. Саратов. 2013.
- Иванченко А.В. Организационно-правовая основа избирательного процесса в Российской Федерации. Дис. в виде науч. докл. на соискание учен. степ, д-ра юрид. наук. М., 1997;
- Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. Автореф.дисс....д-ра полит.н. М., 2009.
- Красильникова О.В. Избирательные кампании в Республике Татарстан, 1990-2000 гг.: Историко-политический анализ. Дисс.... канд. ист. наук. Казань, 2002.
- Максимов М. Ю. Административная модель организации избирательной кампании. Дисс. канд. полит, н. С. 2002.
- Маслова Е.Н. Финансово-промышленные группы как субъект региональных политических процессов в современной России. Дисс....канд.полит.н. М., 2005
- Михайлов С.А. Выборы в Федеральное Собрание Российской Федерации в 1993 году: (По материалам Ивановской, Костромской и Ярославской областей). Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001;
- Михалева Г.Н. Формирование российской многопартийности в контексте трансформационных процессов. Автореф.дисс.... д-ра полит.н. М., 2011.
- Нечипас Ю.В. Исторический опыт реформирования политической системы Российской Федерации в 90-е годы. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000;
- Подколзина И. В. Становление парламентских партий в России. Дисс. канд. полит, н. С Пб. 2004.

Попов С.А. Партии в современном политическом процессе: тенденции и потенциал развития (сравнительный анализ). Автореф.дисс....канд.полит.н. М., 2001.

Пшеничников Н. В. Российские парламентские партии в региональном политическом процессе. Дисс. канд. полит.н.М. 2003:

Степанов С.И. Проблема типологии российских политических партий. Автореф.дисс....канд.полит.н. Спб, 1998.

Степанюк С.И. Концепция политической партии в теоретическом наследии М.Я. Острогорского. Автореф.дисс....канд.полит.н. Спб, 2003.

Толпыгина О.А. Идеологическое структурирование партийного спектра в современной России. Автореферат дисс....канд.полит.н. Пермь. 2012.

Трошина Н. В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе, Дисс. канд. полит, и. Саратов. 2001; и др.

Ужегов Ю.М. Политические партии и общественные организации России на выборах 1995 года в Государственную Думу. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Федоринов Е.В. Политические партии в России в условиях становления и развития плюрализма. Автореф. дисс.... д-ра полит.н. М., 2002.

Федорова С.А. Компрометирующие материалы как средство политической борьбы. Автореферат.дисс....канд.полит.н. Саратов, 2009.

Хачатурян Б.Г. Развитие российского федерализма на примере строительства органов власти в дальневосточных субъектах российской федерации (1990-1997 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000;

Царевский С. Н. Сравнительный анализ влияния политических партий на процесс принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации I – V созывов. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород. 2010.

Царевский С. Н. Сравнительный анализ влияния политических партий на процесс принятия решений в Государственной Думе Российской Федерации I – V созывов. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород. 2010.

Чернов Е.А. Группы интересов в региональном политическом процессе Российской Федерации. Дисс....канд.полит.н. Саратов, 2012;

Шашкова Я.Ю. Партийная система в процессах политической трансформации и выборов в Российской Федерации (на примере регионов Юго-Западной Сибири). Автореф.дисс....д-ра полит.н. Чита, 2011.

Шугаев А.А. Развитие партийной системы на региональном уровне. Дисс.... канд.полит.н. Саратов, 2009.

